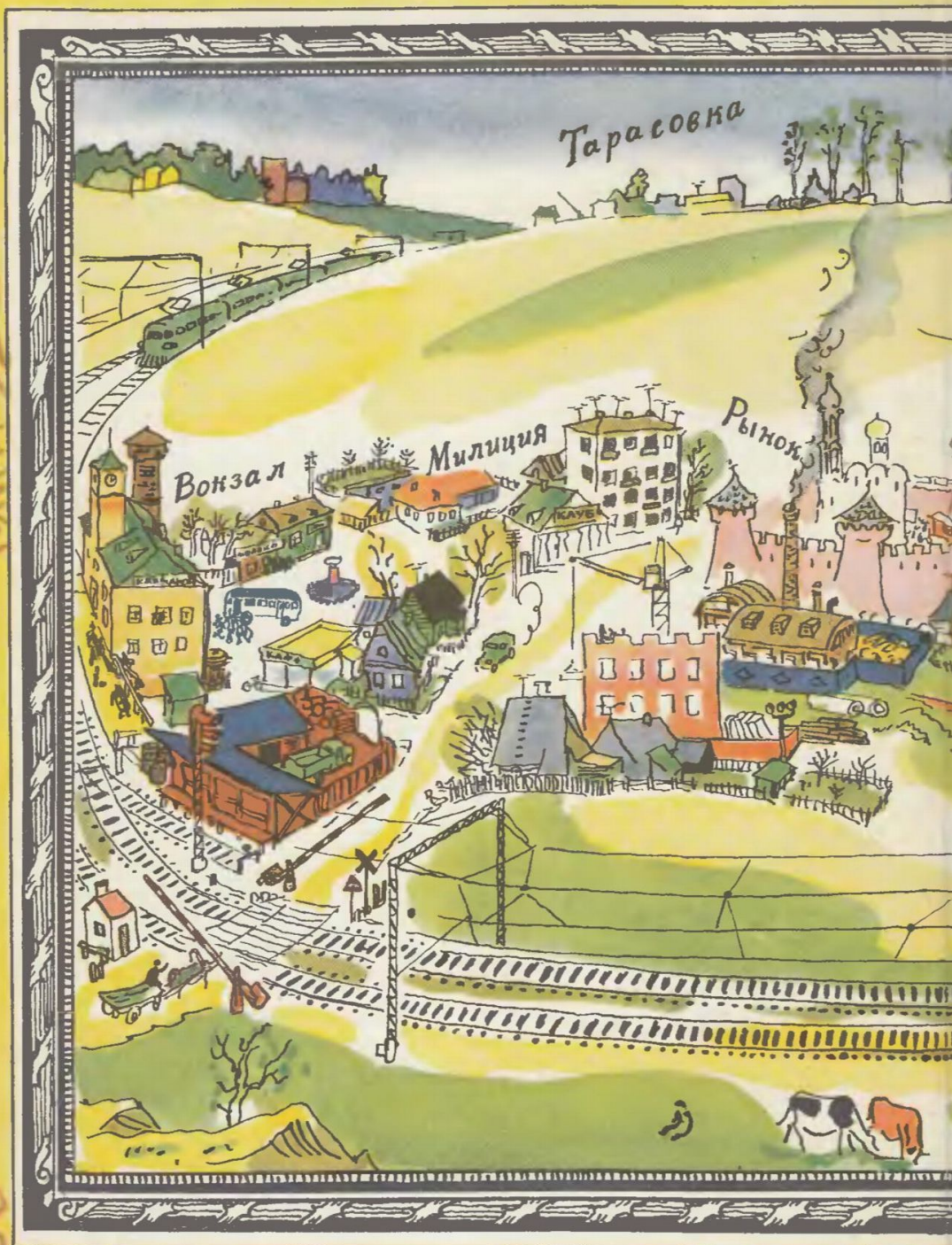


Юрий Коваль

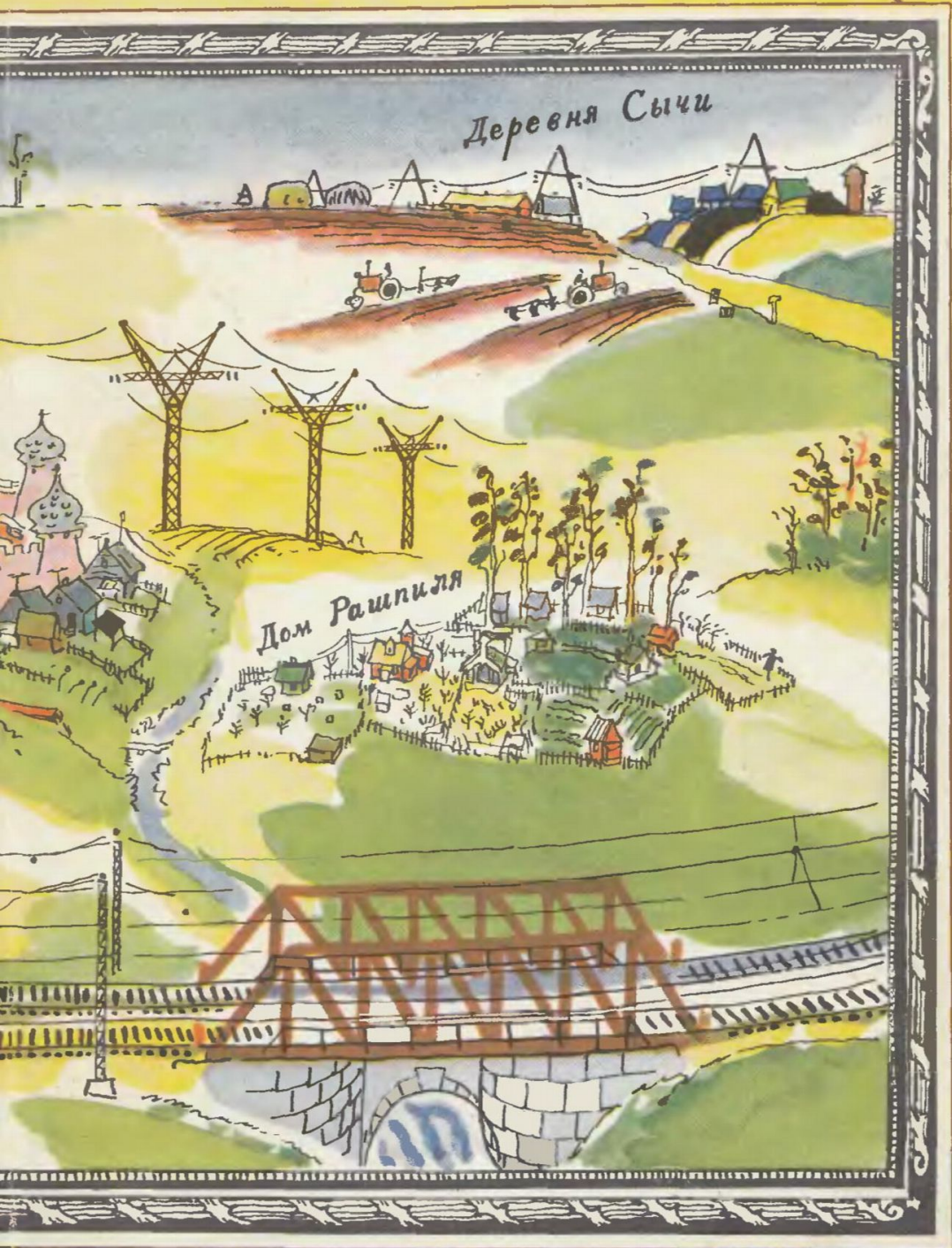
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ КУРОЛЕСОВА



ГОРОД КАРМАНОВ



И ОКРЕСТНОСТИ



Юрий Коваль

**ТРИЛОГИЯ
О ВАСЕ КУРОЛЕСОВЕ**

Звёздные дневники

2021

Коваль Ю. Трилогия о Васе Куролесове: Повести. – М.: Звёздные дневники, 2021. – 224 с., илл.

Три повести Юрия Коваля о добровольном помощнике кармановской милиции Васе Куролесове представлены в настоящем издании в вариантах, максимально приближенных к журнальным публикациям, и оформлены большим количеством цветных, в том числе полностраничных, иллюстраций.

Повесть «Приключения Васи Куролесова», опубликованная в 1971 году сразу же в виде книги, публикуется в полном виде, но с иллюстрациями Виктора Чижикова, подготовленными им для сокращённой публикации 1993 года в журнале «Мурзилка». Этот комплект иллюстраций дополнен несколькими рисунками, сделанными художником для книжного издания 1995 года.

Повесть «Пять похищенных монахов» печатается в первоначальном авторском варианте по публикации 1976 года в журнале «Костёр» с оригинальными иллюстрациями Валерия Топкова. Текст повести дополнен некоторыми фрагментами по книжному изданию 1977 года, не противоречащими сюжету и стилистике журнального варианта.

Повесть «Промах гражданина Лошакова» печатается по публикации 1989 года в журнале «Пионер» с оригинальными иллюстрациями Леонида Тишкова.

Подготовка текстов Алексея Никольского.

На обложке – кадр из мультипликационного фильма «Приключения Васи Куролесова» (киностудия «Союзмультфильм», 1981 год, режиссёр Владимир Попов, художники-постановщики Аркадий Шер, Левон Хачатрян).

На задней стороне обложки иллюстрация Виктора Чижикова.

Внутренние иллюстрации В. Чижикова, В. Топкова, Л. Тишкова.

Электронная книга рекомендуется для чтения в режиме двухстраничного вида с отдельным показом обложки.

© Ю. Коваль, текст.

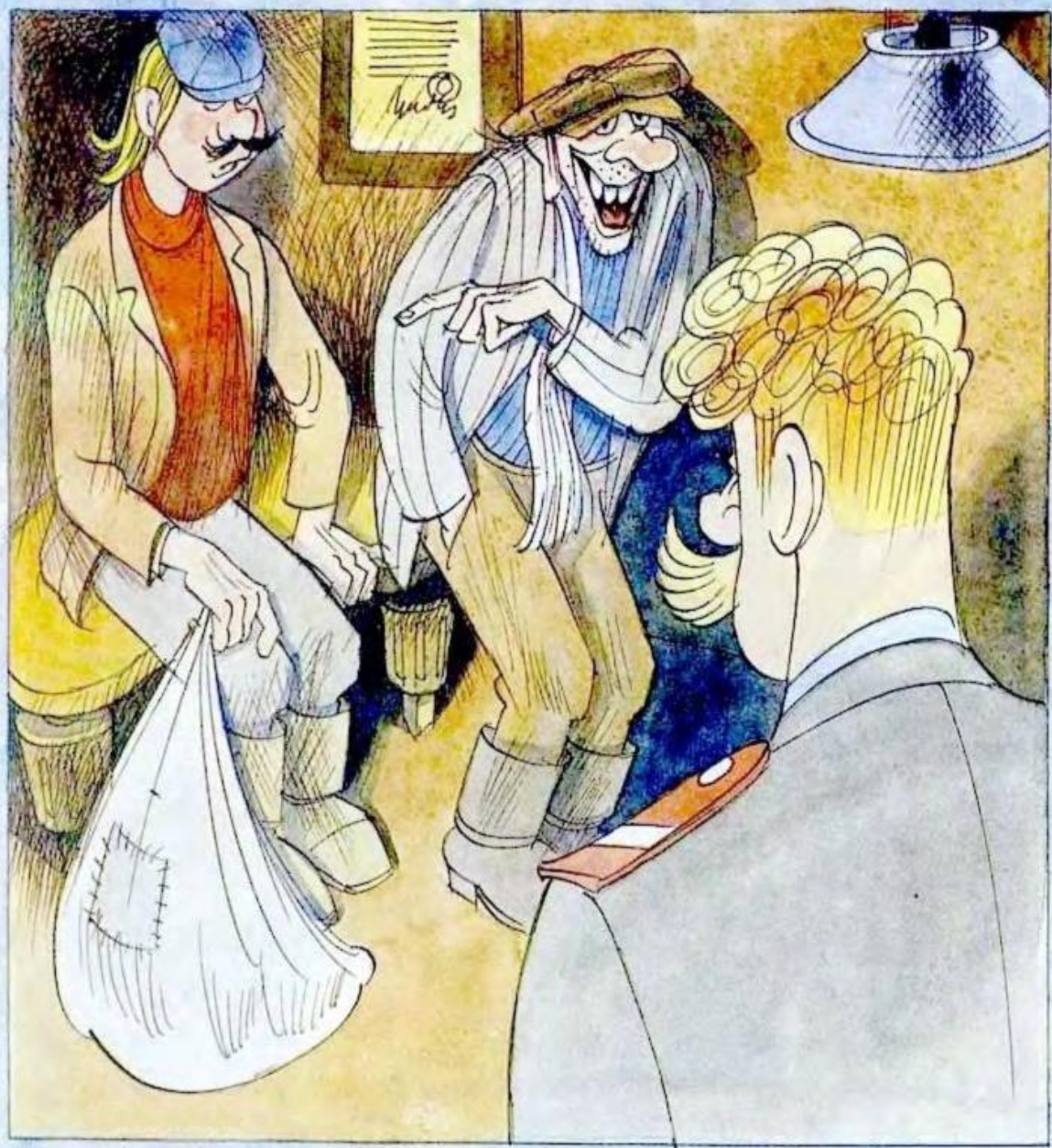
© В. Чижиков, В. Топков, Л. Тишков, иллюстрации.

© Киностудия «Союзмультфильм», иллюстрация на обложке.

© А. Никольский, подготовка текста.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ КУРОЛЕСОВА

написал
ГОРИЙ КОВАЛЬ



Рисунки Виктора Чижикова



Что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красный нос.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения. Хотя в тот вечер я сидел на лавочке у Чистых прудов и смотрел как раз на чёрных лебедей. Солнце укатилось за почтамент.

В кинотеатре «Колизей» грянул весёлый марш и тут же сменился пулемётной очередью.

Из стеклянного кафе вышел молодой человек и, распугивая с асфальта сизарей, направился прямо к моей скамейке. Усевшись рядом, он достал из кармана часы-луковицу, больше похожие на репу, щёлкнул крышкой, и в тот же миг раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

Скосив глаза, я глянул на часы и увидел надпись, искусно вырезанную на крышке:

За храбрость.

Под надписью был нацарапан маленький поросёнок.

Между тем неизвестный захлопнул крышку часов и сказал себе под нос:

— Без двадцати девятнадцать.

— Сколько?

— Без двадцати девятнадцать. Или восемнадцать часов сорок минут.

А что?

Передо мной сидел молодой парень, худой, широкоплечий. Нос у него был несколько великоват, глаза прищуренные, а щёки загорелые и крепкие, как грецкий орех.

— Где же вы достали такие часики? — завистливо спросил я.

— Да так, купил по случаю. В одном магазинчике.

Это была, конечно, ерунда. Часы с надписью «За храбрость» не продаются. Неизвестный просто не хотел рассказывать, за что его наградили часами. Он стеснялся.

— Что мне нравится в чёрных лебедях, — сказал я дружелюбно, — так это их красный нос.

Владелец часов засмеялся.

— А мне, — сказал он, — чёрные лебеди вообще не нравятся. Лебедь должен быть белым.

Слово за слово — мы разговорились.

— Интересно, — толковал я, — почему это у вас на часах поросёнок нарисован?

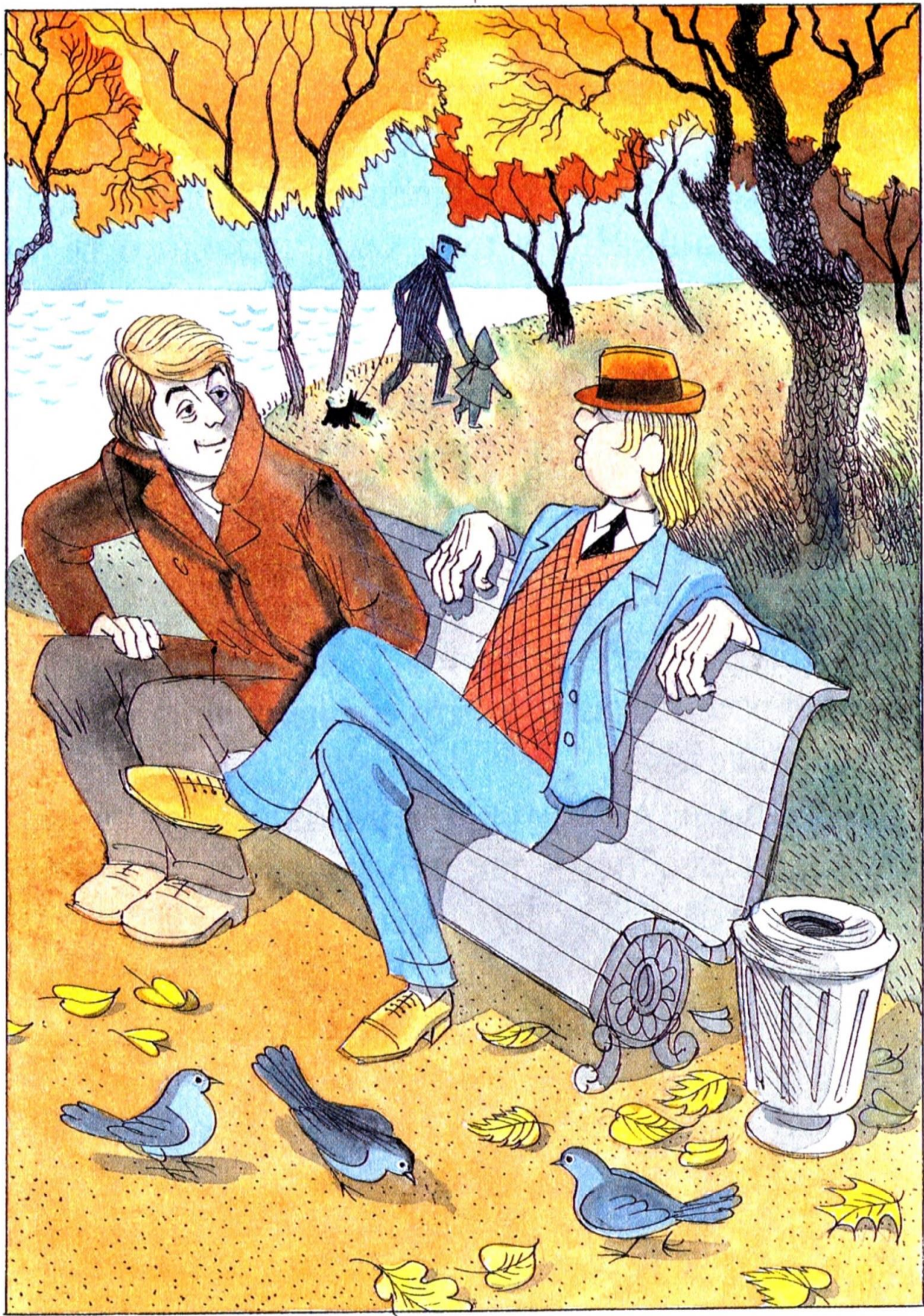
— Да это так просто — шутка. Ничего интересного.

— Ну, а всё-таки?

— Дело давнее. Я ведь тогда жил ещё у мамы. В деревне Сычи.

— Ну и что там произошло?

— Да ничего особенного...



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УСЫ И ПОРОСЯТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. В ДЕРЕВНЕ СЫЧИ

Вместе со своей мамой Евлампьевной жил Вася в деревне Сычи.

Мама Евлампьевна держала кур с петухом и уток, а Вася учился на механизатора.

Как-то весной, в начале мая, мама Евлампьевна и говорит Васе:

— Васёк, кур у нас много. И утки есть. А вот поросят нету. Не купить ли?

— Мам, — говорит Вася, — на что нам поросята? Вырастут — свиньями станут. В грязи будут валяться. Противно-то как.

— Васёк, — говорит Евлампьевна, — да пусть валяются, тебе-то чего? Давай купим!

— Мам, — говорит Вася, — да ну их! Хрюкать начнут — отбою от них не будет.

— Васёк, — говорит Евлампьевна, — да много ли тебе надо отбою! Похрюкают и перестанут. А мы их будем помойкой кормить.

Они поговорили ещё и решили всё-таки купить двух поросят.

И в выходной день Вася взял мешок из-под картошки, вытряхнул из него пыль и поехал на рынок в районный центр. В город Карманов.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЁРТЫЙ КАЛАЧ

А народу на рынке было полно.

У ворот, на которых написано было «Кармановский колхозный рынок», стояли женщины, толстые и румяные. Они продавали с рук цветные платки и белое бельё.

— Купи! — кричали они Васе. — Купи платок — чистый кумак!

Вася только проталкивался через толпу.

Он увидел, что рынок стоит во дворе бывшего монастыря, весь обнесён каменной стеной, а по углам — башни с резными крестами.

— А вот стекло двойное, бэмское! — кричал у входа стекольщик, который боялся со своим товаром лезть в середину рынка.

Вместе с толпой Вася прошёл в ворота, и сразу же под нос ему сунулось блюдо с красными варёными раками. Раки были кривобокими, с перепутанными клешнями. Их усы свешивались с блюда, как соломины.

— А ну! — крикнул Вася продавцу раков. — Сторонись, раковщик!

За раковщиком пошла сразу рыба. Некрасивый дядя вытаскивал из корзины лобастых язей, надавливал им на пузо. Язи открывали рот и делали «хм». И дядя бросал язя в корзину, в которой были и другие язи, переложённые крапивой.

Вася то застревал в толпе, то прокапывался дальше. Развернулись перед ним морковь и петрушка, зелёный лук — венником, репчатый — косицами.



— Каротель! Каротель! — покрикивала женщина-морковница.

— Ре-па! — ухал парень-долговяз.

Прохожие покупатели хватали-покупали, кому чего в голову взбредёт: кому — репа, кому — рыба, кому — каротель.

«А мне бы поросят, — думал Вася. — Только где же они?»

В самом углу рынка, под башней, Вася увидел, чего искал. Здесь продавали кур, гусей, телят — всякую живность. И поросят было много.

Вася долго подыскивал подходящих, не очень маленьких, да и не слишком больших.

«Мне бы средних, — думал он. — И покрепче!»

Наконец у одного черноусого мужичишки Вася увидел парочку поросят.

— Славные! — сказал черноусый, пальцем указывая на них.

— Пятачки-то у них что-то маленькие.

— У этих-то маленькие? — удивился продавец. — Каких же тебе пяточков надо? С пластинку патефонную?

— Патефона у меня нету, — сказал Вася. — А всё ж пяточок хотелось бы покрупнее.

— Балда ты! — сказал черноусый. — Нет у тебя толку в поросятах. Лучше патефон себе купи.

— Тебя не спросил! — сказал Вася, грозно посмотрел на продавца и обошёл его.

«А что, — думал он, — может, и вправду патефон купить?»

Вася ещё повертелся на рынке, поискал других поросят, а издали всё поглядывал на тех, что ему приглянулись. Он видел, как мужичишка то и дело вытаскивал их из мешка и совал под нос покупателям, уверяя каждого, что поросята славные. И правда, они были славные, с небольшими по размеру пяточками.

Вася покрутился, покрутился, да и завернул снова к черноусому.

— Ага! — крикнул тот. — Вернулся!

— Говори цену.

Мужичишка сказал, но цена Васе не понравилась.

— Высока.

— Какой же ты человек плохой! То пяточки не подходят, то цена высока.

Угрюмый ты.

— Ты сам угрюмый, вон усы-то как повисли.

— Новое дело! Теперь усы ему не нравятся! Ай да парень! Откуда только такие берутся?

— Из деревни Сычи, — веско сказал Вася. — Говори новую цену. Пониженную.

Черноусый сказал, и новая цена Васе понравилась, но он так подумал: «Поторгуюсь ещё для блезиру, пусть знает, что я — тёртый калач».

Вася поторговался ещё, и черноусый сказал:

— Вижу, ты тёртый калач. Ладно уж, скину трёшник. Только для тебя.

— Держи деньги. И суй поросят в мой мешок.



— Э, да чего там, — ответил продавец, сосчитав деньги. — Забирай их прямо в мешке, а мне свой пустой отдай.

Вася отдал ему свой мешок, вжик — перетянул мешок с поросятами верёвочкой.

«Дело сделано», — подумал Вася и пошёл к выходу.

— Стой-ка, — обиделся вслед ему черноусый, — хоть бы «до свидания» сказал.

— Ничего, — ответил Вася, — обойдётся.

Он шёл к выходу и думал: «Хоть я и деревенский парень, а грубиян».

Это ему нравилось. Ему хотелось быть грубияном и тёртым калачом, да, пожалуй, и от стреляного воробья он бы не отказался.

Вася чувствовал спиной, как трепыхаются в мешке поросята, и это ему тоже нравилось, потому что было щекотно, да и поросята, в конце концов, были, конечно, славные, правда, с маленькими по размеру пяточками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПАРОЧКА ПОРОСЯТ

На станции Вася выпил квасу в честь хорошей покупки, а потом сел в электричку. Поросята шевелились в мешке, а когда поезд тронулся, стали повизгивать.

Вася стоял в тамбуре и глядел в окошко на пробегающие поля, дачи, ёлочки, телеграфные столбы. Пассажиры в тамбуре что-то кричали друг другу, махали руками и курили, выпуская изо рта тяжёлые махровые кольца, колёса стучали под вагоном — их! — мчался поезд в деревню Сычи и ещё дальше...

К дому Вася добрался под вечер, когда солнце уже стало садиться и покачивалось над деревней Сычи.

Мама Евлампьевна стояла у ворот и ещё издали крикнула:

— Васьк! Неужто не купил?

Вася промолчал. Ему не хотелось орать на всю деревню.

— Чего у тебя в мешке-то? — кричала Евлампьевна. — Говори скорей! Неужели поросёнок? Слышь, Марусенька, Васька-то поросёнка несёт!

— Бум, бум-бум, — отвечала ей соседка Марусенька из-за оконного стекла, а чего она отвечала, не разобрать. Окно было закрыто.

— Пара поросёнков, мам, — сказал Вася, кладя мешок на землю.

— Да неси их скорей в избу! Застудишь. Они небось махонькие.

— Это ещё как сказать, — говорил Вася, внося мешок в избу. — Не такие уж махонькие, да и не слишком большие. В самый раз, крепенькие.

Пока Вася развязывал мешок, поросята шевелились в нём и повизгивали.

— И куры у нас есть, — кричала Евлампьевна, обращаясь к подоспевшей поглядеть поросят Марусеньке, — и утки! А поросят нету. Встану утром и грущу. Вот бы, думаю, поросёночка завести.

— То-то я и говорю, — басовито бубнила в ответ Марусенька. — Без свиньи какой двор. Со свиньёй жить веселее.

— Да развязывай же скорее! — кричала на Васю Евлампьевна.

— Куда спешить-то, мам?.. — отвечал Вася, развязав мешок. Он встряхнул его, и из мешка, ощерясь и вроде даже противно улыбаясь, вылез рыжий облезлый пёс.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТЁМНАЯ НОЧЬ

Ночь стояла на дворе.

Лунный блик мерцал через окошко. В темноте тикали на стенке ходики: тик, тик, тик...

«Ну, дьявол черноусый! — думал Вася, ворочаясь на кровати. — Ловко обманул».

Мама Евлампьевна тоже не спала.

— Ладно, Васьк, — вздыхала она. — Спи. Обойдёмся и без свиньи. Вон у людей даже кур нету — живут.

Но Вася не мог спать. Только закроет глаза — видится ему рынок в Карманове, толпа народу, грызущая семечки, а вдалеке, под башней, — черноусый, противный-противный. И всё подмигивает: «Купи поросёночка!»

«Как же пёс оказался в мешке? — думал Вася. — Не через дырку же пролез! Значит, черноусый мешки переменял, пока я деньги считал. Вместо мешка с поросятами подсунил мешок со псом».

— Ты куда пса девал? — спросила Евлампьевна. Она всё ворочалась на печке, переставляя валенки, которые там сушились.

— На улицу выгнал.

«А пёс-то какая свинья! — думал Вася. — Сидел в мешке и нарочно похрюкивал. Надо было его поленом огреть...»

А я-то хорош! — думал Вася далее. — Развесил уши: мол, я тёртый калач! А сам — лопух лопухом».

Наконец Вася заснул и спал мрачно, без снов, вздрагивая и огорчаясь. И ночь над Васей, над деревней Сычи была тёмная, совсем тёмная, весенняя, когда снег уже сошёл, а земля под ним оказалась такой же чёрной, как и в прошлом году.



ГЛАВА ПЯТАЯ. РЫЖИЙ

С рассветом Вася хмуро проснулся, попил чаю из холодного самовара и пошёл на улицу.

Он вышел на крыльцо, и тут же под ступеньками что-то затрещало, зашуршало, и оттуда выскочил рыжий пёс. Вид у него был неважный. Одно ухо стояло, другое висело, третьего, как говорится, вообще не было. Хвостик у пса тоже был не ахти какой — рогулька в репейниках.

— Ну что, мешочник, — сказал Вася, — совсем совесть потерял? Свинью в мешке изображаешь? Поди сюда!

Пёс не подошёл, а только задней лапой стал яростно чесать ухо. Ясно было, что он действительно потерял совесть. Вдруг он увидел петуха, вылезшего из-под сарая. Тут же рыжий кинулся на петуха и в мгновение ока загнал его на крышу.

— А ну! — грозно сказал Вася. — Иди сюда!

Рыжий лениво двинулся к Васе. Но потом оглянулся и увидел собственный хвост. Кладнув зубами, он хотел его поймать. Но хвост увильнул. Рыжий бешено закрутился на месте, а хвост никак не поддавался.

— А ну! — ещё грознее сказал Вася.

И тут же рыжий поймал хвост. Поймал, пожевал, выплюнул. Нехотя он пошёл к Васе, всё время оглядываясь на свой хвост.

— Твоё счастье, что у меня от сердца отлегло. Иначе не миновать бы тебе по башке поленом. Смотри, какой у меня кулак, — Вася показал псу кулак. — Ужас просто, а не кулак, — сказал он и сам поглядел на свой кулак.

Вообще-то кулак был не такой уж безумно большой. Скорее средних размеров. Балалаечный кулачок. Но на рыжего он, видно, произвёл впечатление.

Тут Вася взял пса за ухо, потому что заметил в нём какую-то штуковину. Вывернув ухо наизнанку, он вытащил эту штуковину, запутавшуюся в шерсти.

— Смотри-ка! — удивился он. — Пчела!

Рыжий понюхал пчелу и вроде как плюнул.

— Ухом пчелу поймал. Ну и ушки!

Вася выбросил пчелу и тут же почувствовал какой-то знакомый запах. Он пошмыгал носом, принюхиваясь.

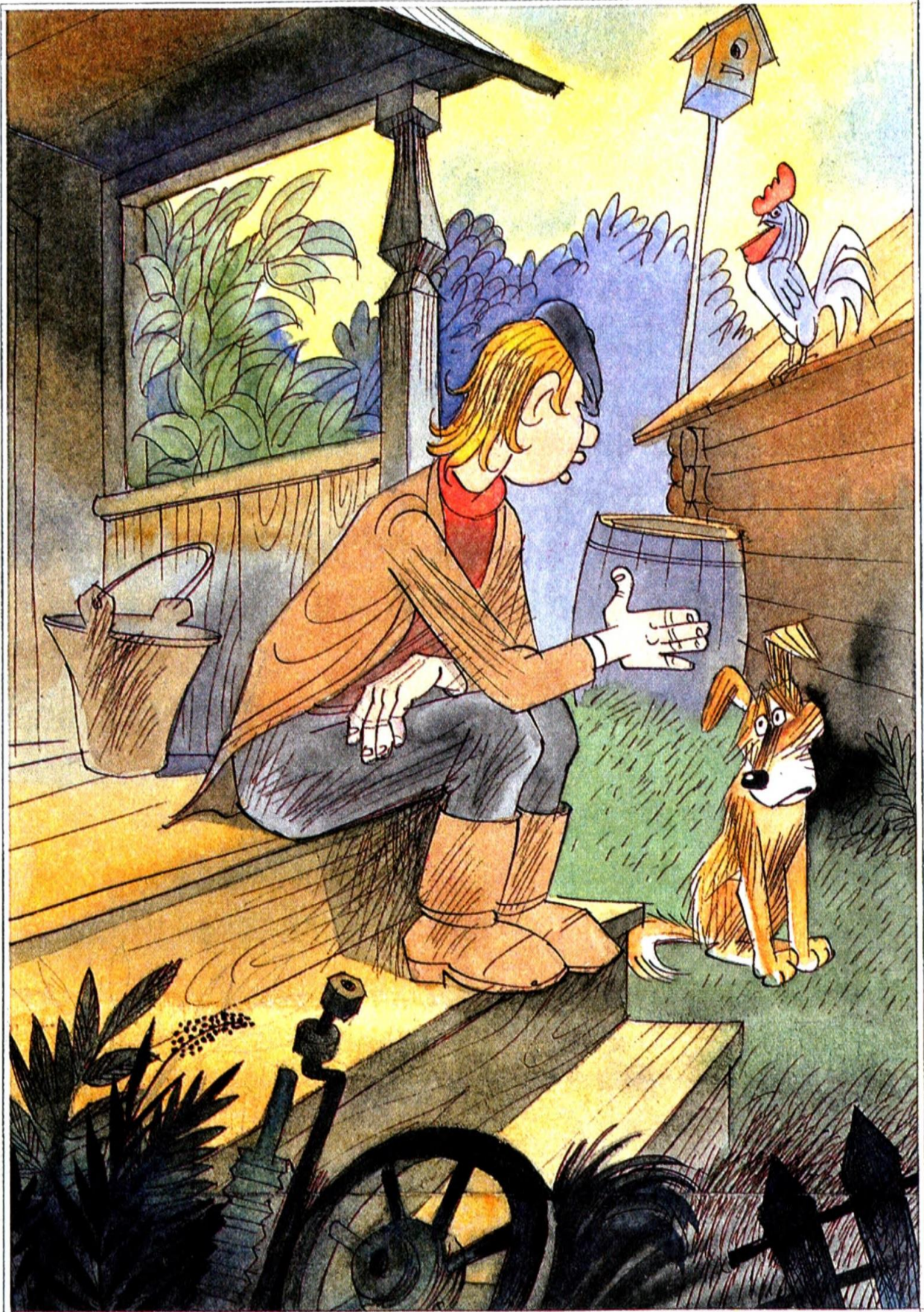
— Что такое? Чем это от тебя пахнет?

От рыжего, конечно, пахло собакой, а ещё травой, пуганым петухом, но что удивительно — от него пахло мёдом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОБЫКНОВЕННЫЙ МЕШОК

«Так-так-так-так-так, — думал Вася. — Что же это получается? Пчела и запах мёда!.. Так-так-так-так-так. Это, конечно, неспроста. Ну-ка, посмотрим мешочек, в котором пса привезли».

— Сиди здесь, — сказал Вася рыжему, а сам пошёл в дом.



«Вдруг да на нём знаки какие-нибудь есть», — думал Вася, разглядывая мешок.

Нет, никаких знаков не было — обыкновенный мешок, серый да заляпаный, с заплаткой на боку. Тогда Вася встряхнул мешок, и из него посыпались соломенная труха, пыль и опилки. Вася присел на корточки и стал рассматривать эту пыль, лежащую на полу.

— Ты что это, Васёк? — спросила Евлампьевна.

— Вот она, — сказал Вася и вытащил из сора пчелу. Он положил её на сундук, а сам принялся нюхать мешок.

— Люди добрые! — напугалась Евлампьевна. — Васёк мешок нюхает!

— погоди, мам, кричать. Ты лучше понюхай, чем пахнет.

— Вот напасть-то! Сроду я мешков не нюхала!

— Да ладно, мам. Ты скажи, чем пахнет.

— Известно чем, — кричала Евлампьевна, — псом паршивым пахнет!

— Да нет, мам, не псом. Ты понюхай.

— Я, Васёк, издали понюхаю, — согласилась наконец Евлампьевна и стала нюхать примерно с двух шагов.

— Подойди же ближе, мам, — уговаривал Вася. — Понюхай и в случае чего сразу отскочи в сторону.

Евлампьевна так и сделала.

— Ну что, мам, чем пахнет?

— Известно чем, мешком собачьим.

— Ну нет, — сказал Вася, — мёдом пахнет!

И верно, от мешка пахло мёдом, а ещё воском, пчёлами.

— Вот то-то и оно, — сказал Вася, — мёдом мешочек пахнет. По этому мешку я и найду черноусого!

— Господи, — сказала Евлампьевна, — прости нас и помилуй!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВАСЯ БЬЁТ ЧЕРНОУСОГО

Всю неделю не давали Васе в деревне проходу.

— А ну-ка, Вася, — говорили ему, — расскажи, как ты поросят покупал!

Вася мрачно молчал и только старательно учился на механизатора — целыми днями копался в моторе старенького трактора «Беларусь».

Рыжий пёс к Васе привязался и всё время бегал за ним. Был он, видимо, пёс уличный, приبلудный.

— Ну и поросёночек! — донимали Васю на улице. — А где же у него пятячок?

— За мной, Матрос! — гордо говорил Вася. Он решил рыжего назвать Матросом и оставить себе, раз уж за него деньги плачены. Кроме того, планировал Вася из этого рыжего Матроса сделать себе друга на всю жизнь.

Пока шла неделя, Вася обдумывал, как бы поймать черноусого. К субботе созрел у него в голове небольшой планчик:



«Заведу-ка я себе тоже усы. Замаскируюсь и поеду на рынок. Подойду к черноусому, скажу:

„Привет!“

„Ах, — скажет черноусый. — Я вас не знаю!“

Но тут я сыму усы и хлоп ему по зубам!»

От старого полушубка отстриг Вася бараньих волос, наклеил их на тряпочку. Получились неплохие усы, которые осталось подклеить под нос казеиновым клеем.

«Приду завтра на рынок, — думал Вася, — суну Матроса в мешок и пойду искать черноусого. А как только найду, сразу — раз по зубам!»

Вася прищуривал глаз и покручивал кулаками перед зеркалом, воображая, как будет лупить черноусого. Хрясь! Хрясь!

В субботу утром он взял Матроса на верёвку и пошёл на поезд. Через всю деревню бежали за ним братья Барановы и неприятно хрюкали вдогонку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПО СЛЕДУ

А народу на рынке было снова полно. Издали видна была большая толпа. Над толпой покачивалось в воздухе серое облако — пара, пыли, табачного дыма.

Вася отошёл в укромную подворотню и раскрыл мешок.

— Полезай! — сказал он Матросу.

Но Матросу даже и глядеть на мешок было противно, он фыркнул и замотал головой.

— Можешь повеселиться в одиночестве, — сказал Вася и кинул в мешок колотого сахара. — А мне ещё надо усы на клей посадить.

Засунув Матроса в мешок, он приладил усы и только тогда вышел из укромной подворотни. Закинул мешок на спину, прищурил глаза, поднял воротник и, воткнувшись в базарную толпу, стал приглядываться направо и налево.

И направо, и налево были всё покупатели и продавцы, и Вася прохаживался по базару, как будто он сыщик. «Я будто бы сыщик, — думал он, — и теперь иду по следу черноусого».

Вася даже нарочно зорко вглядывался в землю и видел много следов от женских туфель, от мужских полуботинок. Одной рукой он придерживал мешок, а другую держал в кармане тяжело и увесисто, как будто бы там лежит наган.

Наконец Вася протолкался в угол, под башенку. И здесь народу было полно.

Какая-то старуха привела продавать бычка. Бычок всё время мычал, а старуха ругала его:

— Не мычи, бычок! Не мычи, говорю, а то не купят.

Но бычок всё равно мычал, и от его рёва кролики прижимали уши.

Вася глядел туда-сюда, всё выискивал, нет ли черноусого. Иногда казалось, что в толпе мелькает что-то черноусое. Он кидался в ту сторону, но находил какого-нибудь чернобрового или, к примеру, красноносого.

Матрос сидел в мешке спокойно, и только, если прислушаться, можно было разобрать, как он урчит, хрустя сахаром.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. УСЫ

Самые разные лица и личности крутились на рынке и около. Серые, чёрные, зелёные, голубые глаза глядели на Васю или мимо него. Вася же смотрел в основном на носы и на то, что под ними. Нет ли усов? Но усов попадалось мало и всё больше чепуховые — мышинные хвостики.

Носы были, конечно, гораздо разнообразнее — и свистулькой, и репкой, и фунтиком. У одного дяди нос оказался вычурным, как шахматная фигура ферзь, а у другого такой дивный нос, который иначе не назвать, кроме как рубильник.

Все эти носы совсем запутали Васю.

«Зачем мне они? — думал он, отмахиваясь от носов. — Меня усы интересуют».

Вася и сам покручивал свои усы, как будто он старый усач вроде товарища Будённого.

Вася покручивал усы и щекотал пальцем Матроса, чтоб тому не было совсем уж скучно сидеть в мешке, а сам всё поглядывал по сторонам.

Поглядывать-то поглядывал, а не замечал, что в стороне стоят два человека и тоже рассматривают его.

— Кажись, это он, — сказал один из этих двоих, разглядев Васю, — только усы прилепил, замаскировался.

— А чего ему надо?

— Пришёл за поросятами.

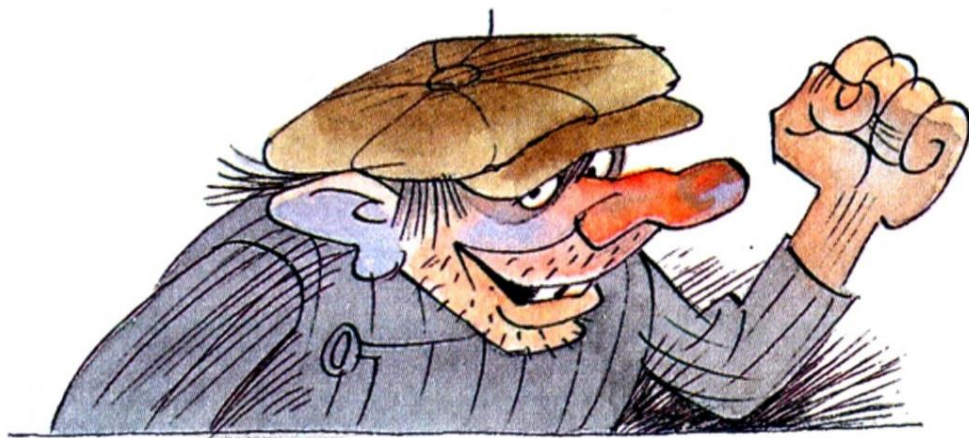
Тут они грубо засмеялись, и второй сказал:

— Смотри-ка, в мешке-то у него что-то шевелится. Наверно, пса туда запхнул!

— Надо нам отсюда смываться.

— погоди, зачем же? Парень-то лопух — усы нацепил, пса в мешок засунул. Сейчас я ему устрою концерт.

— А не опасно?



— Чего же опасно? Документы у меня в порядке. Сейчас я его навеки отучу поросят искать.

Тут эти два человека пошептались ещё и разошлись в стороны.

«И зачем только люди носят усы? — думал в это время Вася. — Какой в них толк? Нос, к примеру, нюхает, рот жуёт, глаза глядят, а чего делают усы?.. Возьмём, к примеру, таракана, — размышлял он дальше, — вот у него усы на месте. Или Матрос. Обрежь ему усы — он и колбасу не учует. А мне-то зачем усы? Разве для красоты? Но я и так парень ничего себе — нос крупный, глаза маленькие. Я и так, наверно, красивый».

Вася потолкался ещё немного, искал черноусого, но не заметил ничего похожего.

«Да и то сказать, — думал он, — не такой дурак черноусый, чтоб снова на рынок прийти. Он теперь дома сидит, деньги считает».

Вася выбрался из толпы и остановился у входа, возле стекольщика, который всё покрикивал: «Вот стекло двойное, бэмское...»

— Чего у тебя в мешке-то? — спросил стекольщик. — Чем торгуешь?

— Не твоё стеклянное дело.

— Тебе стекла не надо?

— Не надо.

— Напрасно, — сказал стекольщик, — неплохое стекло. К тому же двойное, бэмское.

Он достал из заплечного ящика кусочек стекла и чпокнул его два раза ногтем. И стекло сказало: «Бэмс, бэмс».

Но Вася не слушал.

— Ты скажи лучше, стеклянная душа, черноусого не видел?

— Дак ты сам черноусый, — сказал стекольщик и ткнул Васе пальцем под нос. И так противно ткнул, что Вася обиделся.

Он сердито глянул на стекольщика и увидел, что тот — мужчина неприятный: глазки тусклые, стеклянные, спрятались под ржавыми бровями, а лицо — рябое, так изрыто оспой, что напоминает рашпиль, которым обтачивают деревянные болванки.

Вася уже хотел сказать стекольщику что-нибудь тяжёлое, но после махнул рукой и решил двигать к дому.

В этот момент кто-то тронул его за рукав:

— Ваши документы!

Вася оглянулся. Перед ним стоял милиционер с такими огромными рыжими усами, как будто он их отращивал с самого дня рождения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНИНА КУРОЧКИНА

Глаза его мерцали синим светом, на фуражке полыхали кокарда и красный форменный кант, а усы над строгими губами стояли грозно и торжественно, как радуга над рекой. Широкоплечий и сияющий милиционер навис над Васей.



— Документики! — повторил он, протягивая к Васе толстый палец.

— Да они в деревне.

— Тогда пройдётте.

— Куда это?

— Пройдётте, пройдётте.

— Нет, но это куда же?

— Пройдётте, пройдётте, — повторил милиционер и уже крепко держал Васю за руку повыше локтя и вёл его куда-то вправо, через толпу, и покрикивал: — Посторонись! Посторонись! Ппрра-ппу-сти!

Этот уса́тый милиционер был знаменитый старшина Тараканов. Мелкие рыночные жулики и карманные воры так боялись его, что вместо «старшины» называли «страшиной». Кроме того, прозывали его Тараканий Ус или просто Тараканиус. Но это, конечно, мелким жуликам не помогало.

— Посторонись! — всё покрикивал старшина и жёсткой рукой подтягивал Васю за собою.

Кокарда на его форменной фуражке ослепительно вспыхивала, как зеркало на лбу врача-носовика.

— Пстойте, товарищ милиционер, — притормаживал Вася. — Давайте разберёмся! Я вас не понимаю!

Матрос, который тихо до этого сидел в мешке, вдруг стал взбрыкивать, упёрся в Васину спину, заелозил, заскулил.

— Куда мы то е́сть? — говорил Вася, совсем запутавшись в таких делах, и не мог ничего сообразить: за руку его дёргал милиционер, в спину толкался

Матрос, а вдогонку хихикал стекольщик и прохожие болтали: «Смотри-кось, мелкого жулика повели!»

Старшина Тараканов взвёл Васю на какое-то крыльцо, открыл коричневую дверь, и они оказались в большой коричневой комнате. И не успел Вася разглядеть, что это за комната и сколько в ней народу находится, как на него кинулся какой-то плоский, невзрачный человек, ткнул со всего маху в бок и завопил:

— Ага! Попался, проклятый!

И трах — кулак этого человека прилип к Васиному носу.

Матрос забыл в мешке, а милиционер сжал Васину руку.

— А ну, — крикнул старшина, — успокойтесь, гражданин Курочкин! Отойдите-сядьте! Разговаривать с применением кулаков законом не дозволено!

И тут Вася увидел, что гражданин Курочкин, этот самый невзрачный и плоский, который накинулся на него, есть не кто иной, как черноусый. Да только под носом у него нету никаких усов — одни губы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ИСКРЫ ИЗ ГЛАЗ

Круги поплыли у Васи перед глазами — кривые, в красную крапинку. И в кругах этих торчал черноусый, у которого не было теперь усов. Он издали показывал на Васю пальцем и кричал:

— Это он! Я узнаю его!

Старшина Тараканов по-прежнему держал Васю повыше локтя и тянул его в угол, где стояла лавка, похожая на жёлтое пианино. Вася сел, а мешок поставил в ноги. Матрос, видно, почувствовал, что дела идут неладные, свернулся в мешке и лежал неподвижно, как пять кило картошки.

— Рассказывайте по порядку, Курочкин, — сказал старшина, обернувшись к черноусому, у которого не было теперь усов.

— Сейчас, — сказал Курочкин, волнуясь. — Попью только.

Он подошёл к настольному графину и попил, булькая горлом, как голубь-горлица.

— Прошное воскресенье, — сказал Курочкин, попив, — я купил поросят, как раз вот у этого типа. Приехал домой, гляжу — в мешке пёс. Он, рожа кривая, мешки подменил, пока я деньги считал.

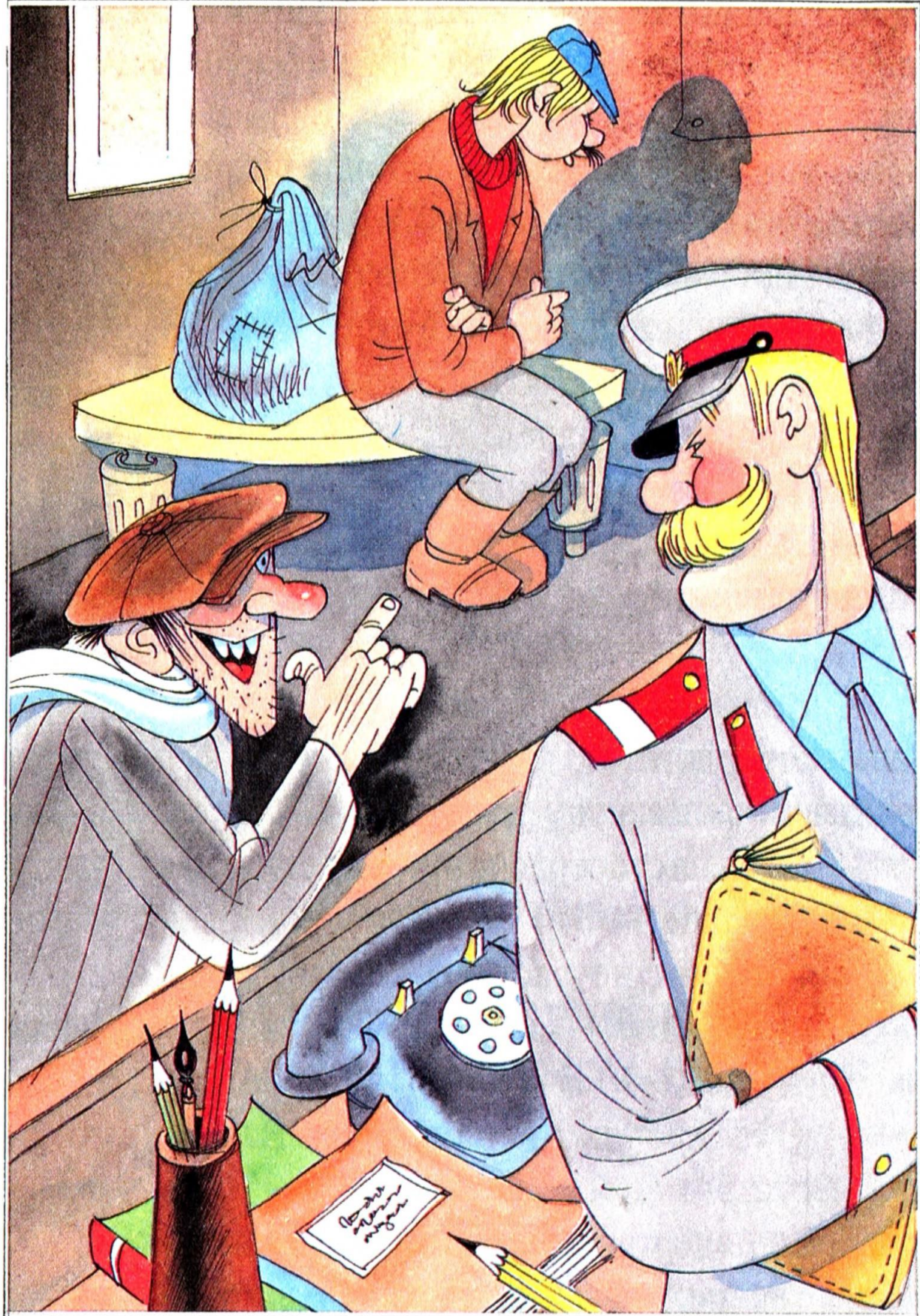
— Чего? — крикнул Вася, вскакивая с лавки. — Кто купил? Ты купил?!

— А ну-ка сядь! — сказал старшина, хватая Васю за плечо. — Сядь! Разберёмся!

Он подождал, пока Вася усядется, и дальше спрашивал Курочкина:

— Какой именно был в мешке пёс? Какой породы?

— Бандитской породы, — ответил Курочкин и поглядел на Васю. — Весь мохнатый.



И Вася тоже поглядел на Курочкина. Нет, не было у него теперь усов, голые губы синели под курочкинским носом и шевелились, выговаривая слова. А по словам этим выходило всё наоборот, как будто Вася обманул Курочкина и подсунул пса вместо поросят.

«Вон как, — думал Вася ошеломлённо, — вон как честного Васю обвиняют!»

У Васи заныла голова. Он сидел на лавке тупо и неподвижно, как сидел бы фонарный столб.

«Ну ладно, — думал Вася, — болтай, болтай, Курочкин. Я пока помолчу, а потом и открою рот. Погоди, куриная слепота, только закроешь рот — я свой живо открою!»

Но рта открыть не удавалось, потому что Курочкин своего никак не закрывал, он молот и молот, как приехал покупать поросят, а Вася его обманул.

Поскрипев пером, старшина наконец поставил точку.

— Фамилия?

Вася сказал.

— Где проживаете?

Вася отвечал, а сам глядел на старшину. Он старался глядеть так, чтобы не бегали глаза, чтоб Тараканов понял, что Вася — невинная душа. Но ничего не получалось — глаза у Васи бегали, он краснел и пугался, и старшина Тараканов, как видно, понял, что душа у Васи чёрная.

К тому же в столе у старшины Тараканова лежала секретная бумага со странным названием «ориентировка». В этой бумаге было написано, что на свете появился мошенник с чёрными усами, который продаёт пса за поросят. И вот теперь старшина Тараканов глядел на Васю, радостно понимая, что он этого мошенника поймал.

— Так ли всё было, как рассказывает гражданин Курочкин?

— Всё было наоборот.

— Знаешь что, — сказал старшина, ослепляя Васю кокардой. — Ты лучше чистосердечно признайся, положи руку на сердце.

— Да я чистосердечно, — ответил Вася, кладя руку на сердце. — Это сам Курочкин был с усами. У меня-то они не растут.

— А это что? — спросил Тараканов, указывая Васе под нос.

— Это не усы, — напугался Вася, — это от шубы отстрижено!



Вася подёргал за усы, и они отвалились.

— Так-так, — насмешливо сказал старшина, — а в мешочке у вас что?

— Матрос, — пришибленно ответил Вася.

— Ну-ка, поглядим, что за матрос.

Присев на корточки, старшина развязал верёвку.

Матрос вылез из мешка. Он встряхнулся как следует, окутавшись на миг облаком пыли.

— Ишь ты! — сказал старшина и ткнул Матроса пальцем. — В мешок залез!

Матрос огрызнулся — и палец милицейский налился кровью.

И тут Матрос получил такого пинка, что у него из глаз искры посыпались. Разбрызгивая эти искры и завывая, он вылетел в дверь и, как рыжее лохматое колесо, укатился куда-то в сторону железнодорожного депо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

«ВЗГЛЯНИ, ВЗГЛЯНИ В ГЛАЗА МОИ СУРОВЫЕ...»

Дело пошло быстрее быстрого.

У Васи отобрали усы и мешок, сунули всё это в несгораемый шкаф и замкнули секретным ключом. Потом строго взяли за плечо и отвели в какую-то мрачную комнату.

— Посидишь, — сказали и заложили дверь засовом.

Вот как повернулось дело. Никак не думал Вася, когда приклеивал усы, что это его погубит. Никак не думал, что зря сажает Матроса в мешок. Печальный стоял теперь Вася посреди комнаты, узенькой, как шкаф-гардероб.

На деревянной лавке, которая тянулась вдоль стены, сидел человек с лицом неспелого цвета и что-то мычал. Вася не сразу понял, что человек поёт, но постепенно стал различать слова:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

Вася поглядел в глаза певцу, но ничего особо сурового в них не увидел — так, серая муть, голубая чепуха.

— Ты кто такой? — спросил вдруг певец тяжёлым голосом.

— А ты? — насторожился Вася.

— Чего? Кто я такой? Да если я скажу, ты умрёшь от страха! Меня вся Тарасовка знает! Понял? Туши свет!

— А меня все Сычи знают.

— Туши свет! Меня Рашпиль знает! Я знаешь кто?

— Кто?

Тут человек, которого знала вся Тарасовка, наклонился к Васе и сказал таинственно:

— Я — Батон! Слыхал?

— Слыхал, — сказал Вася, хотя ничего подобного он раньше не слышал.

— То-то! — грозно сказал Батон. — Туши свет!



— А я знаешь кто?

— Кто?

— Я Вася Куролесов! Слышал?

— Слышал, — неожиданно сказал Батон и протянул руку. — Здравóво!

Вася подал руку, и тут же Батон сжал её с оглушительной силой. Вася поднатужился и тоже крепко сжал батонскую руку. Тот ещё напрягся, и Вася поднадавил. Они жали руки с такой силой, что, окажись там, внутри рукопожатия, медный шарик, он бы, конечно, расплющился.

От напряжения рыхлое лицо Батона налилось кровью. Он был и вправду похож на большой белый батон, одетый в брюки. Живот его был кругл, а голова маленькая, как и полагается батону.

— Тебя за что взяли? — спросил он, отъедняя свою руку от Васиной.

— За порсят.

— Я тоже, помню, как-то на телятах погорел. А сейчас сижу по глупости: одному пинджаку рога посшибал.

— За что же? — спросил Вася.

— Он мне на ногу наступил.

Вася невольно поглядел на эту ногу и увидел, что нога очень крупная, в ржавых ботинках на микропоре. Подробно осмотрев ногу, стал Вася оглядывать комнату. Скучной оказалась комната: стены её окрашены были коричне-

вой краской, а высоко под потолком вполне горела маленькая электрическая лампочка. Она немного помигала и потухла. И тогда Вася понял, что на улице уже вечер, целый день прошёл и принёс одни неприятности.

Стало совсем темно. Через узкое окошко не видно было ничего, чуть-чуть в нём серело, и слышен был какой-то невнятный шум и гудок далёкой электрички.

«Погиб я, — думал Вася, ложась на лавку, — теперь никак не докажешь, что я не вор. Матрос в мешке — вот что меня доконало. Эх, грустные дела».

Вася представил, как будет плакать мама Евлампьевна, выйдя его провожать в дальнюю сибирскую дорогу, станет махать платочком и совать ему в руки узелок с ватрушками.

Тихо-тихо, чтобы не услышал Батон, стал Вася плакать, и сквозь слезы замычал он песню:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОДОПРОВОДЧИКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НОС УТОЧКОЙ

Утро в Карманове долго не наступало.

Так бывает в небольших подмосковных городах — долго не наступает утро. Над Москвой уже солнечное зарево, уже пожарная сокольническая каланча позлащена восходом, а в Карманове ещё темнота, темнота — ночь.

Вася проснулся затемно и долго слушал, как сопит Батон. В предутреннем сне тот громко высвистывал носом, и, кажется, любимую мелодию: «Взгляни, взгляни в глаза мои суровые...»

Рассвело.

И скоро зашевелилась входная дверь, заныли железные петли — дверь приоткрылась, будто зевнула. В щель выставились сонные усы старшины Тараканова.

— Куролесов, выходи.

Васю снова привели в дежурную комнату. Там у окна, прислонясь к несгораемому шкафу, стоял какой-то человек в сером костюме.

По привычке Вася поискал на его лице усы, но не нашёл. Зато нашёл нос, кривой и крылатый, широкие медные щёки и прищуренные глаза цвета маренго.

Человек в сером костюме навёл на Васю свои глаза и спросил:

— Этот самый?

— Так точно, — ответил старшина, кивая на Васю. — Под носом — искусственные усы, в мешке — пёс.

Серый костюм внимательно пригляделся и вдруг подмигнул Васе: что, мол, попался?

— Так точно, — толковал старшина. — Так точно, товарищ Болдырев, этот самый и есть мошенник. Усы под носом, пёс в мешке.

«Вот это фамилия! — подумал Вася. — Болдырев! Как будто самовар в воду упал. Наверно, начальник!»

— Не может быть, чтоб этот самый, — сказал между тем Болдырев, внимательно глядя на Васю.

— Да как же, товарищ капитан?.. — забеспокоился старшина. — Усы-то под носом!

— Уж не знаю как, — ответил капитан Болдырев. — Приметы не совпадают. Мошенник, которого мы ищем, пожилой, а этот слишком уж молод. Ну-ка, парень, рассказывай, зачем ты усы прилепил?

— Для маскировки. Он лепит, и я буду лепить!

— Рассказывай по порядку, — серьёзно сказал капитан. — С самого начала и чтоб всё было ясно.

Всё время, пока Вася рассказывал, капитан хмыкал и пронзительно глядел на старшину.

— М-да, — сказал он потом, — дела неважные. Что-то вы, товарищ старшина, напутали. Расскажите, какой из себя Курочкин.

— Невысокого роста, пожилой, — отвечал старшина Тараканов и вдруг побледнел. — Нос уточкой.

— Какой нос?

— Уточкой, — повторил старшина, бледнея всё больше.

— Ну вот, — сказал капитан Болдырев. — И нос уточкой. Приметы сходятся, а усы он сбрил. Этот Курочкин и есть тот самый человек, которого мы ищем.

— Да как же?.. — растерянно твердил старшина. — Он же паспорт показал, живёт в Перловке, сторож картофельного склада.

— Паспорт поддельный, — строго сказал капитан. — А картофельного склада в Перловке сроду не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЕЛЕГРАММА

Да, вот какие получились дела. И в голову не пришло старшине Тараканову, что Курочкин и есть тот самый мошенник, а Вася — простой человек.

— Да, — сказал капитан Болдырев, глядя на старшину нестерпимым взглядом, — вон какие получились дела.

Старшина открыл секретным ключом несгораемый шкаф, вынул оттуда мешок и усы, подержал печально их в руках и протянул Васе:

— Возьмите, гражданин.

— Что за мешок? — спросил капитан.

— Ихний мешок, — ответил совсем расстроенный старшина. Усы его поникли, как спортивные флаги под дождём.

— Это не мой мешок. Это мешок вашего Курочкина. А вот усы мои.

— Интересно, — сказал капитан, разглядывая мешок. Он постелил на стол лист чистой бумаги и потряс мешок. Всякая труха посыпалась оттуда. Тут же капитан — чик-чик — свернул труху в кулёчек и сунул в нагрудный карман.

«Рассматривать, наверно, потом будет, — подумал Вася, — под микроскопом».

— Вы понюхайте мешок, — сказал он капитану.

— А что? Пахнет?

— Ещё как!

— Верно, — сказал Болдырев, понюхав. — Запах есть. Только не пойму, чем пахнет. Не укроп ли?

Старшина Тараканов тоже протянул к мешку нос и несколько раз понюхал.

— Запах есть, — сказал он, — только тонкий запах. Я его не пойму. Это, наверно, мимозы.

— Ничего тонкого, — сказал Вася. — Запах мёда.

— Мёд? — удивился Болдырев. Он снова взял мешок в руки и принялся пристально нюхать.

— И ещё я в нём пчелу нашёл, — сказал Вася, — а другая была у пса в ухе. Вот я и думаю: по этим приметам можно найти Курочкина.

— Во парень! — удивился Тараканов. — И носом чует, и головой работает.

— Молодец, — подтвердил капитан Болдырев, — ты, я вижу, сообразительный.

— Маленько мерекаю, — ответил Вася с достоинством.

В этот момент дверь в дежурную комнату распахнулась, и вошёл рядовой милиционер по фамилии Фрезер.

— Товарищ старшина! — сказал он. — Вам срочная телеграмма.

Тараканов разорвал бланк и прочёл телеграмму:



ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДОПРОС МАТРОСА

«Устал как собака, — думал Вася, выходя из милиции, — и не выспался».

В милицейском палисаднике и на улице, за забором, было пусто. Только одинокий кармановский гусь бродил среди луж.

Поглядев на гуся, Вася так зевнул, что у него всё в глазах перевернулось, а когда всё снова установилось, гусь уже мчался, гогоча, по лужам, а вслед за ним — рыжая рычащая фигура с обрывком верёвки на шее.

Загнав гуся под милицейский мотоцикл, фигура эта направилась к Васе и улеглась у его ног, хлопая хвостом по одуванчикам.

— Привет! Кого я вижу!

Матрос повалился на бок, и Васе пришлось почесать ему живот. Он почёсывал его, разглядывая обрывок верёвки.

— Блохи? — слышалось за спиною. Капитан Болдырев вышел на крыльцо и разглядывал Матроса.

— Да нет, — сказал Вася, — собаки любят, когда им брюхо чешут.

— Да? — удивился капитан. Он хмыкнул, присел на корточки и тоже стал почёсывать Матроса.

— Да, — подтвердил Вася, — а я вот ни за что не дал бы себе брюхо чесать.

Матрос совсем, видно, обалдел от счастья, от того, что его чешут сразу два человека. Старшина Тараканов строго смотрел на всё это дело в окно.

— Видите верёвку? — спросил Вася капитана. — Я её на Матроса не цеплял. Видно, Курочкин снова его приманил, когда я в милиции сидел, и посадил на верёвку. А Матрос её перегрыз и ко мне вернулся. Кому же приятно свинью изображать?

— М-да... — сказал Болдырев. — Значит, Матрос порвал с преступным миром. Решил начать новую жизнь. Это неплохо. А всё-таки надо бы его судить да ещё и посадить годика на три.

— Ну нет, — сказал Вася, — Матрос — честный пёс. Это Курочкин виноват.

— А зачем он хрюкал? Собака лаять должна. Наверно, он тренированный.

— Да не хрюкал он, — сказал Вася. — Он молчал и вроде скулил, а мне казалось — похрюкивает.

— Лаять надо было, — строго сказал капитан.

— Его мешок оглоушивает, — пояснил Вася. — Сунешь его в мешок — он и замолкает.

— Ну может быть, и так, — добродушно сказал капитан, — а всё же надо бы попробовать.

— Чего попробовать? — не понял Вася.

— Попробовать... не наведёт ли он нас на след. Курочкинский.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МАТРОС НАВОДИТ НА СЛЕД

Первым делом Вася дал Матросу понюхать мешок:

— Ищи, Матрос, ищи! Где Курочкин?

Матрос виновато заскулил и лёг на землю, ожидая, видно, что ему снова будут чесать живот. Но ему подсунули мешок.

— На, Матрос, на! Нюхай мешок! — приставал к нему Вася.

Матрос сопел и из уважения к Васе нюхал мешок.

— Э-э, — сказал капитан, — так дело не пойдёт. Чего ему зря нюхать мешок? Он в нём сидел, нанюхался.

— Пчёлы! — вспомнил тогда Вася. — Пчёлы, Матрос! Вжу-вжу, вжу...

Вася жужжал, шевелил по-пчелиному пальцами и чуть ли не летал над Матросом. Тот не знал, куда деваться: то подпрыгивал на месте, то начинал брехать.

— Чепуха, — сказал капитан Болдырев, — ничего не получится. Дворняга есть дворняга.

Он подошёл к Матросу и вдруг топнул ногой и крикнул:

— Домой!

От неожиданности Матрос прижал уши.

— Домой! — повторил Болдырев. Он сверкнул глазами и снова топнул с такой силой, что земля затрещала.

— Домой! Домой! — подхватил Вася.

Он тоже затопал ботинками и попытался сверкнуть глазами. Получилось это у него не так мощно, как у капитана, но Матросу, видно, всё-таки не понравилось, что на него сверкают и топают. На всякий случай он побежал куда-то, всё время оглядываясь. Вася и Болдырев побежали за ним.

Матрос сворачивал с одной улицы на другую, пробегал проходными дворами, и вскоре они оказались на окраине города Карманова, в редком сосновом лесу. Здесь стояли дачи за голубыми и серыми заборами.

Матрос остановился у забора, сбитого из разнокалиберных досок и штакетов. Кое-где его подлатали ржавой жестью — специально, чтоб не было за ним ничего видно.

Матрос сел у калитки, поджидая Васю и Болдырева.

— Чего уселся? — крикнул Вася, подбегая.

Матрос заскулил и лёг на землю.

— Домой!

И тут Матрос, видно, совсем обиделся. Он чихнул и, поджав хвост, юркнул в дырку под забором.

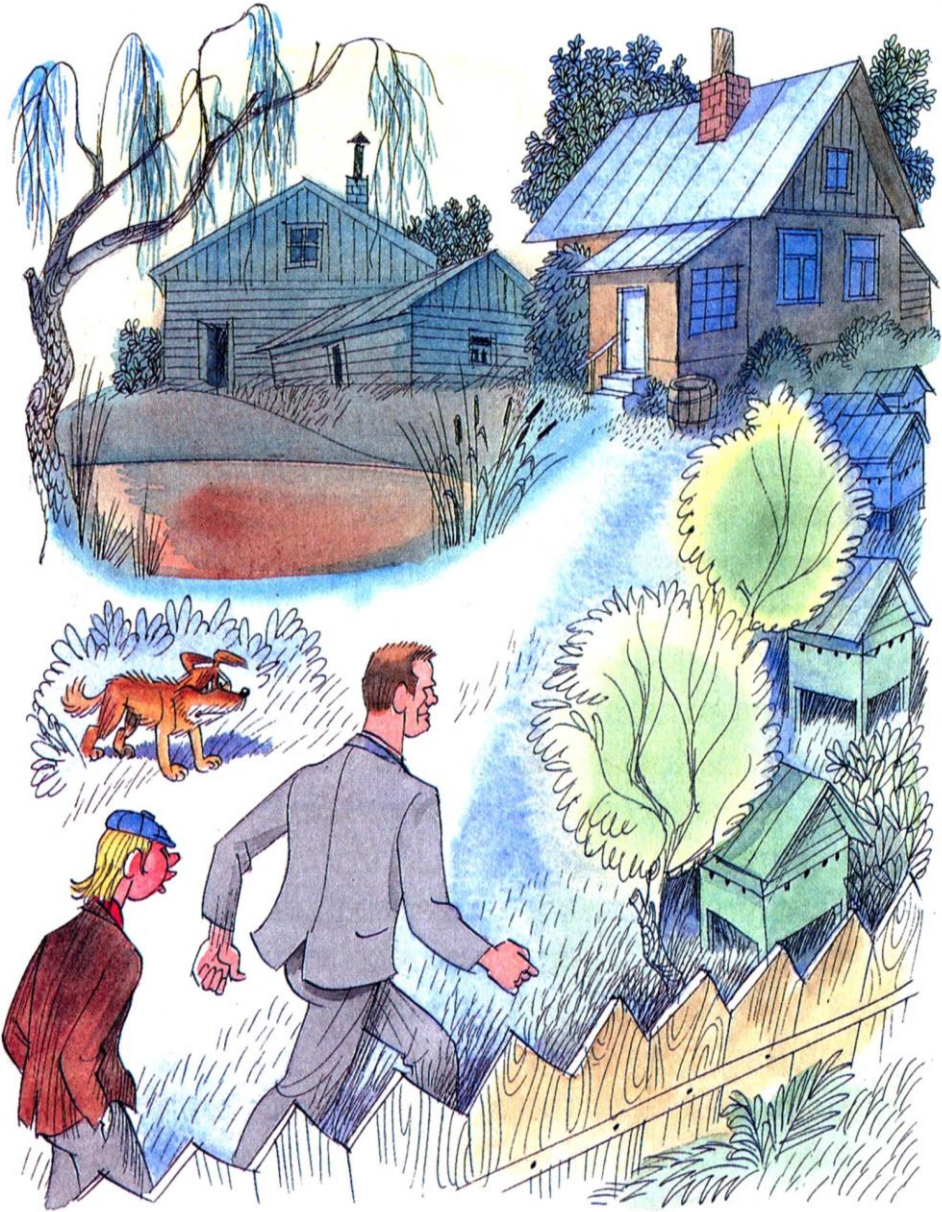
— Так, — сказал Болдырев. — Надо поглядеть, что там делается.

Он приоткрыл калитку, и тут же раздался звонкий и злобный лай. Очувшись за забором, Матрос преобразился. Как рыжий горячий дьявол, он налетел на капитана и вцепился в ботинок.

— Молчи! — сказал Болдырев, дёрнув ногой.

Матрос отлетел в сторону и плюхнулся в клубнику.

— Смотрите-ка, — сказал Вася, схватив капитана за рукав. — Улы.



Между яблонями, на взрыхлённой земле, стояло пять ульев, выкрашенных зелёной краской.

— Ну что ж, — сказал Болдырев. — Похоже, он привёл нас куда надо.

По тропинке, мимо сарая, мимо поленницы дров, капитан пошёл к дому, который виден был за кустами смородины. Вася шагал за ним. Он старался шагать смело и уверенно, но шагжки получались мелкие, куриные. Поднявшись на крыльцо, Болдырев стукнул в дверь.

— Кто там? — сразу послышалось за дверью.

И в этот самый момент Васе захотелось отличиться. Прежде чем капитан успел открыть рот, Вася брякнул вдруг басом:

— Водопроводчики!

Болдырев так глянул на Васю, что у него сердце остановилось.

— А чего вам надо? — слышалось между тем за дверью.

— Водопровод хотим починить, — робко сказал Вася и совсем ступенчался.

— А у меня нету водопровода, — сказал голос за дверью. — У меня — колодец.

— Ну давай колодец починим, — раздражаясь, сказал капитан.

— А чего его чинить! Он и так качает.

Говорить вроде было больше нечего. Болдырев снова вонзил свой взор в Васю, подержал его немножко в Васиной душе, а потом вынул.

— Ладно, — сказал он, — откройте. Мы из милиции.

— Из милиции?

— Ага.

— Тогда покажите документ.

— Как же мы его покажем? Дверь-то закрыта.

— Ничего-ничего, показывайте. Я в щёлочку увижу.

— Вот дьявол! — рассердился Болдырев. Он достал из кармана красную книжечку и развернул её. — Ну что? — спросил он. — Видно, что ли?

— Немножко левее, — сказали за дверью.

Болдырев передвинул книжечку левее, и тут же над головой его раздался гром, дверная доска расщепилась, с пороховым огнём вылетела на улицу пуля и, взвизгнув, улетела по направлению к Москве.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РУКИ ВВЕРХ!

Пуля только ещё пробивала дверь, только ещё высовывала наружу свою медную змеиную головку, а Болдырев и Вася уже махнули с крыльца.

Вася грянул на землю и укатился за цветочную клумбу, а Болдырев врос в стену дома, прижался к ней так крепко, будто его приколотили гвоздями.

Он вытащил из кармана чёрный пистолет, похожий на записную книжку.

Услышав выстрел, Матрос подпрыгнул на месте, повис на миг в воздухе, а опустившись на землю, бросился бежать с такой скоростью, будто хотел догнать пулю.

Добежав до ближайшего пруда, он плюхнулся в грязную воду, безумным стилем баттерфляй переплыл на другой берег и навеки затаился в крапиве.

— Эй, водопроводчики! — послышалось за дверью.

Вася и Болдырев молчали, окаменев.

— Эй! Водопроводчики! Что ж молчите?

— А чего ты стреляешься? — ответил Вася.



— Ха-ха! — сказал человек за дверью. — Водопровод починять больше небось не станете...

— С тобой починишь, — сказал Вася, оглядываясь на Болдырева, который потихонечку подвигался к углу дома. Вася понял, что Болдырев хочет зайти с тыла, ударить через окно.

— А почему я вас в щёлочку не вижу? — спросил неизвестный. — Что, вы спрятались, что ли?

— Мы на землю залегли, — сказал Вася. — Боимся.

— Вы уж лучше так и лежите, а то я всех перестреляю.

— Ладно, — сказал Вася, — положим пока. Земля не очень сырая. В самый раз картошку сажать.

Болдырев уже скрылся за углом, и человек за дверью замолчал, затаился, видно, придумывал что-то. Может быть, заметил Болдырева?

Проползла минута. И тут раздался треск, звон разбитого стекла, и откуда-то из глубины дома долетел до Васи крик:

— Руки вверх!

Дверь вздрогнула, заскрипела, кто-то бухнул в неё изнутри. Запели несмазанные петли, и на крыльцо выскочил человек с пистолетом в руке.

Вася зажмурился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТРИ БОГАТЫРЯ

На крыльце стоял капитан Болдырев.

А дом был пуст.

То есть, конечно, в нём была печка, были стол, стул, шкаф, тумбочка. На столе стояла сковородка, в которой имелись остатки жареного мяса, а на стенке висела маленькая картина «Три богатыря».

Всё это было. Не было только человека. Того, что стрелял. Исчез.

Когда капитан разбил окно и крикнул: «Руки вверх!», — дом был уже пуст.

Болдырев обошёл весь дом неслышным милицейским шагом, заглянул в шкаф и под кровать.

Вася шёл за ним, каждую минуту ожидая пулю в лоб. Но пули не было, и человека, который только что стрелял, не было.

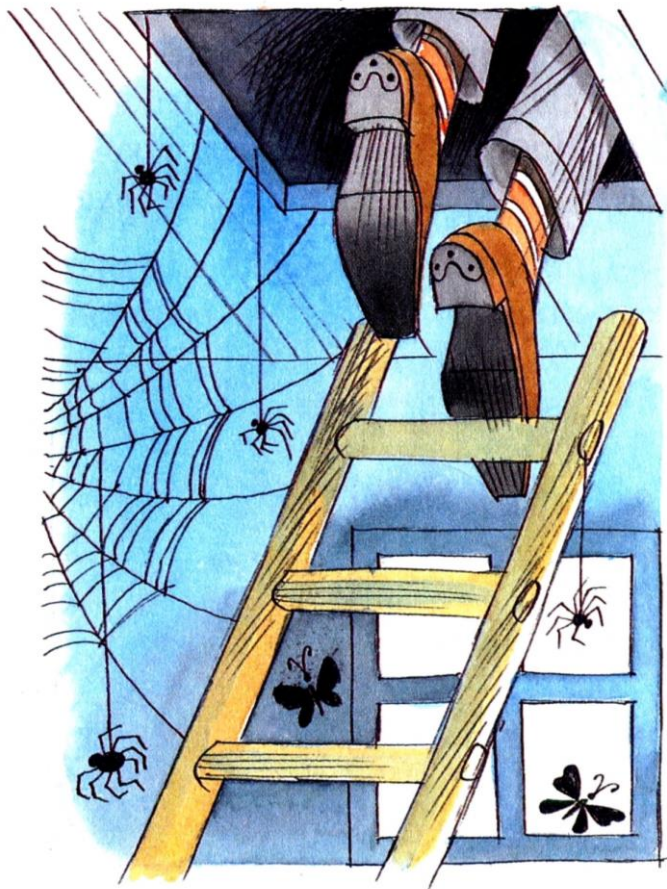
— Ушёл, — сказал Болдырев. — А как ушёл? Окна закрыты. Постой! Что это над печкой?

Над печкой, прямо в потолке, виден был люк, который вёл, очевидно, на чердак.

По приставленной к печке лесенке Болдырев дотянулся до люка.

— Эй! — крикнул он. — Вылезай!

Никто не ответил, и тогда Болдырев потихоньку полез наверх. Вот в люк ушла его голова, вот уже только ботинки капитанские торчат под потолком. Вася остался в комнате один.



Бух-бух!.. Что-то тяжело загромыхало над головой. Болдырев ходил по чердаку, и шаги его глухо отдавались в потолке. Но вот и они затихли.

Васе стало совсем неприятно.

«Проклятый Курочкин! — думал он. — В какую историю меня втравил! Чуть пулю в лоб не схлопотал, а теперь вот сижу неизвестно где. Того гляди, сейчас кто-нибудь ножом ахнет. Вылезет из погреба какой-нибудь косматый! Болдыреву на чердаке небось хорошо. Чего он там сидит? Слезал бы! А то сейчас войдёт кто-нибудь».

Совсем тихо стало, а в комнате не было даже и часов-ходиков, чтоб оживить тишину.

Вася присел на краешек стула и тревожно стал разглядывать картину «Три богатыря».

Пристально смотрел с картины Илья Муромец, поставив над глазами ладонь козырьком.

«Что ты делаешь в чужом доме, Вася? — спрашивал вроде Илья. — Зачем влез ты в эту историю?»

«Глупо, Вася, глупо», — говорил будто бы и Добрыня, равнодушно взглядывая в окно, где виднелись яблони и ульи между ними.

Алёша Попович глядел печально. Единственный из троицы он, кажется, Васю жалел.

Скрип-скрип... — заскрипело что-то на улице. Это запели ступеньки, и у Васи охладело сердце.

На крыльце слышались шаги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЙОД ИЗ ТАРАСОВКИ

Медленно-медленно приоткрылась дверь, и тут же сердце Васино ахнуло и полетело куда-то в глубокий колодец. Вася — хлоп-хлоп — прихлопнул его ладонью, пытался удержать на месте, но не сумел.

Дверь распахнулась пошире, и стал виден человек в сером костюме, а Вася уже и сообразить не мог, кто это.

— Жив? — спросил капитан, прикрывая дверь.

Вася молчал. Он всё ещё соображал, как же это так: улез на чердак, а вошёл в дом с улицы?

— Видишь, какие дела, — сказал Болдырев, — через люк над печкой неизвестный попал на чердак, а к чердаку с той стороны дома приставлена лестница. По ней он и ушёл.

— Куда ушёл?

— Откуда я знаю! — сказал Болдырев и махнул рукой.

И вот, когда Болдырев махнул рукой, Вася наконец успокоился, сердце его шмыгнуло на своё законное место, точь-в-точь кошка, которая вбегает в дом с мороза и первым делом — на печку.

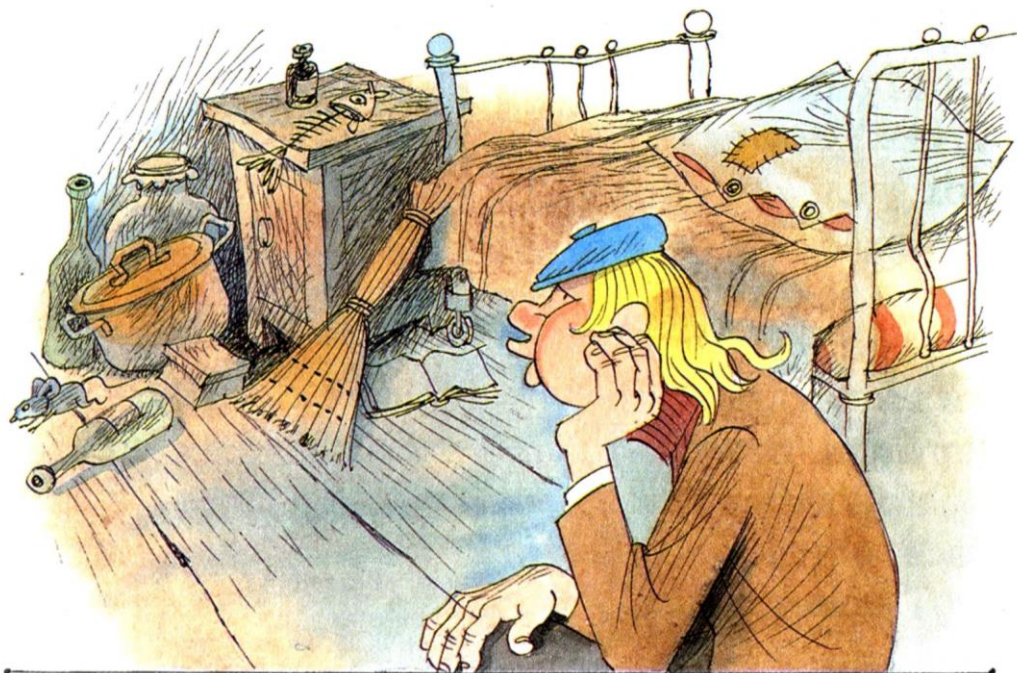
— Что же будем делать? — бодро уже спросил Вася.

— А! — сердито сказал Болдырев. — Упустили! Теперь его не найдёшь! А тебя кто просил влезать со своими «водопроводчиками»? Кто?

— Не знаю.

— «Водопровод хотим починить!»! — передразнил Болдырев. — Если ещё раз сделаешь что-нибудь без разрешения, пиши пропало.

— Пишу, — сказал Вася, моргнув.



Капитан прошёлся по комнате, заглянул зачем-то ещё раз под кровать. Потом взял с подоконника пепельницу, сделанную в виде фиолетовой рыбки, и стал рассматривать окурки-бычки, которые лежали в ней.

Вынув из кармана целлофановый пакетик, капитан аккуратно сложил туда окурки. С удивлением смотрел Вася на такие действия.

Капитан тем временем открыл тумбочку, стоящую у кровати. В тумбочке тоже не нашлось ничего особенного. Болдырев вынул мыло, повертел его в руках — «Детское», потом достал бритву. Бритва как бритва — безопасная. За бритвой оказался из тумбочки маленький пузырёк тёмно-коричневого стекла.

Болдырев принялся рассматривать этот пузырёк, крутя его в пальцах.

— Как думаешь, — спросил он, — что это?

— Йод, — сказал Вася. — Каким раны мажут.

— Откуда он?

— Из тумбочки.

— Прочти этикетку.

На этикетке было написано: «Тарасовская аптека. Настойка йода».

— Ну и что? — спросил Вася.

— Ничего, — ответил Болдырев. — Йод из Тарасовки.

— Ну и что?

— «Что» да «что»! — рассердился Болдырев, засовывая пузырёк в карман. — Запомни, и всё! Может пригодиться.

— Да зачем нам йод? Пуля-то мимо пролетела.

Болдырев открыл рот и, видимо, хотел сказать что-то сердитое, но вдруг закрыл рот и приложил к губам палец:

— Т-ш-ш-ш...

На крыльце слышались шаги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РАШПИЛЬ

Ступеньки перестали скрипеть — человек на крыльце остановился.

— Ох, — сказал он, отдуваясь.

Потом донеслось звяканье ключей и бормотанье:

— Хлеба взял, соли взял, бутылку взял. Надо было бы воблы взять, да где ж её возьмёшь?

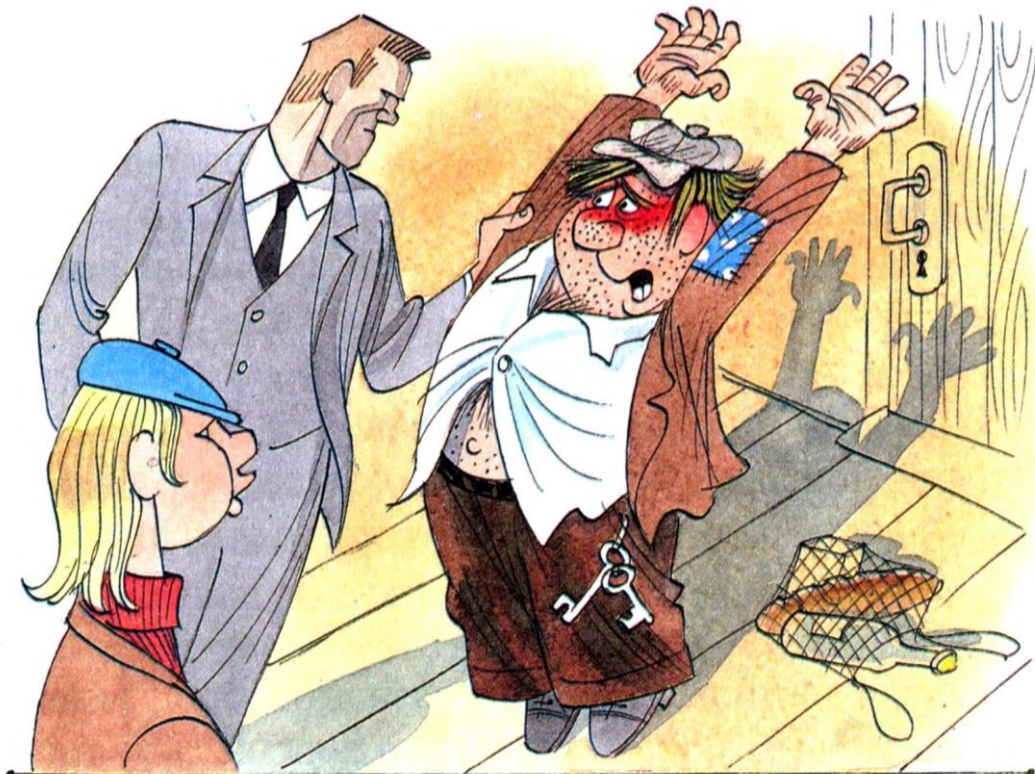
Он замолчал и всё звенел ключами, никак, видно, не находя подходящего.

— Что это? — слышалось вдруг на крыльце, и в дырке от пули что-то зашебаршилось.

В неё всунулся заскорюзлый палец, и Васе захотелось схватить его, но палец, покрутившись, ушёл обратно.

— Воры! — закричал человек на крыльце. — Дырку просверлили!

Дверь распахнулась, и в комнату влетел человек. Он выскочил на середину комнаты, размахивая сумкой-авоськой и тяжело сопя, и тут же у Васи над ухом грянуло:



— Р-Р-РУКИ ВВЕР-Р-РХ!

Вася даже не понял, что это крикнул Болдырев, таким страшным показался капитанский голос. Он рывкнул с силою пароходной сирены. От этого ужасного и неожиданного звука человек выронил авоську, ахнула об пол бутылка, а руки вошедшего вздёнулись вверх так резко, будто он хотел подтянуться на турнике.

Болдырев тут же подошёл к нему сзади и, похлопав его по карманам, вытащил оттуда ключи и пачку папирос «Беломор».

Не опуская рук, вошедший обернулся. И лицо-то его оказалось знакомым — рябое, изъеденное оспой.

«Стекло! — вспомнил Вася. — Двойное, бэмское!»

— Рашпиль! — сказал Болдырев. — Старый знакомый! Можешь опустить руки.

Стекольщик, по прозвищу Рашпиль, опустил руки. Глаза его были глубоко упрятаны под бровями и глядели оттуда, как мыши из подвала.

— Смотри, Вася, — говорил Болдырев, — вот это Рашпиль, старый вор, который сидел в тюрьме триста или четыреста раз.

— Два, — глухо проворчал стекольщик, а потом ткнул в Васю пальцем: — Эта морда мне тоже знакомая.

— Что ты здесь делаешь, Рашпиль?

— Как — что, гражданин начальник? Домой пришёл.

— Это твой дом?

— А чей же? И дом, и сад, и улы — всё моё. Наследство от родителя, Иван Петровича. Помер родитель. Добрый был.

— Жаль родителя, жаль Иван Петровича, — сказал капитан. — Значит, дом теперь твой. А кто же стрелял?

— Да мне откуда знать, гражданин начальник? Я в магазине был. Пришёл — дырка.

— Интересно получается, — сказал Болдырев. — Дом твой, а кто был в доме, ты не знаешь. Я бы на твоём месте подумал.

— Чего мне думать? — ответил Рашпиль. — Пускай лошадь думает, у ней башка большая.

— Ну, если не хочешь думать, тогда пошли.

— Куда?

— Куда надо.

Тут Рашпиль спрятал глаза под бровями, и теперь стало казаться, что у него вообще нету глаз, как, например, у репы.

— Может, жилец стрелял, — сказал он хрипло.

— Какой жилец?

— Да на рынке один попросился ночевать, я его и пустил. Сам-то я в магазин пошёл, а он дома остался. Прихожу — дырка.

— Как звать жильца?

— Васька.

— А фамилия?

— Фамилию-то я чего-то плохо помню. На букву «К» вроде.

— Курочкин? — влез в разговор Вася.

— Не-не, другая какая-то. Постойте, Кулоресов. Точно: Васька Кулоресов.

— Ага, — сказал Болдырев. — Вот как выходит. Ну ладно, гражданин Рашпиль. Сиди дома, никуда не выходи. Понял?

Он широко распахнул дверь и уверенно пошёл по садовой дорожке. Вася по-солдатски повернулся на каблуках и пошёл следом, глядя в затылок капитана.

— Только не оглядывайся, — тихо сказал Болдырев.

— Почему? — спросил Вася, когда они уже вышли на улицу.

— Человек, который уверен в себе, никогда не оглядывается.

Вася шагал вслед за Болдыревым, крепко ударяя ботинками в землю, как человек, уверенный в себе. Но на самом деле он совсем не был в себе уверен.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. КАША В ГОЛОВЕ

Отойдя с полсотни шагов, Болдырев завернул за угол и остановился. Он достал из кармана чёрную записную книжку, похожую на маленький пистолет, и стал что-то быстро писать. Потом выдрал листочек.

— Пулей в милицию! — сказал он. — Отдай записку Тараканову.

— А вы?

— Я здесь останусь.

Зажав записку в руке, Вася побежал по дороге. Сначала он бежал медленно, но потом разогнался и в милицию действительно ворвался пулей.

Тараканов сидел за столом в дежурной комнате. Размеренно и важно, с достоинством и с интересом старшина ел бутерброд.

— Записка! — крикнул Вася. — От капитана!

Одной рукой старшина взял у него записку, а другой по-прежнему ел бутерброд. Он стал читать медленно и вдумчиво.

— Так, — сказал он, дочитав записку и доев бутерброд. — Всё ясно.

Секретным ключом старшина открыл несгораемый шкаф и достал оттуда пиджак-букле и соломенную шляпу, потом аккуратно снял форменный китель и фуражку. Переодевшись, старшина стал неузнаваем. В пиджаке-букле и в шляпе он был похож на сельскохозяйственного агронома с авторучкой в нагрудном кармане.

— Сиди здесь! — сказал он Васе и вышел, скрипя хорошо начищенными сапогами.

«Как это так: сиди здесь? — подумал Вася, усаживаясь на лавку. — Там дела делаются, а я сиди здесь! Встану сейчас да и отправлюсь следом. Чего я буду зря сидеть?»

Но всё-таки он сидел, не решаясь нарушить приказ, и только прислушивался к тому, какая каша варится у него в голове. А каша варилась в ней действительно странная. Кто стрелял? Зачем стрелял? Почему Болдырев вдруг ушёл?

Вася пытался разобраться в этой каше, но ничего не получалось. Тогда он плюнул и стал думать о другом.

«Мама-то Евлампьевна, наверно, с ума сходит. Думает: где мой Вася? А Вася в милиции сидит. А куда, интересно, пропал Матрос? Наверно, совсем обиделся. Там его в мешок суют, здесь ногами топают».

Скрипнула дверь. В комнату вошёл Болдырев.

— Ну, — сказал он, — так кто же всё-таки стрелял?

— Курочкин.

— Почему думаешь?

— Так я его по голосу узнал.

— Хорошо, — сказал Болдырев, — теперь давай думать, кто был в комнате, когда мы постучали.

— Курочкин.

— А где был Рашпиль?

— В магазине.

— Почему думаешь?

— Он сам сказал.

— Мало ли что он сказал! А почему на столе лежали две вилки? Нет, парень, Курочкин и Рашпиль — одна компания. Они оба были дома, и мы застали их врасплох. С перепугу Курочкин выстрелил. Потом они удрали.

— А зачем же Рашпиль вернулся?

— Вот я и думаю: зачем?

— А может быть, — сказал Вася, — они в доме позабыли что-нибудь?

— Ну молодец, — сказал Болдырев. — Конечно, они оставили что-то важное. Скорей всего деньги.

Болдырев прошёлся по комнате, внимательно посмотрел на план города Карманова, висящий над столом.

— Но Курочкин — это гусь. С пушкой ходит. Это важный преступник. У него дела покрупнее, чем твои поросята. Кстати, ты уверен, что слышал его голос?

— Ещё бы! Я этого Курочкина теперь за километр узнаю и по голосу, и не по голосу.

— А в темноте узнаешь?

— Я его с закрытыми глазами узнаю. Только понюхаю и сразу скажу: вот он, Курочкин.

— Ай да парень! — насмешливо сказал Болдырев. — Всем хорош, только водопроводчиком объявился. Ну ладно, сегодня вечером будешь нюхать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЗАСАДА

День-то почти что уж кончился.

Незаметно подплыли сумерки, за ними подвалил вечер. В домиках за деревьями загорелись настольные лампы — ночь наступила.

Ещё в сумерках Болдырев с Васей снова пришли к дому Рашпиля. Осторожно приоткрыв калитку, капитан вошёл в сад. Вася за ним. У поленницы дров капитан остановился и сказал негромко:

— Докладывайте.

— Всё в порядке, — неожиданно ответили дрова глухим еловым голосом, — пташка в клетке. Нет ли чего-нибудь пожевать?

— Подкрепляйтесь, — сказал капитан и сунул в поленницу бутерброд, завернутый в газету. Дрова тихонько заворчали, шелестя газетой.

— Стань у сарая, — сказал Болдырев Васе, — и гляди в оба. Только не вздумай чего-нибудь делать. Стой, смотри и молчи.

— А если меня будут резать?

— Тогда кричи, — сказал Болдырев и растворился где-то за кустами смородины, за пчелиными ульями.

Вася стоял, прислонившись спиной к сараю. Справа от него была поленница дров, слева — смородина и помойка, прямо перед Васей — яблони и ульи, а за ними — дом.

В темноте Рашпиль выходил несколько раз на крыльцо, кашлял, ругался, законопачивал дырку от пули, наверно, бутылочной пробкой.

Где Болдырев, Вася не знал. Видно, пристроился поудобней, чтоб в окно глядеть.

В окно-то глядеть, конечно, интересней. А тут стоишь спиной к сараю и только дрова видишь, а смородину и помойку уже и не видно. Так, что-то се-реет, что-то чернеет, а что это — не разберёшь.



«Надо было домой ехать, — думал Вася, — мама Евлампьевна совсем, наверно, извелась. Сидит на завалинке и плачет. Да и как не плакать: Вася-то у ней один. Может, убили Васю! Прижали в тёмном углу, сняли пиджак, часы «Полёт»...»

Вспомнив маму, Вася совсем загрустил и бессмысленно смотрел теперь на поленицу дров, уже не различая, где берёзовые дрова, а где сосновые. Нет, конечно, берёзовые дрова были пока видны, но слабо, бледно, невыпукло. Кора-то белела, а вот чёрточки на ней растворились.

«Слились чёрточки, — думал Вася, — пропали во тьме. А я стою один, у сарая. Ну и жизнь!»

Спина Васина стала потихоньку замерзать — то ли сарай её холодил, то ли сама по себе.

Но скорей всего, виноват был сарай. Он совсем к ночи охладился.

Что-то зашуршало в сарае. Ясное дело — мышь. Пожрать пошла.

День спала в опилках, а ночью тронулась. Куда её несёт? Спала бы.

Шуршит и шуршит. А может быть, это не мышь? А что-нибудь покрупнее! Вроде человека!

С ножом!

Нет, не видно никого. Это всё фантазия, воображение, мышь. Это мышь шуршит, а Вася думает: человек.

Зачем человеку шуршать? Человек топает. Он не мышь. Он большой. Плечи — огромные, глаза — фонари, в кармане — нож. Сейчас подкрадётся, вытащит нож и...

Ночь совсем уж тёмная стала. Закрывай глаза, открывай — всё одно и то же: темнота.

А в темноте, конечно, кто-то крадётся.

Вот он дышит тяжело, со свистом!

Вася вынул руки из карманов и зачем-то присел. Он хотел крикнуть, но не успел.

Кто-то чёрный, приземистый кинулся на него, сопя и грубо дыша прямо в лицо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. СТРАШНОВАТАЯ НОЧЬ

— Витя! — послышалось капитану.

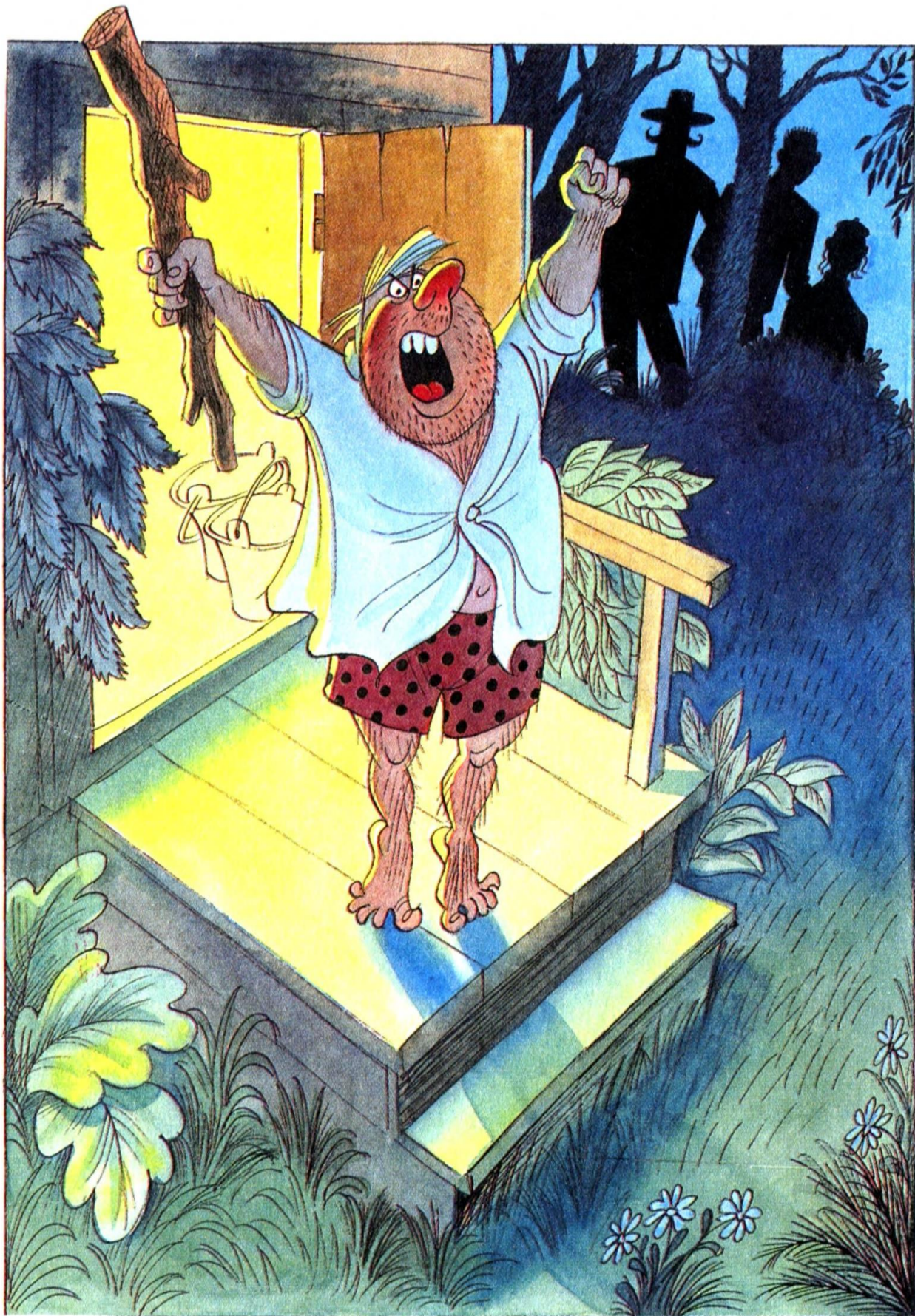
«Какой Витя?» — подумал он.

Укрывшись за стволом яблони-папировки, Болдырев наблюдал за окнами и дверью дома. Он касался ухом шершавого ствола и слышал, как в яблоне что-то шевелится, вздрагивает, журчит.

— Витя! — снова послышалось Болдыреву.

«Какой такой Витя?» — подумал он, но вдруг понял, что слышит совсем другое слово. Это слово — «помогите», которое долетает откуда-то из-за сарая.

Оттолкнувшись от папировки, Болдырев бросился туда. Тут же послышался какой-то треск — это старшина развалил поленицу дров и кинулся к Васе на выручку.



И тут в свете карманного фонаря Болдырев увидел ужасную картину: какой-то растрёпанный человек катался по земле, обхватив руками что-то косматое и несуразное. В человеке Болдырев сразу признал Васю, а кого тот держит в руках, никак не мог разобрать.

— Что же это?! — сказал Болдырев.

— Всё в порядке, — донеслось с земли, — одного поймал!

При этих словах старшина Тараканов хлопнулся сверху на Васю и, гремя усами, вцепился в то, что держал Вася в руках.

Через секунду старшина поднял за шиворот какое-то существо, глаза которого в свете карманного фонаря блестели, как у сыча.

В репьях и в тине, кудлатый, растерзанный, в мощной руке Тараканова болтался Матрос. Шерсть у него стояла дыбом, ухо, которое прежде торчало, теперь повисло, как подрубленное, а то, что висело раньше, теперь же, наоборот, поднялось.

Тут в доме стекольщика вспыхнул свет, и на крыльце показался Рашпиль.

— Кто там? — крикнул он и, выхватив из-под крыльца какую-то корявую дубину, стал спускаться в сад. — Кто тут? — орал он. — Убью!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Размахивая дубиной, Рашпиль обошёл весь двор. Потом вернулся на крыльцо и снова угрожающе сказал в темноту:

— Убью!

Он потоптался на крыльце, хлопнул изо всех сил дверью, ушёл в дом.

Скоро свет в окне погас. На улице слышно было, как ухнул Рашпиль на кровать — заныли железные пружины.

В стороне от дома, под соснами, виднелись какие-то тени.

Две-то тени стояли спокойно, а третья, усатая тень всё время шевелилась, она прижимала к груди что-то лохматое и брыкающееся. Это старшина Тараканов держал на руках Матроса и напоминал сейчас старинного богатыря, который побеждает не крупного дракона.

Печально выглядывал этот дракон из милицейского кулака. Ему хотелось ужасно укусить старшину, но руки того были в специальных непрокусываемых перчатках.

Да, день сегодняшний оказался для Матроса днём сплошных разочарований. Просидев до вечера в крапиве, Матрос отправился на поиски Васи, с трудом разыскал его у сарая, а Вася дал ему по морде и стал душить. Не это ли называется собачья жизнь?

— Отпустите пса, — тихо сказал Болдырев.

Старшина разжал перчатку, и Матрос бухнулся на землю, прижался к Васиной ноге. За день он что-то совсем исхудал — шкура болталась на нём, как шинель с чужого плеча. Вася погладил его.

— Собака — друг человека, — насмешливо сказал Болдырев. — И этот человек вместе со своей собакой может отправляться домой. Мне такие водопроводчики не нужны.

Болдырев повернулся к Васе спиной и шагнул в сторону, старшина — за ним.

Мгновение — и они скрылись бы в темноте, но случилось неожиданное.

Матрос ринулся вдогонку и вцепился в галифе старшины.

Галифе тревожно затрещали.

— Чего!!! — шёпотом крикнул старшина. — Обмундирование рвать!!!

Он махнул ногой — хорошо начищенный сапог, как сабля, сверкнул в темноте.

— Назад, Матрос! Ко мне!

Матрос выплонул галифе, отскочил в сторону.

— Тихо! — сказал Болдырев и шепнул что-то на ухо старшине.

Тот козырнул: есть!

— Пойдём, — сказал Болдырев Васе. — Я тебя провожу.

— Собаку с человеком спутать трудновато, — говорил Болдырев, пока они шли по кармановским тёмным улицам, — видно, ты здорово перепугался. Ну ничего, многие люди боятся темноты. А ты парень сообразительный, только, пожалуй, трусоват. Ладно. Домой тебе ехать поздно. Пойдём в милицию, там переночуешь.

— Ничего мне не надо, — сказал Вася. — Я на станцию пойду.

— Чего ж ты? Обиделся, что ли?

— Ничего я не обиделся. До свиданья.

Он повернулся к Болдыреву спиной, свистнул Матроса и пошёл к станции.

Всё-таки Вася, конечно, обиделся. Правда, на Болдырева обижаться не приходилось. Оставалось обижаться на себя.

Так, обижаясь на себя, пришёл Вася к станции. Была ночь, и последний поезд давно уж дремал в тёплом депо.

По пустынной платформе слонялись два или три человека, которые тоже, кажется, обижались на себя. Один подошёл к Васе и попросил закурить.

— Я не курю, браток.

— Эх! — сказал обиженный. — И тут не везёт.

Да, бывают на свете такие люди, которым не везёт. Они вечно опаздывают на поезд и покупают пса за поросят. Вся их жизнь — сплошное невезение. Иногда кажется: вот-вот должно повезти, вот-вот ухватят они за хвост синюю птицу, а оказывается, это и не синяя птица, а так себе, воробушек, воронье перо, куриная косточка.

Вася уселся на длинную железнодорожную лавку и стал думать о своих обидах и невезениях. И так получалось, что ни в чём-то, ни в чём ему не везёт.

Матрос, которому в жизни тоже не везло, залез на лавку и улёгся, свернувшись. Он превратился в рыжую пушистую подушку. Вася положил голову на эту подушку и скоро заснул, слушая, как бурчит у подушки в животе.

Ранним утром сел Вася на поезд, поехал домой и, когда уже подходил к деревне, издали увидел Евлампьевну.

Она сидела на брёвнышке у скотного двора и горько плакала.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАПАХ МЁДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЦВЕТОЧЕК БЕЗ ПОЛИВКИ

Жизнь Васина потекла теперь самым обычным образом. Она, как говорится, вошла в свою колею.

Но колея эта Васе не очень-то нравилась. Ему хотелось, чтоб была она с каким-нибудь вывертом, с загогулилкой.

Однако откуда было взяться этой загогулилке, если с утра до вечера приходилось ему учиться на механизатора, часами сидеть над книжкой с мощным названием «Трактор»? И если он видел какую-нибудь загогулилку, так только в руках тракториста Наливайко, который ковырялся ею в тракторном моторе.

Недели через две после возвращения из Карманова Вася решил написать Болдыреву письмо и посмотреть, что из этого получится. Взяв чистый лист бумаги, он стал писать:

Добрый день (или добрый вечер, не знаю), дорогой товарищ капитан!

Пишет письмо вам ваш знакомый Василий Куролесов из Сычей, который усы лепил (от полушубка). Он пишет письмо в милицию первый раз, поэтому прошу извинить его за ошибки (запятые или буквы). А если не извиняете, всё равно дочитайте письмо до конца.

В первых строках обращаюсь к вам с глубочайшей сердечной просьбой. Сообщите мне: поймали Курочкина или нет?

Во вторых строках меня интересует Раипиль (рябой). Всё в том доме живёт или переехал?

В последних строках сообщаю вам, что я тогда не трусил, а просто напугался. Если надо, то я пойду сражаться за Родину.

Жду ответа, как космонавта ракета.

Василий Куролесов.

Вася перечёл письмо, заклеил его в конверт и вывел крупный адрес:

Райцентр Карманов, милиция, капитану Болдыреву (лично).

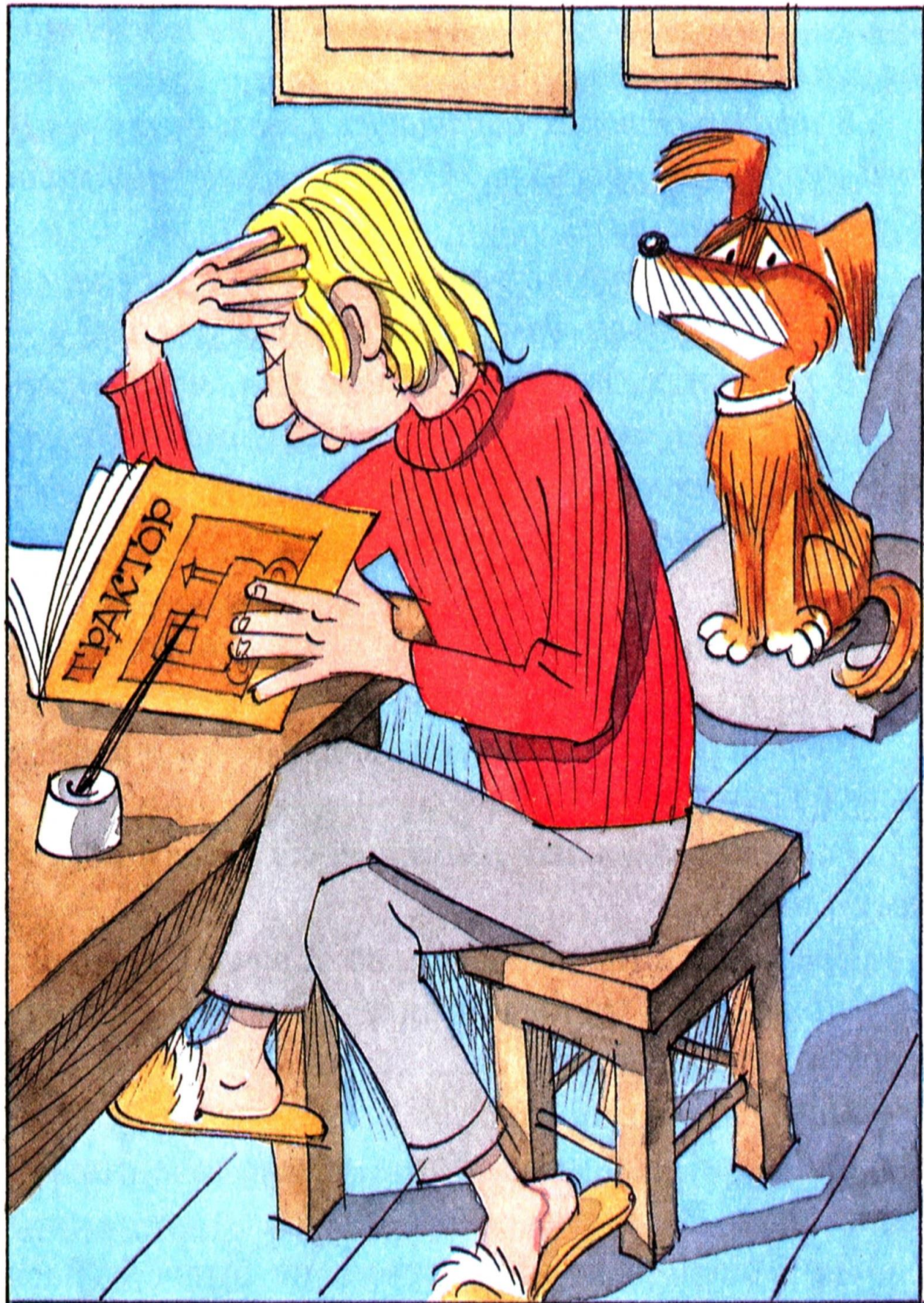
Вверху приписал ещё слово:

Срочно.

Но этого ему показалось мало, в уголке конверта, рядом с маркой, он добавил:

Почтальон! Шире шаг!

Опустив письмо в ящик, приколоченный к сельсовету, Вася стал ждать ответа.



День шёл за днём — ответа не было, и Вася становился всё более мрачным. Улыбка что-то совсем исчезла с его лица. Приходя домой, он садился на сундук и глядел задумчиво на фотографии дальних родственников.

Матрос всюду слонялся за ним и тоже часами просиживал у сундука, глядя на фотографии дальних родственников.

— Васька у меня как цветочек без поливки, — жаловалась соседям Евлампьевна. — Совсем захирел.

Соседи разводили руками, пожимали плечами — надо бы, мол, полить этот цветочек, да как это сделать, неизвестно. Не придумано ещё такой аппаратуры, чтоб душевные неприятности поливать.

А между тем настоящие цветочки — анютины глазки и вероники — повсюду уже распускались. Дождь их поливал, грело солнце, и дни, как рыбки, уплывали.

Вот только что был день, только что держал его Вася в руках, а вот уж и нет его, в руках — пусто, и ночь наступила.

Как-то утром Евлампьевна разбудила Васю.

— Васьк, — сказала она, — письмо!

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЩЕПКИ ЛЕТЯТ

Сегодня была нерабочая суббота, и тишина стояла в деревне Сычи.

Конечно, это не была такая уж мёртвая тишина. Например, слышно было, как соседка Марусенька доит корову. Струйки молока били в ведро с однообразным пилящим звуком: вжж... вжж... вжж... Можно было даже подумать, что Марусенька пилит это ведро. Но это она доила корову. Розку.

Сонными ещё руками Вася разорвал конверт и вынул оттуда письменный листок:

Васька! Берегись! Ты получишь своё!

— Вась! — приставала Евлампьевна. — От кого письмо?

— От тёти Шуры, — соврал зачем-то Вася.

— Ну что там у них под Казанью?

— Корова отелилась.

— Тёлочка или бычок? — допытывалась Евлампьевна.

— Бычок, — сказал Вася.

Матрос вылез из-под кровати, лизнул Васю в пятку и понюхал письмо. Запах ему не понравился. Он фыркнул и ушёл обратно под кровать.

«Куручкин! — подумал вдруг Вася. — Это он угрожает».

Натянув брюки, Вася схватил зачем-то топор и выбежал на улицу.

Помахивая топором, Вася обошёл весь двор. Каждую секунду он почему-то ожидал встретить у сарая Куручкина, но никого не встретил.

У сарая лежали напиленные дрова.



Чтоб топор зря в руке не пропал, Вася вынул из кучи еловое полено и поставил его перед собой.

Странная история — полено оказалось похожим на Курочкина. Ясное дело, не было у него ни носа, ни глаз, а всё ж и вправду оно походило на Курочкина.

— Получай, Курочкин! — сказал Вася и вдруг со всей силой трахнул полено по башке. Оно разломилось, как яблоко.

И второе полено тоже оказалось похожим на Курочкина, и его Вася так долбанул, что топор, пройдя насквозь, вонзился в землю.

Третье полено было корявым и суковатым, кора на нём облетела.

«Рашпиль!» — тревожно подумал Вася.

Он установил полено и врезал топором в его широкую розовую морду. Топор вонзился неловко в край. Чирикнув, щепка, как воробей, отлетела в кусты.

С этим поленом пришлось повозиться. Вася взял железный клин и вколол его, разрывая древесные узлы. Полено закричало и лопнуло.

К обеду Вася расколол штук сто «курочкиных» и полсотни «рашпелей».

«Как же он узнал мой адрес? — думал Вася. — Наверно, следил».

Нет, Курочкин, конечно, не следил. Он ещё в милиции слышал, как Вася назвал свой адрес Тараканову.

Всю ночь Вася неровно спал. Ему казалось, что Курочкин подглядывает неприятным взглядом. Вскакывая с кровати, он вглядывался в тёмное окно, ожидая увидеть наглые курочкинские скулы, но видел только крышу собственного сарая, а над ней — Малую Медведицу.

Впрочем, за сараем всё-таки маячила какая-то туманная фигура. Выскочив на крыльцо, Вася залепил в неё поленом и крикнул:

— Получай, Курочкин!

Но это был не Курочкин, а тракторист Наливайко, который случайно прогуливался за сараем.

Потрясённый Васиным поленом, тракторист Наливайко побежал по дороге, высоко подскакивая над лужами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВАСЯ ХОЧЕТ БЫТЬ ЛОШАДЬЮ

А от Болдырева по-прежнему ничего не было — ни ответа, ни привета.

И неудивительно: вместо почтового ящика Вася сунул своё письмо в ящик вопросов и ответов, приколоченный к сельсовету. Все вопросы были заданы, ответы на них получены, и в ящик никто не заглядывал.

Капитан сам хотел было написать Васе, да не собрался — дел у него было по горло.

Капитан «разрабатывал» Рашпиля.

Как иной огородник терпеливо обрабатывает почву, чтоб посеять в неё огурцы, так действовал и капитан. Только он не размахивал лопатой: он выяснял, что делает Рашпиль, куда ходит, кого видит. И скоро многое узнал. Узнал, к примеру, что Рашпиль любит вставлять стёкла. Даже ходит по улицам и орёт неприятно:

— Вста-а-а-влять стё-о-о-кла-а!

А потом в доме с новыми стёклами вдруг пропадает что-нибудь: пиджак, грабли, электрический утюг.

Капитан, конечно, мог взять Рашпиля, но не брал.

Он понимал, что Рашпиль — мелкий жулик, а вот Курочкин — тот покрупнее.

Болдырев рассчитывал, что Рашпиль в конце концов встретится с Курочкиным. Капитан ждал.

Но Вася-то не мог ждать.

«Хватит! — думал Вася. — Надо действовать. Пузырёк с йодом — вот за что мне нужно ухватиться. Еду в Тарасовку».

Ранним утром, в воскресенье, он решительно вышел из дома и направился к станции.

Матрос недовольно бежал следом. Ему хотелось спокойно лежать под кроватью и вспоминать свою прошлую преступную жизнь.

— Скажи спасибо, что едешь не в мешке, — толковал ему Вася.

Вста-а-а-влять
сте-о-о-кла-а!



Вася сел в поезд, втащил за собой Матроса, и поезд тронулся.

«Главное — ехать, — думал Вася, — а остальное получится само собой».

И, в общем, он был прав. Не успел поезд проехать две остановки, в тамбуре его окликнул какой-то гражданин в соломенной шляпе.

— Здорóво, Васька!

— Что-то не узнаю, — ответил Вася, приглядываясь.

— Чего? — сказал гражданин. — Туши свет! Взгляни в глаза мои суровые...

И тут Вася увидел, что этот порядочный на вид человек есть не кто иной, как Батон.

Живот у него вроде бы ещё вырос, а голова под шляпой уменьшилась.

Вася подал ему руку, и Батон сжал её с оглушительной силой.

— Ты куда едешь?

— Да так, — неуверенно ответил Вася, — прокатиться.

— Чего зря кататься? — прошептал Батон. — Хочешь денег заработать?

— Каких денег?

— Туши свет! — сказал Батон. — Слушай ухом.

Он пригнулся к Васиному уху и принялся шептать какую-то абсолютную чепуху. Из чепухи этой получалось, что деньги заработать ничего не стоит, надо только, чтоб Вася поработал лошадьё.

— Как — лошадьё?

— Дело простое, — подмигивая, толковал Батон. — Будешь делать, что скажут. Кроме того, ты, как лошадь, получишь велосипед.

— Не пойму я что-то, — растерянно отвечал Вася, — прежде-то я лошадьё не бывал.

— Ничего особенного, — объяснял Батон. — Подъедешь к одному дому, возьмёшь вещички — и уедешь.

— Какие вещички?

— Хорошие, — пояснил Батон. — меховые полупальто, фотоаппараты. Телевизор мы сами понесём, а ты засунешь в рюкзак всякую мелочь, сядешь на велосипед и уедешь. Вещички потом отдашь, а велосипед себе оставишь.

— Да откуда всё это возьмётся? — удивлялся Вася.

— Есть один магазинчик, — подмигивал Батон. — «Культурные товары». Понял? Туши свет!

И тут Вася похолодел: он понял, что Батон собирается залезть в этот самый магазинчик.

— Пожалуй, я пока подожду, — сказал Вася, — я парень молодой. До лошади-то я, наверно, ещё не дорос.

— Баран ты! — рассердился Батон. — Не хочешь — как хочешь. Сейчас моя остановка. Привет!

Поезд остановился — Батон соскочил на платформу. И тут в глаза Васе бросилось название станции: «Тарасовка».

И, прежде чем Батон смешался с толпой пассажиров, Вася вытолкнул на платформу Матроса, сам выскочил за ним и крикнул:

— Эй, погоди! Я согласен!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТЁМНАЯ ЛОШАДКА

Удивительная всё-таки станция Тарасовка.

Здесь есть всё, что и на других подмосковных станциях, — дачи, ёлочки, козы, колодцы, шлагбаумы, бочка с надписью «Русский квас». Но есть и кое-что такое, чего нигде не найдёшь.

У дороги под расписным навесом разместилась закусочная «Кооператор». Из-под навеса вываливает на улицу дым и кавказский запах жареного лука и мяса. Этот запах ползёт вдоль шоссе, зажигает блеск в глазах у случайных прохожих, подбирается к стадиону «Спартак». В дни футбольных матчей он будоражит болельщиков, и тогда над Тарасовкой стоит такой рёв и свист, какого, конечно, никогда не услышишь на других подмосковных станциях.

А запах, миновав стадион, ползёт дальше: мимо дач, ёлочек, коз, колодцев, мимо шлагбаумов и бочки с надписью «Русский квас».

Вася и Батон шли по шоссе как раз вслед за запахом. Батон нюхал запах с большим интересом.

— Люблю есть мясо, — толковал он, обняв Васю за плечи.

Матрос ненадолго отстал от них, покрутился возле закусочной, и неизвестно откуда во рту у него появился здоровенный кусок шашлыка.

— Толковый парень! — восхищённо сказал Батон. — Такой не пропадёт!

Довольно долго они шли по шоссе, и как только запах жареного мяса иссяк, Батон остановился.

— Сюда, — указал он на розовый дом сбоку от дороги.

Дом был обычный на вид — низенький, длинный, с облупленной штукатуркой. Единственно, что поражало, так это огромное количество телевизионных антенн на крыше.

Вася оставил Матроса на улице, вслед за Батоном поднялся на крыльцо, вошёл в полутёмную комнату, освещённую только бледным экраном телевизора. Окна были занавешены от солнца. При неверном мёртвом свете увидел Вася человека, и сразу сердце его ударило в уши с колокольным звоном.

— Нашёл лошадку? — хрипло спросил тот, полуобернувшись к двери.

— Ага, — весело ответил Батон, — приятель мой, вместе сидели. Васька Куролесов.

При этих словах человек вскочил со стула, щёлкнул выключателем, и в комнату рухнул свет.

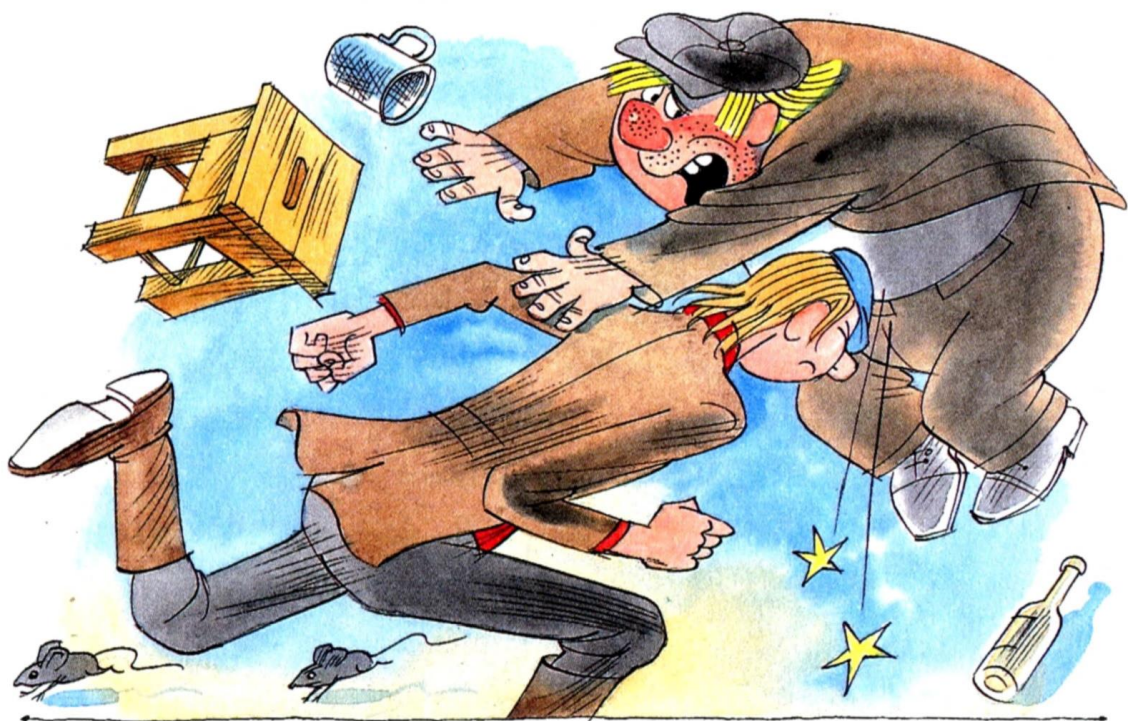
Ослеплённо глядел Вася на знакомое лицо — корявое, рябое, то самое, на котором горох молотили.

— Кого ты привёл, собака! — закричал Рашпиль и дал Батону по зубам. — Лошадку! Тёмную лошадку!

Зубы батонские лязгнули, он зажмурил глаза и быстро залопотал:

— Я не виноват. Я не виноват.

В этот же момент Вася пригнулся и что есть силы боднул Рашпиля в живот.



Живот этот оказался твёрдым, как комод, и бодать его было всё равно что биться головой об стену.

Рашпиля махнул в воздухе своей короткой и толстой рукой, чтоб схватить Васю, но тот увернулся, прыгнул вправо и отчаянно боднул Батона.

У этого живот оказался слабым, как манная каша. От удара Батон подпрыгнул, и секунду казалось, что Вася поднял его на рога. Выкатив глаза, Батон повисел в воздухе и рухнул под телевизор.

— Всех перебью! — закричал неожиданно Вася и, схватив со стола стакан с чаем, метнул его в Рашпиля.

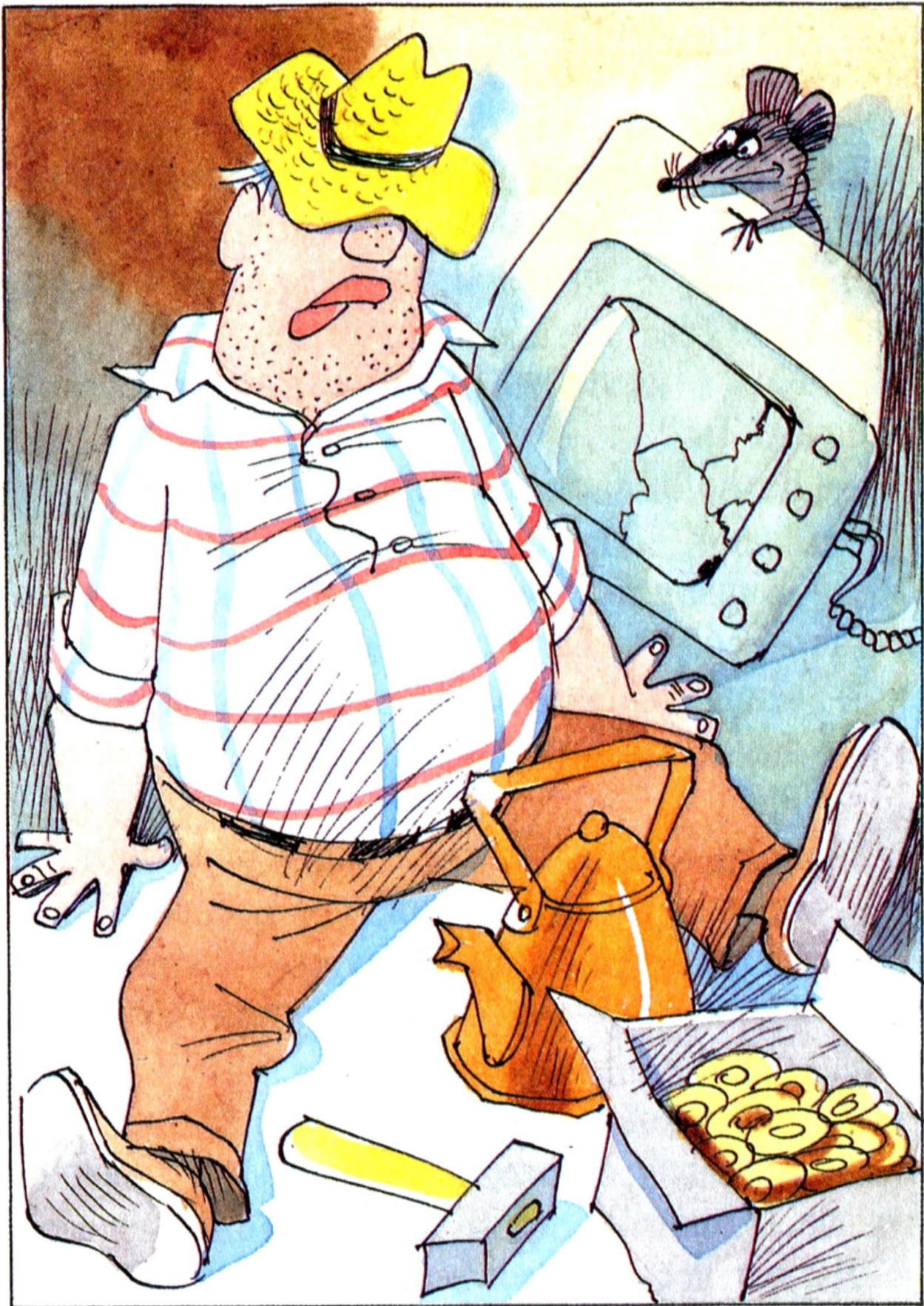
Ударившись об стену, стакан лопнул, как граната. Вася тут же издал клич, похожий на рёв паровоза. Он закрутился по комнате, будто танцевал бешеный танец лезгинку, пнул плечом телевизор и кинулся к двери.

Телевизор что-то крикнул ему вслед, тумбочка под ним подломилась.

Телевизор тюкнулся об пол, как сотня сырых яиц.

С тихим звоном он пополз по полу и, как барсук, уткнулся в ботинок Рашпиля.

Вася ударил в дверь локтем и вылетел в темноту.



ГЛАВА ПЯТАЯ. ПЕРО

Нет, Васе не повезло.

На полном ходу влетел он в чулан, врезался в чуланную стену, и тут же ему показалось, что на него падает новогодняя ёлка со всеми своими огнями и украшениями. От удара сел Вася на пол. Посыпались какие-то склянки, банки, что-то печально зазвенело, что-то полилось и злобно закапало в таз.

Ошеломлённого Васю Рашпиль за ноги вытащил из чулана, кашляя и ругаясь, бросил на пол рядом с умирающим телевизором.

Телевизор стонал.

На экране его вспыхивали и гасли предсмертные звёздочки. Собрав последние силы, он вдруг жалобно запел:

Издалека-а-а-а
До-о-о-лго
Течёт река
Во-о-олга...

Что-то захрустело в телевизоре. Он повернулся набок, из него, как из посылки, высыпались какие-то стеклянные орехи.

Всего лишь минута прошла, как Вася попал в эту комнату, а всё уже здесь перевернулось вверх дном: рядом с телевизором валялась на полу тумбочка с вывихнутой ногой, в чулане что-то ещё копошилось и падало, на стене шевелилось рыжее пятно чая.

Глядя на эту картину, можно было сказать, что Вася пронёсся как ураган, разрушая всё на своём пути. А теперь этот ураган лежал на полу, и на голове его созревала шишка никак не меньше кедровой.

— Допрыгалась лошадка! — сказал Рашпиль. — Жалко, что совсем шею не сломал.

Батон очумело глядел на всё, что творится вокруг, и указательным пальцем ощупывал пошатнувшиеся зубы.

— Ты знаешь, кого привёл? — спросил Рашпиль.

— Ммм... — ответил Батон, не вынимая указательного пальца, — л-л-лошадь...

— Это милицейская лошадь, от капитана Болдырева.

— Ммм... — удивился Батон. — Давай ему морду разобьём.

— Мордой тут не отделаешься, — сказал Рашпиль и вынул из кармана перо — острый стальной нож с рукояткой, набранной из разноцветных стёклышек. Он придвинул его к Васиному носу, и тогда Вася понял, что теперь он попал в самую печальную историю. Снизу глядел он на плоское блестящее перо размером не больше вороньего. Над ним покачивалось лицо Рашпиля — рябое и круглое, как луна. Сейчас оно было даже больше похоже на луну, чем сама луна.

Тихо стало в комнате, только слышно было, как в чулане что-то прощально капает в таз. Рашпиль покрутил ножом перед Васиными глазами, сказал:

— Ну, лошадка...

И тут же послышался стук в дверь.



ГЛАВА ШЕСТАЯ. СВИСТ

— Кого ещё чёрт несёт! — проворчал Рашпиль. — Кто там?

— Водопроводчики, — брякнул кто-то за дверью.

Рашпиль откинул крючок, и в комнату вошёл Курочкин. Да, это был он, гражданин Курочкин, и что удивительно — опять с усами. А под усами висела к тому же борода, похожая на букет увядших цветов.

— Водопровод хотим починить, — повторил Курочкин, смеясь.

Вдруг в лице его что-то треснуло. Чёрные морщины побежали под глазами.

— Васька!

Вася приподнялся на полу и помахал Курочкину рукой.

— Видал? — сказал Рашпиль. — Кого Батон привёл?

— Кто? — крикнул Курочкин, подскакивая к Батону. — Ты?!

— Да не виноват я! — закричал Батон.

— Ладно, — сказал Рашпиль. — Брось ты его. Скажи лучше, что с Васькой делать. Выпускать его нельзя — сразу к Болдыреву побежит.

— Мне бежать нечего, — сказал Вася, — Болдырев давно вас выследил.

— Врёшь!

— Вокруг дома засада, — подтвердил Вася.

— Врёшь, Васька! Скажи, что врёшь.

— Не вру.

— Ну ладно, — кивнул Курочкин Батону. — Пойди проверь.

Батон лениво пошёл к двери. Он шёл ни шатко ни валко, тяжело неся свои узкие плечи и пухлые кулаки.

Да, хотелось бы Васе сейчас не врать. Приятно было бы, если б ворвалась вдруг в дом милиция и Болдырев крикнул: «Руки вверх!» Заплакал бы тогда небось Рашпиль. И Курочкин струхнул бы.

— Ты письмо моё читал? — спросил Курочкин.

— Читал.

— А понял?

— Нет, — чистосердечно сказал Вася.

— Ты мне устроил хорошую жизнь — навёл на меня капитана, и я тебе тоже устрою. Понял?

— Тебе, Курочкин, всё равно конец.

— Мне — конец? Ну, щенок, закрой глаза!

Вася хотел было закрыть глаза, но тут с улицы донёлся пронзительный свист.

На крыльце что-то загремело, загрохотало.

— Облава! — закричал Курочкин и прыгнул к окну.

Разом он выбил раму и вывалился на улицу. Рашпиль бросился следом и застрял в окне.

— Стой! — закричал он. — Стой, Курица! Стой, дешёвая повидла!

С улицы снова донёлся свист. Теперь это был другой свист — заливи-стый, булькающий, милицейский.



Рашпиль бился в окне, как толстая летучая мышь в кепке.

— Стой! — крикнул Вася. Он вскочил на ноги и схватил Рашпиля за рукава.

— Стой! — раздалось и на улице.

Послышался топот сапог в прихожей, гром каких-то тазов. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся Матрос.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОГОНЯ

Шерсть у него стояла дыбом, глаза горели, уши сбились набекрень. Матрос сейчас вправду был похож на лихого матроса в тельняшке и бескозырке.

Он бросился к окну, вцепился Рашпилю в штанину.

Вслед за Матросом вбежал человек в милицейской форме. Это был старшина Тараканов. Он схватил Рашпиля за локти и вывинтил его из окна.

— Погодите! Погодите! — повторял Рашпиль. — Что за спешка?

— Отвести! — сказал Болдырев, входя в этот момент в комнату.

Он подошёл к Васе и хлопнул его по плечу.

— Ну и шустрый ты парень!

Нет, никак Вася не мог поверить, что перед ним капитан Болдырев — серый костюм, прищуренные глаза цвета маренго.

— Товарищ капитан, я лошадию хотел...

— Где Курочкин? — перебил Болдырев. — Ушёл! Скорее!

Он выбежал на улицу, и Вася за ним.

За забором, на шоссе, уже собрались любопытные. Они толпились у милицейского автомобиля, из окошка которого глядели Рашпиль и Батон. Два милиционера топтались около, старшина Тараканов разгонял толпу.

— Проходите, — ворчал он. — Нечего тут стоять. Идите гуляйте.

— Собаки нет, — досадливо сказал Болдырев. — Собаки нет. Вот история.

— А Матрос-то? — влез Вася.

— Э... Матрос... Какой Матрос? — сказал капитан. — Тараканов, за мной!

Капитан побежал по шоссе. Он обернулся на бегу и крикнул Васе:

— Жди меня здесь, у машины...

В одно мгновение Болдырев и Тараканов исчезли.

Вася подошёл к окну, из которого выпрыгнул Курочкин, и сразу увидел следы. Два каблука ясно отпечатались на рыхлой земле.

— Нюхай, Матрос! Нюхай! — сказал Вася и ткнул Матроса носом в следы, но тому не очень-то хотелось нюхать подоконную ерунду.

Вася сам хотел было встать на колени и понюхать следы, чтоб вразумить Матроса, но тот побежал к забору и нырнул через дырку в соседний сад.

— Куда ты? — закричал Вася, — Стой! — И побежал следом.

Он махнул через забор и, топчя какие-то укропы, побежал по чужому саду.

«Куда же он? — думал Вася, торопясь за Матросом. — Неужели по следу?»

И тут Вася увидел, что за забором, прячась и приседая, бежит какой-то человек — полосатая тень мелькает между штакетин.

Вася продрался через заросли жасмина, потом запутался в малине и наконец очутился на узкой травяной улице, с обеих сторон закованной заборами. Ни Матроса, ни человека, что мелькал в штакетинах, не было видно.

Вася пробежал немного вперёд и выскочил прямо к закусочной «Кооператор». Шоссе перед закусочной было пустынно, сизые клубы дыма выплывали из-под расписных навесов, а за дымом виден был Матрос, который жарил прямым ходом к станции.

Подбежав к платформе, Матрос поднялся по ступенькам и сразу направился к кассе.

Он шмыгнул в стеклянную дверь, покрутился там внутри и выскочил обратно.

— Ну? — крикнул Вася, подбегая.

Матрос почесал за ухом, подмигнул в сторону кассы. Вася глянул сквозь стеклянную дверь и сразу увидел Курочкина.

Тот читал расписание, заложив руки в карманы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. МУСОРНАЯ УРНА

Маленький коричневый человечек бежал по рельсам.

Прямо на него наваливался паровоз.

Сбоку стояла толстенькая коричневая женщина. В ужасе она отшатнулась.

И коричневый человек, и женщина, и паровоз были нарисованы на железнодорожном плакате.

На нём было написано:

ЧТО ТЕБЕ ДОРОЖЕ? ЖИЗНЬ ИЛИ СЭКОНОМЛЕННЫЕ МИНУТЫ?

«Сэкономленные минуты», — подумал Вася.

Плакат был прибит к стене как раз возле расписания, которое читал Курочкин.

Он стоял к Васе спиной, и до чего же неприятной показалась эта спина, твёрдая и тупая.

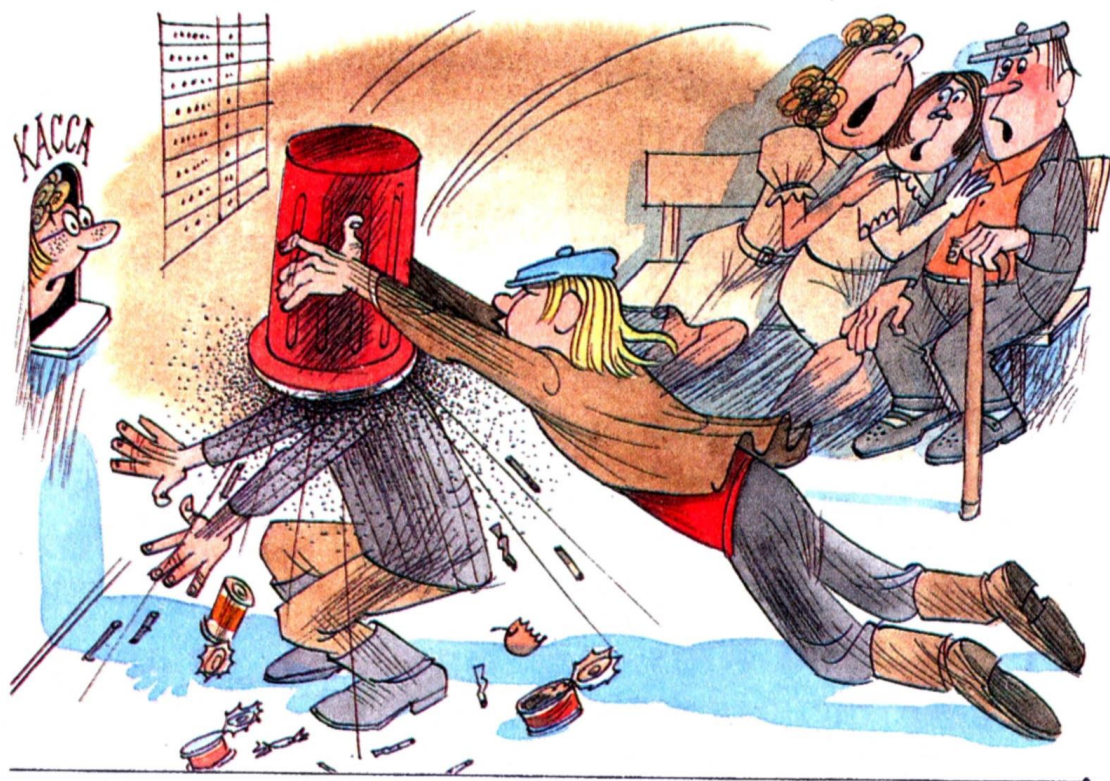
Вася оглянулся: ни Болдырева, ни Тараканова не было видно.

Где-то неподалёку загудела электричка. Через две минуты она подойдёт к станции.

«Сэкономленные минуты», — снова подумал Вася и осторожно толкнул стеклянную дверь.

На лавочке сидели две женщины и какой-то тип в кепочке с толстой можжевёловой палкой в руках. Этот тип подозрительно глядел на Васю.

«Что же делать? — думал Вася. — Сейчас Курочкин обернётся!»



Взгляд Васин упал на жестяной мусорный ящик, стоящий в углу.

Это был обычный мусорный ящик, похожий на шляпу-цилиндр. Такие ящики называются «урна».

Что-то сверкнуло у Васи в голове, какая-то молния: он схватил урну и стал подкрадываться к Курочкину. Гражданин в кепочке вытаращил глаза.

Спина Курочкина дрогнула, и тут же Вася подскочил к нему и со всего маху надел урну ему на голову.

— Вó даёт! — крикнул гражданин в кепочке.

Курочкин от неожиданности присел. Огрызки яблок, шелуха от семечек, окурки-бычки покатались по его плечам. Звериный вой послышался из урны.

Вывхватив пистолет, Курочкин выстрелил наугад. Пуля ударила в коричневую женщину, ту, что была на плакате.

Женщины, которые сидели на лавке, упали на пол и закричали. Гражданин в кепочке позеленел и пополз под лавку.

Курочкин закрутился на месте. Он метался, как разъярённый кабан, и бился урной об стену. Он, видно, не понимал, что́ это у него на голове, что́ это пахнет и сыплется по ушам.

Вася выхватил из-под лавки можжевёловую палку и ударил Курочкина по руке — пистолет брякнулся на пол.

Вася размахнулся и врезал по металлической башке с надписью «Для мусора».

Раздался кастрюльный звон. Водопад окурков хлынул по курочкиным плечам.

От удара урна ещё прочнее села на голову и даже наползла на плечи.

Вася ударил ещё раз для верности.

Курочкин обмяк, зашатался и, кренясь на бок, повалился. Голова его ударилась об пол, как чугунок с гороховым супом.

Когда прибежал Болдырев, Курочкин лежал на полу и тупо икал внутри урны.

Урну не сразу удалось снять.

Когда Курочкина вынули из урны, он долго не мог понять, где находится, хотя каждому было ясно, что он в милиции.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

Дождевая туча приползла к Тарасовке, пошёл тёплый дождик, а солнце укатилось в сторону и висело теперь над городом Кармановом, раскаляя его шиферные крыши. Чуть не во всех дворах кипели самовары, а по улицам бродил усатый точильщик и кричал:

— Точить-ножи-ножницы-бритвы-править!

— Надо бы за ним понаблюдать, — сказал Болдырев, глядя на точильщика из милицейского окна. — Ну ладно, это потом. А ты, Вася Куролесов, оказывается, молодец. Без тебя уж не знаю, что получилось бы... Тараканов!

— Слушаю! — ответил Тараканов, всовываясь в дверь.

— Деньги нашли?

— Пока нет.

— Приведите Курочкина,

Курочкина привели и посадили на одинокий стул, стоящий посреди комнаты. В милиции его умыли «Детским» мылом и повытряхивали из волос шелуху подсолнухов, но всё равно вид у него был серый и вялый, нос он покарыбал обо что-то внутри урны, рука была забинтована.

— Да, гражданин Курочкин, — сказал Болдырев, — вид у тебя неважный. И дела тоже неважные. Лучше уж сам скажи, где деньги.

— Нету у меня никаких денег. Была трёшка, и ту отобрали.

Трёшка, отобранная у Курочкина, лежала на столе. Она была измятая, старая и, кажется, даже поросла мохом.

— Маловато, — сказал Болдырев, — где остальные?

— Нету у меня никаких денег. Нету.

Курочкина увели.

— Деньги у них есть, — сказал капитан, — и мы должны их найти.

— Да, может, они их проели — мороженое, газировка, туда-сюда.

— Какое мороженое?! Они очень много награбили. Деньги у Рашилия, только где он их прячет? Весь дом обыскали — нету.

— А под кроватью смотрели?

— Кто же прячет деньги под кровать? Только круглый дурак. Впрочем, под кроватью мы тоже смотрели.

— Всё ясно, — сказал Вася, — они их в чугунок сунули и в землю закопали.

— Ну нет, — сказал капитан, — понадобится трёшка — откапывай чугунок, потом снова закапывай. Хлопот не оберёшься.

— Тогда они под кроватью. Лежат в жёлтом чемоданчике.

— Я смотрел под кроватью, — сурово отчеканил капитан. — Понимаешь?

— Так точно, — сказал Вася, но в душе он был уверен, что деньги под кроватью.

Болдырев прикрыл глаза, задумался, но ему тоже вдруг показалось, что деньги под кроватью. Лежат в жёлтом чемоданчике.

— Да, — устало сказал капитан, — деньги не пахнут...

— Чего? — не понял Вася.

— Пословица такая есть: деньги не пахнут. Слышал?

«Странная пословица», — подумал Вася.

Он взял со стола трёшницу. Неприятная была она на ощупь — вялая, липкая, лохматая.

Вася посмотрел на неё и вдруг понюхал.

— Товарищ капитан! — почему-то с ужасом сказал он. — Кажись, она пахнет!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ВСЁ ЯСНО!

— Что за ерунда! — сказал Болдырев. — Что ты придумываешь! Дай-ка я понюхаю.

Он развернул трёшницу, поглядел сквозь неё на свет и осторожно поднёс к носу.

— Хм... Запах вроде есть. Только уж очень тонкий. Не укроп ли?

— Какой укроп? Пахнет мёдом.

— Что?! — закричал Болдырев. — Мёдом! У тебя всё пахнет мёдом!

Вася побледнел было, но тут же покраснел и сказал, заикаясь:

— Всё ясно!

— Что ясно?

Вася снова побледнел и пошевелил в воздухе пальцами.

— Вжу... вжу... вжу... — сказал он пчелиным голосом.

— Не может быть! — сказал Болдырев. — Не может быть! А впрочем, почему не может быть? Вжу-вжу-вжу, конечно!

Капитан в волнении прошёлся по комнате.

— Тараканов! — крикнул он.

Дверь открылась, и в неё всунулся старшина.

— Найдите немедленно какого-нибудь пчелиного знатока и на машине доставьте к дому Ращипля. Со всем пчелиным инструментом. Ясно?

— Какого знатока? — удивился Тараканов.

— Любого. Чтоб в пчёлах толк понимал.

— Слушаюсь-постараюсь! — сказал Тараканов, исчезая.

— Ну, Вася, — сказал Болдырев, — ты действительно малый головастый. Если верно догадался, получишь карманные часы. С музыкой!

Они вышли на улицу.

Матрос, который всё это время болтался у милицейской столовой, побежал за ними следом.

Славная погода стояла в городе Карманове. За день солнце обсушило грязь на дорогах и теперь свободно летело в небе, направляясь к закату. На душе у Васи было ясно.

«Карманные часы, — думал он, — с музыкой!»

Но всё-таки странно было снова подходить к дому Рашпиля. Открывая калитку, Вася даже притормозил, опасаясь, как бы не вылетела откуда-нибудь пуля.

Но пуля не вылетела. На крыльце сидел милиционер и читал газету.

— Пойди, Фрезер, пообедай, — сказал Болдырев.

Свернув газету, милиционер ушёл.

Ульи по-прежнему стояли под яблонями. Их было пять штук, и все они были покрашены зелёной краской. Вася и Болдырев разглядывали их с двух шагов.

— Что-то пчёл не видно, — сказал Вася.

— Наверно, затаились, — осторожно сказал капитан.

— А по-моему, их здесь сроду не было. Зря знатока вызвали.

Вася подошёл к ближайшему улью и щёлкнул ногтем по крыше.

В ту же секунду и Вася, и Болдырев мчались через сад к дому.

Матрос, который добродушно дремал в клубнике, принял на себя основной удар пчелиной армии. Завывая, как пожарная машина, он кинулся к ближайшему пруду и спрятался в знакомую крапиву, поклявшись никогда в жизни из неё не вылезать.

Захлопнув двери и форточки, Болдырев и Вася подсчитывали свои уроны.

Васе досталось за догадку — его укусило пять пчёл. Капитан отделался легче — пчёлы будто почувствовали в нём милиционера. Его укусила всего одна пчела, зато уж как следует, в кулак. К тому же у Болдырева оказался прокушен портсигар.

— Ничего, — сказал капитан. — Пчелиные укусы полезны.

Он достал из кармана милицейский одеколон «Шипр» и стал протирать раны.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЧЕЛИНЫЙ ЗНАТОК ЕМЕЛЬЯНЫЧ

К этому моменту прибыл пчелиный знаток Емельяныч.

— Пчелу я понимаю, — говорил знаток, вылезая из машины. — И она понимает меня.

— Так точно, папаша, — подтверждал старшина Тараканов, помогая старичку выгрузиться.

С сомнением оглядев Васю и Болдырева, знаток сказал:

— Кто пчелу не понимает, того и она не поймёт.

Емельяныч действительно пчелу понимал. Он надел на голову чёрный пчелонепроницаемый колпак, отчасти похожий на чайник. В руки взял небольшую леечку. В ней тлели угли, и вместо воды из кончика носа выливался дым.

Облив пчёл дымом, Емельяныч стал вскрывать ульи. Тараканов помогал ему издали взглядом, а Вася и Болдырев глядели на всё это через закрытое окно. Пчёлы крутились вокруг Емельяныча, но не трогали. Правда, одна, особенно злая, укусила Тараканова в кокарду.

В четырёх ульях Емельяныч ничего не нашёл, кроме пчёл и мёда, а вот в пятом улье пчёл не было! Емельяныч вынул из него одиннадцать фотоаппаратов «Зенит», четыре транзисторных радиоприёмника «Горизонт», двадцать ручных часов «Кругозор» и сто сорок девять золотых колец, надетых на палочку. Причём палочка оказалась из чистого серебра. После этого Емельяныч вынул и деньги, завёрнутые в «Вечернюю Москву» от 17 июня.

— Я пчелу понимаю, — толковал Емельяныч, когда все уже ехали обратно.

Вася и Болдырев молчали, с уважением слушая, как понимает Емельяныч пчелу.

— Понимайте пчелу, молодой человек! — приставал знаток к Васе. — И она вас поймёт.

— Ладно, папаша, — успокаивал его Вася. — Я постараюсь понять.

Потом Емельяныч прицепился к Болдыреву. Он задал ему вопрос: понимает ли пчёл милиция?

— Милиция всё понимает, — отвечал Болдырев. — Не только пчёл, но даже кузнечиков или божьих коровок.

— Кузнечики ваши чепуха! — горячился Емельяныч. — Они мёду не дают!

— Зато стрекочут красиво, — застенчиво сказал Тараканов.

Эти слова так раскиптали старого знатока, что он стал прямо накидываться на старшину, чуть ли не хватая его за портупею.

— Прибавь ходу! — сказал Болдырев шофёру.

Разбрызгивая лужи, «газик» промчался по кармановским улицам и остановился у маленького дома, чем-то похожего на улей.

Болдырев хотел уже прощаться, но упорный Емельяныч схватил его под руку и потащил в сад.

— Так просто вы от меня не отделаетесь! — сказал он.

Всюду — под яблонями, на огороде, на крыше, на террасе, на чердаке — стояли ульи.

Собачья конура у крыльца тоже была похожа на улей. Казалось, Емельяныч держит в ней специальную дрессированную пчелу.

И действительно, как только все вошли в сад, из конуры выскочила маленькая чёрно-рыжая собачка и принялась не то лаять, не то жужжать.

— На место, Шмель! — крикнул Емельяныч. Он усадил всех за берёзовый стол, врытый в землю между ульями, и быстро раскопегарил самоварчик. Потом достал чашки и стаканы, разлил чай и выставил на стол блюдо с мёдом.

И глядя на этот мёд и самоварчик, старшина Тараканов даже сказал стыдливо:

— Пчела пчеле — рознь. Она, как и человек, своё понимание имеет.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ГРУЗОВОЕ ТАКСИ

Длинный какой день-то сегодня получился. И сразу в нём собрались и деньги, и пчёлы, и мусорная урна.

День сегодняшний был похож на грузовое такси, которое перевозит вещи на дачу. Чего только в него не навалено — и детские коляски, и матрасы, и телевизор «Рубин».

А солнце было ещё высоко. Впрочем, не так уж высоко. Начинался закат.

Милицейская машина мчалась по шоссе. По сторонам мелькали домики и дачки. Их шиферные крыши порозовели под закатным светом, мерцали в зелёных садах. Навстречу одна за другой летели машины, и на лбу у них горели закатные пятна.

Но вот солнце закатилось, ветровые стёкла встречных машин померкли. Милицейский «газик» свернул с шоссе на просёлок.

Болдырев сидел рядом с Васей и устало молчал. Вася тоже помалкивал. Одной рукой он придерживал на коленях банку с мёдом от Емельяныча, а другою гладил Матроса. Матрос глядел в окно задумчиво, как пионер, возвращающийся из лагеря домой.

— День кончился, — сказал Болдырев.

— Так точно! — подтвердил Тараканов.

— И дело наше кончилось, — добавил Болдырев.

Старшина Тараканов хотел сказать: «Так точно», — но почему-то застеснялся.

«Газик» въехал в деревню и остановился у сельсовета. Механизаторы, которые шли в клуб на танцы, с удивлением глядели, как вылезает Вася из милицейской машины.

— Смотрите! — кричал тракторист Наливайко. — Ваську забрали!

— Спокойно! — строго сказал Тараканов из машины. — Гуляйте-танцуйте!

— Здорово ты догадался насчёт денег, — говорил Болдырев, прощаясь с Васей. — Ты всё-таки молодец. Хочешь со мной работать?

— В милиции, что ли? — не понял Вася.

Капитан подмигнул.

— А какой оклад? — спросил Вася, выгружая мёд и Матроса.

— Оклад хороший, — улыбаясь, ответил Болдырев. — К тому же обмундирование.



— Сапоги, — вставил Тараканов, — хромовые!

— Сапоги — вещь хорошая, — задумчиво сказал Вася.

Он пожал капитанскую руку, свистнул Матроса и пошёл к дому.

«Газик» фыркнул за его спиной и уехал.

Над деревней Сычи нависли уже сумерки, уже во всех окнах зажглись лампочки и абажуры, а всё-таки в небе ещё виднелись остатки заката — день никак не хотел кончаться, а ведь и так уж длинный получился.

А книжка-то какая длинная получилась! Читаешь её, читаешь, никак не дочитаешь до конца.

Пора уж кончать книжку, пора и в окно поглядеть: что там на улице делается?

КРАТКИЙ СЛОВАРИК, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ СОСТАВЛЕННЫЙ АВТОРОМ

БЭМСКОЕ — Такого стекла на свете нет. Есть богемское. Стекольщик переврал название, но это не страшно. Все стекольщики давным-давно переделали «богемское» в «бэмское».

КАЗЕИНОВЫЙ КЛЕЙ — В свои детские годы автор думал, что «казеиновый клей» происходит от слова «коза». Это была большая ошибка. Но как же было удивление автора, когда он узнал, что делают казеиновый клей из творога.

МАРЕНГО — Кого ни спрашивал автор, никто не знает, что это за цвет — «маренго». Специально посетив город Карманов, автор посмотрел в глаза капитану Болдыреву и установил, что это чёрно-серый цвет, строгий.

МИМОЗА — Ошибается тот, кто думает, будто мимоза — низкорослый цветок. Мимоза — это дерево ростом с берёзу. Самое удивительное, что название «мимоза» — неправильное. Это дерево с жёлтыми цветочками называется «акация серебристая».

НЕСТОРАЕМЫЙ ШКАФ — Железный шкаф, который не горит в огне, в отличие от других шкафов, которые горят. Зато другие шкафы в воде не тонут, в отличие от этого.

ПАТЕФОН — Музыкальный ящик вроде проигрывателя. Патефон заводят, как грузовик, специальной рукояткой.

ЯЗЬ — Златолобая рыба с красными плавниками. Когда на берёзах лопаются почки, язь выходит на поверхность реки, хватается майских жуков, падающих в воду. Приятно окончить книжку хорошим словом — язь.

От составителя

В отличие от других произведений Юрия Коваля повесть «Пять похищенных монахов» имеет два существенно различающихся варианта: журнальный и книжный. Причём различия в этих вариантах таковы, что при внимательном заинтересованном взгляде позволяют говорить фактически о двух разных произведениях: сюжетно, интонационно, по составу персонажей.

При этом журнальный вариант после его первопубликации в ленинградском «Костре» ни разу не переиздавался. Книжный же вариант, представляющий окончательную авторскую волю, опубликован не один десяток раз и продолжает выдерживать по несколько изданий ежегодно.

Вместе с тем ряд существенных изменений, сделанных автором в сюжете и стилистике повести при переработке первоначального варианта (замена прозвища главного героя, «слияние» Мони-Бородача и заведующего тиром по кличке Кожаный в единого Моню Кожаного, изъятие из состава персонажей лифтёрши тёти Тани, смягчение и сглаживание столь характерной для Коваля восхитительной гротескной абсурдности в описании событий и авторских комментариев к ним), носят, мягко говоря, неоднозначный характер.

В целях посильной корректировки сложившейся публикационной ситуации и дабы заинтересованные читатели могли сами для себя определить, какая из существующих версий ближе им по духу и стилю, в настоящем издании воспроизводится журнальный вариант повести «Пять похищенных монахов» с оригинальными иллюстрациями Валерия Топкова, а также с исправлением некоторых ошибок журнальной публикации (отсутствие заглавий у первых двух частей, отсутствие упоминания фамилии милиционера – Фрезер – во второй части при том, что в третьей части его фамилия звучит так, как будто она уже известна читателю, и некоторых других). Кроме того, текст дополнен несколькими органичными фрагментами книжного варианта повести (в частности, лирическими отступлениями о птичьем рынке и о парилке), которые не противоречат сюжету и стилистике журнального варианта.



ПЯТЬ
ПОХИЩЕННЫХ
МОНАХОВ
повесть



Рисунки Валерия Топкова

Возле дома номер семь гражданин Никифоров приостановился.

Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел с удивлением толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта действительно удивляла, потому что в ней были и мужчины и женщины.

Если б это была абсолютно мужская толпа или совершенно женская, гражданин Никифоров ни секунды бы не задержался.

Тут из толпы вышел человек и спросил гражданина Никифорова:

— И что ж, их прямо в рясе повели?

— Не знаю, — вздрогнул гражданин. Его напугали эти неприятные слова. Слово «ряса» он недопонял, а что такое «повели», сразу догадался.

— Ага, в рясе, — заметил кто-то. — Идут рядышком пять монахов, а руки цепями скованы.

— Четыре монаха и поп с бородой!

— А за что же их, монахов-то?

— Голубей они украли...

— Чего ты болтаешь, зачем им голуби? У них денег полный чемодан!

— Монахам голубей не надо? Ну сказал, что в воду пёрышко пустил!

— Какие монахи? Каких голубей? Вы что городите? Ведь у нас монахи только у Длинного, а у него их всех спёрли.

— Кого?

— Монахов! Пять штук! Спёрли и в корзинке унесли!

— Да разве ж они залезут в корзинку?

— Тьфу! — плюнул гражданин Никифоров и, подхватив свои грабли, поспешил в закоулок.

Он сделал уж два шага и только хотел начинать третий, как вдруг наткнулся на старушку, пристально его разглядывавшую.

— А ну-ка постой, голубок, — сказала старушка, плечом загораживая дорогу. — А не замешан ли ты в этом деле? Зачем ты бледнеешь?

Смертельно тут побледнел гражданин Никифоров и побежал со всех ног.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЯТНИЦА

ДОРОГУ НОВОМУ

Был ясный весенний день, который клонился уже к вечеру.

От асфальта, нагретого солнцем и омытого дворниками, пахло черёмухой.

Все окна в нашем доме были распахнуты, и кое-какие жильцы задумчиво выглядывали во двор. Только одно окно на втором этаже было крепко заперто шпингалетами, и оттуда сквозь мутное стекло глядела на улицу белая собака Валет.

Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зелёным луком, слышались глухие раскаты. Там что-то туго стукнуло и донёсся голос:



— Где моя курица?

— Она висит между дверями, — раздражённо ответили из глубины квартиры.

— Вечно она вешает курицу между дверями, — сказал Длинный, обращаясь ко мне. По-моему, это отвратительно.

— Ещё бы, — подтвердил я.

Мы стояли посреди двора, под американским клёном, на ветвях которого висел чулок.

— А ты, Длинный, молчи, — крикнула Райка Паукова, высовываясь из-за зелёного лука. — Вот дом снесут и шкафы твои сломают!

Длинный побледнел. Шкафы были его больным местом.

— Как хотите, а я не выселюсь, — крикнула тётя Паня с пятого этажа.

— Второй год сижу на чемоданах, — поддержала её лифтёрша тётя Таня, выходя из первого

подъезда. — Ещё и не знаю, куда переселят. Загонят куда-нибудь в Би-рюлёво.

— Я в Бирюлёво не поеду, — сказала тётя Паня. — Там все дома белые.

— Дом подлежит сносу, — подал голос дядя Сюва с третьего. — А раз подлежит — следует его сломать. Надо дать дорогу новому.

— Мне и в старом хорошо, — высказалась тётя Паня.

— Ну зачем же сносить наш дом? У нас даже лифт есть, в первом подъезде.

— Ну уж — лифт. Тоже мне, баракло.

— Кабина-то совсем новенькая! В ней можно на Марс подняться!

— А вдруг не снесут, — с надеждой сказал Длинный. — Вдруг пере-думают. Обещались к маю снести, а не сносят.



— Снесут, снесут, и шкафы твои с крыши скинут, — добавила Райка Паукова, мстительно выглянув из окна.

Длинный невольно глянул вверх. Там, на крыше, прямо под облаками, в рощице телевизионных антенн стояли два шкафа — буфет и гардероб. Они хорошо были видны с тротуара, и иной прохожий останавливался и подолгу раздумывал, задравши голову, к чему поставлены они. Но когда появлялся на крыше Длинный, распахивал резные дверцы — в небо из гардероба вылетали четыре ослепительных голубя, а из буфета — пятый.

— Голубятня! — удивлялся прохожий, широко разводя руками. — Уголок старой Москвы!

— Надо дать дорогу новому, — бубнил дядя Сюва. — Новое идёт на смену старому.

— А в новых домах, — сказала Райка Паукова, — голубей держать не разрешается.

Она нервно наломала зелёного лука и спряталась в глубине квартиры.

— А я на балконе буду держать, — сказал Длинный. — На балконе-то, наверно, можно. Верно, Юрка?

— Ещё бы, — ответил я.

Длинный повеселел и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

— Что это всё гитара да гитара, — сказал он. — Есть ведь и другие музыкальные инструменты.

Он приложил гармошку к губам. Казалось, он примеривается съесть её, как сверкающее пирожное.

— Три—четыре! — крикнул дядя Сюва, и Длинный дунул в басы.

Шипящее, гудящее дерево музыки выросло рядом с американским клёном, и сразу же Райка Паукова прикрыла окно, дядя Сюва стал смешно дирижировать толстыми пальчиками, а возле третьего подъезда остановился Жилец из двадцать девятой квартиры, только что вошедший с улицы во двор.

«НЕКОМУ БЕРЁЗКУ ЗАЛОМАТИ»

Об этом Жилце надо бы рассказать подробнее, потому что в первую очередь подозрения упали на него. Но упали они немного позднее, примерно через час, а в тот момент мы никак не думали, что подозрения начнут падать.

Жилец из двадцать девятой квартиры стоял у подъезда и слушал музыку и был пока вне подозрений. Впрочем, стоял он понуро, плечи его были опущены, голова в эти плечи втянута, как будто он боялся, что на него что-нибудь упадёт.

Вдруг он расправил плечи, более гордо поднял голову и пошёл прямо к нам. Однако подойти к нам было не просто. Уже не дерево, а заросли музыки, колючие кусты, вроде шиповника, выдувал Длинный из губной гармошки. Жилец, с трудом продирался через них, трещал его плащ, а Длинный играл всё сильнее, стараясь превратить эти заросли в джунгли.

— Разрешите, — сказал Жилец.

— Что такое? — не понял Длинный, отрывая гармонь ото рта.

— Музыка утоляет печаль, — сказал Жилец и мягко отобрал у Длинного музыкальный инструмент. Он вынул из кармана носовой платок с фиолетовыми цветочками, аккуратно протёр им гармонику и после приложил её к губам. Он не всунул её грубо в рот, как это делал Длинный, а сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармошка нежно прошипела: «Финкельштейн».

Жилец недовольно покачал головой и снова принялся протирать и продуть гармошку. Затем сложил из губ ещё более красивый бантик, глаза его увлажнились, и тихо-тихо, тоскливо и пискляво он заиграл: «Некому берёзку заломати...»

Печальная знакомая мелодия заструилась из губной гармоники «Универсаль». Перед глазами у меня само собой возникло вдруг золотое поле пшеницы и маленькая берёзка, трепещущая на ветру. Играя, Жилец глядел в небо, слегка раскачивался и в своём зелёном плаще был похож на берёзку, которую некому было покамест заломати.

Многие жильцы высунулись из окон поглядеть, кто это играет, опечалился дядя Сюва, и даже Райка Паукова хмуро глянула из-за зелёного лука. Замахал под музыку ветвями американский клён — единственное наше дерево, а дом наш старый, четырехэтажный, помрачнел, чувствуя, как видно, что очень скоро сумеют его заломати в отличие от берёзки.

Музыка плыла по этажам, и под её задушевные аккорды во двор с улицы вошла сухонькая старушка в чёрном пальто. Она остановилась посреди двора и подняла к небу указательный палец.

Это была бабушка Волк.

БАБУШКА ВОЛК

В роговых очках с толстыми линзами, в чёрном длиннополом пальто, с хозяйственной сумкой, из которой торчали макароны, бабушка Волк казалась, на первый взгляд, той самой старушкой, про которую сказано — «божий одуванчик». Да только дунуть на этот одуванчик в нашем доме никто не решался, а если б решился, то с таким треском летел бы из подворотни, что потом никогда уж не стал бы дуть на одуванчики.

Войдя во двор, бабушка Волк сурово глянула на Жильца, и он сразу перхнулся, наврал в мелодии, вместо берёзки выдул бородавчатый бересклет. Остатки музыки, как мыльные пузыри, улетели в небо.

Выставив указательный палец им вдогонку, бабушка Волк громко сказала:

— Пакуйтесь!

— Что такое! — заволновались жильцы. — Неужели? Неужели решение состоялось?!

— Пакуйтесь! — повторила бабушка Волк с ещё большим нажимом. — Снесут через неделю.



— Старое на слом. Надо дать дорогу новому!

— А ты, Длинный, — крикнула Райка Паукова, — продавай голубей, пока не поздно.

— Пакуйтесь! — в последний раз сказала бабушка Волк и направилась к первому подъезду, явно собираясь немедленно паковать.

— Пойдём, погоняем напоследок, — печально сказал Длинный, и мы пошли во второй подъезд, откуда была лестница на чердак. Краем глаза я заметил, что Жилец из двадцать девятой квартиры направился к третьему подъезду, где и снимал комнату во втором этаже.

Мы вылезли на крышу, и голуби сразу зашевелились в шкафах, захлопали крыльями.

— Ну зачем сносить? — вздыхал Длинный, отмыкая замки. — Наш дом простоит ещё сто лет...

Он отомкнул замок, висящий на гардеробе, и только стал открывать второй, на буфете, как снизу, со двора, послышался крик.

— Что ещё такое? — сказал Длинный, заглядывая с крыши вниз, во двор.

Хоть и невысок наш дом — четыре этажа, а страшно другой раз глядеть с крыши вниз, двор кажется колодцем, на дне которого растёт американский клён. Сейчас вокруг него бегали жильцы и размахивали руками.

— Все бегут в первый подъезд, — сказал Длинный. — Там что-то случилось. Надо узнать.

Мы быстро скатились во двор и побежали к первому подъезду. Там, на третьем этаже, собрались почти все жильцы. Они кричали и шептались, а тётя Таня, бледная как смерть, стояла у лифта и обмахивалась газетой. Я даже посмотрел, какая газета. Оказалось — «Вечерняя Москва».

— Что случилось? — крикнул Длинный.

— Опять, — сказал дядя Сюва. — Опять застрял!

Лифт, в котором сидела бабушка, прочно застрял между вторым и третьим этажами.

— Энергия кончилась! — крикнула тётя Паня.

— При чём здесь энергия? Дом перекосялся — вот лифт и заклинивает, — сказал дядя Сюва и ударил в стену кулаком, будто хотел выпрямить маленько дом. — Я вам говорю: старое на слом, а вы не верите.

От удара стена дрогнула, лифт дёрнулся, прополз немного и остановился.

— Надо звонить в «Лифтремонт»! Татьяна! Звони в «Лифтремонт»! Спаси человека!

— Да, да! — загалдели все. — Надо звонить в «Лифтремонт».

— Бегу звонить в «Лифтремонт»! — крикнул дядя Сюва, а Длинный ударил в стену вместо него.

— Бабушка Волк! — закричал он, прикинув к железной двери. Вы живы или нет?

Все затихли, дожидаясь ответа.

В тишине, из каменной шахты послышался скрежет. Медленно, толчками, лифт вдруг пополз к третьему этажу. Вот он дополз до железной двери и остановился. Дверь открылась, и бабушка Волк вышла на лестничную площадку.

— Бабуля! — заорал Длинный. — Я уж хотел стены долбить!

Не говоря ни слова, бабушка Волк растолкала жильцов, направляясь к своей квартире. На пороге она обернулась и, поднявши палец, сказала:

— Пакуйтесь!

— Тьфу ты, — плюнула Райка Паукова. — У меня курица на газу.

Райка побежала домой, и вслед за нею потянулись другие жильцы. Длинный отправился на голубятню, а я хотел было зайти домой. Но не успел я и подняться на второй этаж, как вдруг снова услышал какой-то крик. Я выскочил во двор и увидел, что все жильцы снова повывалялись в окна.

— Что такое? — крикнул дядя Сюва. — Кто кричал?

А лифтёрша тётя Таня ответила из глубины двора:

— Голубей-то у Длинного по этой суматохе всех свистнули!

О ГОЛУБЯХ

И каких же только голубей не бывает на свете! Удивительно, сколько вывели люди разных голубиных пород:

монахи,
почтари,
космачи,
скандароны,
чеграши,
грачи,
бородуны,
астраханские камыши,
воронежские жуки,
трубачи- барабанщики.

Можно продолжать без конца и всё равно кого-нибудь позабудешь, каких-нибудь венских носарей.

И это только домашние голуби. Диких, которых я-то люблю больше, тоже хватает. В наших лесах живут витютень, горлица, клинтух.

Клинтух — вот серьёзное, строгое слово. В нём вроде бы и нет ничего голубинового. Но скажи — клинтух, — сразу видишь, как летит над лесом свободный стремительный голубь.

Клинтух — вот голубь, в котором больше всего, на мой взгляд, голубинового смысла. Ранней весной в сосновом бору слышится глухой ворчащий звук. Кажется, журчит самый могучий и нежный весенний ручей, но только льётся он с вершины сосны. Это воркует клинтух.

Прекрасно оперённой стрелой взлетает он с сосновой ветви, коротко и властно взмахивает крыльями и клином уходит в небо.

В его крыльях серовато-солнечного цвета столько силы, что при случае он уйдёт и от сокола.

И какой же никудышный полёт у городских сизарей. Они только и слетают с крыши на тротуар, с тротуара на крышу.

Раз я видел, как стая сизарей перелетела с крыши на крышу. Один сизарь почему-то остался на старом месте, ожидая, видно, что остальные скоро вернуться. Однако они не возвращались, похаживали по крыше соседнего дома. Некоторое время сизарь сидел одиноко, но потом не вытерпел и полетел вслед за стаей, а тут вся стая поднялась и полетела обратно.

Стая и одинокий сизарь встретились в воздухе. Любой другой голубь — монах или почтовый — обязательно выкинул бы фигуру, закрутил бы в небе замысловатый крендель и примкнул бы к стае, а сизарю лень было разворачиваться, он лишь взял в сторону и опустился на то место, где только что сидела вся стая.

Клинтух — это высшее достижение голубиной породы. Сизарь — это падение, позор для всех голубей.

Клинтух и сизарь — это два полюса, а между ними все остальные домашние голуби — и чеграши, и монахи. В их полёте нет такой силы и такого смысла, как у клинтуха, но и нет такой бессмыслицы, как у сизаря.

Но встречаются среди домашних голубей удивительные невиданные летуны — турманы.

Вот летит над городом турман — ровно летит, чисто, спокойно. Вдруг он прикрывает крылья и раз — кувыркается через голову, потом в бок, в бок, через крыло, снова через голову. То, как подбитый, падает турман, то снова становится на прямое крыло. Турман плещется в воздухе, он кувыркается от радости, он летает от счастья летать.

Турман — это художник, это настоящий артист среди голубей.

Вот таким-то турманом был Великий Моня — гордость нашего дома, нашего переулка и всей Крестьянской заставы, голубь-монах, который жил у Длинного на голубятне. Четыре простых монаха жили в гардеробе, а Великий Моня имел свой отдельный шкаф — старинный резной буфет в стиле ампир.

Длинный купил его, когда Моня, так сказать, ещё не оперился. А через полгода Тимоха-голубятник, бывший хозяин Мони, уже не мог глядеть в небо без слёз.

Из всех голубиных пород Длинный раз и навсегда выбрал монахов.

— В них гордость видна, — говорил он. — Один чёрный капюшончик на голове чего стоит!

Когда Длинный выпускал голубей — жильцы открывали окна, высывались в форточки, а прохожие, которые хоть иногда смотрят в небо, останавливались, глядя, как носится в небе Моня — белокрылый живой фейерверк. А те прохожие, которые глядят обычно себе под ноги, те, конечно, не видели ничего.

КЛЮЧ И МОЛОТОЧЕК

На Длинного прямо смотреть не хотелось. Он метался по крыше и то распахивал дверцы гардероба, то шарил в буфете, то вдруг опускался на колени и, уткнувшись носом в кровельное железо, начинал изучать следы. Но никаких следов, кроме голубиных, не было пока видно.

Да и вообще, на первый взгляд, голубятня казалась в полном порядке. Буфет и гардероб спокойно и величественно стояли на своих местах. Можно было даже подумать, что монахи сами открыли дверцы и отправились полетать. Но открыть дверцы они, конечно, никак не могли. Даже Великий Моня не смог бы устроить такую штуку. Кроме всяких замков, шкафы запирались ещё и на крючки.

Кто-то поднялся на крышу и, пока бабушка Волк сидела в лифте, а мы, как дураки, толкались в подъезде, взял да и откинул крючки. Да, ловкий какой вор-то попался, быстренько успел всё проделать, а уж Длинный-то берёт своих голубей, по два всяких замка на шкафы навешивал, а теперь только несколько перьев валялось на крыше.

— След! — крикнул вдруг Длинный. — Смотри-ка, след!

На самом краешке крыши, у водосточной трубы, действительно что-то блестело.

— Вот она! — крикнул Длинный и поднял с крыши блестящий предмет.

Серебряная пуговица лежала у него на ладони, форменная пуговица, на которой шведский ключ перекрестился с молоточком.

— По-моему, это железнодорожная пуговица, — сказал Длинный. — Ключ и молоточек. Значит, вор — железнодорожник. Вот она — первая улика! С этой пуговицей я живо возьму вора в клещи! А Моська дорогу домой сам найдёт, сам прилетит.

— Ещё бы! — подбадривал его я.

— Проклятый вор! — закричал вдруг Длинный. — Он у меня ещё попляшет!

В волнении он забегал по крыше, заглядывая вниз, на улицу, как будто немедленно рассчитывал увидеть вора-железнодорожника и устроить ему хорошую пляску. Пять или шесть прохожих неторопливо шли по переулку. Один из них, без шляпы, выглядел немного подозрительно, оглядывался, то и дело завязывал шнурки ботинок, но сверху, конечно, установить, вор он или нет, было невозможно.

ВИД НА ЗОНТИЧНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Сверху, с крыши, был виден весь наш переулок. И Красный был виден дом, и Серый дом, в котором «Приём посуды», и Дом у Крантика, рядом с которым из тротуара действительно торчал «крантик» — голубая колодезная колонка. Все наши жильцы питьевую воду брали из «крантика», а водопроводной мыли руки.

Конечно, в Москве много переулков, и у многих из них — странные названия. Например, Жевлюков, или Дурасовский, или Николо-Воробинский, в котором жил писатель Исаак Бабель. Но наш переулочек всех перешиб. Он называется Зонтичный. Причём название это — условное. На нашем доме написано — ЗонтОчный, на Красном — ЗонтИчный, на Сером — ЗонтЕчный, а на Доме у Крантика — ЗонтЭчный. Так что по сравнению с нашим переулком даже Кривоколенный меркнет. Небось никто не напишет: КривоколЭнный.

Интересно сверху, с голубятни, смотреть на наш переулок. Вот стоит на тротуаре бабушка Волк, вот лифтёрша тётя Таня набирает воду из «крантика», вот вышел из Красного дома Тимоха-голубятник.

— Стоп! — сказал вдруг Длинный. — Это — Тимоха! Тимоха-голубятник из Красного дома! Он украл голубей! И пуговица его!

Да, в нашем переулке Тимоха был самый отъявленный голубятник. У него и так было штук тридцать голубей, а ему хотелось, чтоб их становилось всё больше и больше.

Бывало, как увидит голубя, весь дрожит и просо из кармана сыплет.

— Это он! — сказал Длинный. — И пуговица его! Ведь он же пэтэушник. А у них тоже такие пуговицы! Форменные!

Длинный бегал по краю крыши, как коршун заглядывал вниз, будто хотел кинуться и накрыть Тимоху.

— Это пэтэушная пуговица! — закричал он. — А ну-ка пойдём, поговорим.

И мы скатились по лестнице на двор, через подворотню выскочили на улицу и бегом стали догонять Тимоху.

— Куда это вы? — крикнула нам вдогонку бабушка Волк.

— Проклятый вор! — закричал Длинный. — Он у меня ещё попляшет.

А я ничего не сказал, а про себя подумал:

«Ещё бы».

ТИМОХА-ГОЛУБЯТНИК

— Да не брал я твоих голубей, Длинный, — закричал Тимоха, как только нас увидел. — И что это такое! Как только у кого крадут голубей — сразу думают на меня!'

— Проклятый вор! — закричал Длинный. — Ты у меня ещё попляшешь!

Я удивился, когда увидел, какой оборот вдруг приняло дело. Мне казалось, что Длинный должен начать разговор деликатно, немного издалека, а он сразу взял быка за рога.

— Да не брал я твоих голубей, Длинный. Я и в училище отличник, разве я стану красть?

Тогда Длинный подошёл к Тимохе поближе и сказал:

— Не брал?

— Не брал я твоих голубей, Длинный, не брал.

— А отчего у тебя глаза бегают?

— От волнения, — сказал Тимоха. — И что это такое! Как только у кого крадут голубей — сразу ко мне. А я и в школе был отличник, и в училище. Ну зачем мне красть?

— И в школе, говоришь, отличник! А это что такое, гражданин? — И Длинный прямо под нос Тимохе сунул пэтэушную пуговицу.

— Да не знаю я, что это такое! — закричал Тимоха, глядя на пуговицу одним глазом.

— Не знаешь! А не у вас в пэтэу такие штуки на форме носят, а после оставляют на месте преступления?

— Ты что, Длинный. Да у нас вообще никакой формы нету. Ходим, как люди, в брюках и пальто.

— Как люди, говоришь! — закричал Длинный. — Проклятый вор! А отчего на тебе шапка горит?!

И тут я поглядел на Тимоху и увидел, что из-под шапки у него прямо дым валит и она вот-вот воспламенится.



— От волнения же! — сказал Тимоха. — Это пар, понимаешь, пар идёт от волнения. А мы как люди ходим, Длинный, нет у нас таких пуговиц. Да ты сам подумай, Длинный, ну зачем мне твои голуби? Ну как бы я стал их гонять? Ведь Моньку каждая собака знает.

— Ты давно уж к Моньке приглядывался!

— На кой мне Монька, Длинный? У меня Тучерез не хуже Моньки.

— Тучерез не хуже Моньки? От Моньки у твоего Тучереза башка закружится. Барахло!

— Тучерез барахло? — сказал Тимоха, внезапно бледнея. — Монька твой — барахло!

Длинный покраснел.

— Ну, пэтэушник! — закричал он. — Ты у меня сейчас попляшешь!

И Длинный уж подбоченился, становясь в позу, подходящую для пляски, как вдруг какой-то неизвестный человек вклинился между ним и Тимохой, оттёр Длинного плечом и крикнул:

— А ну-ка спокойно! Разойдись! Сейчас милицию позову! Товарищ милиционер! Товарищ милиционер!

И Длинный отскочил, и Тимоха отодвинулся в сторону. Бледные и красные, они стояли поодаль друг от друга и тяжело дышали. Неизвестный тихонько засмеялся и пошёл своей дорогой.

Мы и не посмотрели ему вслед. И зря не посмотрели, потому что этот неизвестный никогда бы в жизни не позвал милиционера. Это и был — Похититель.

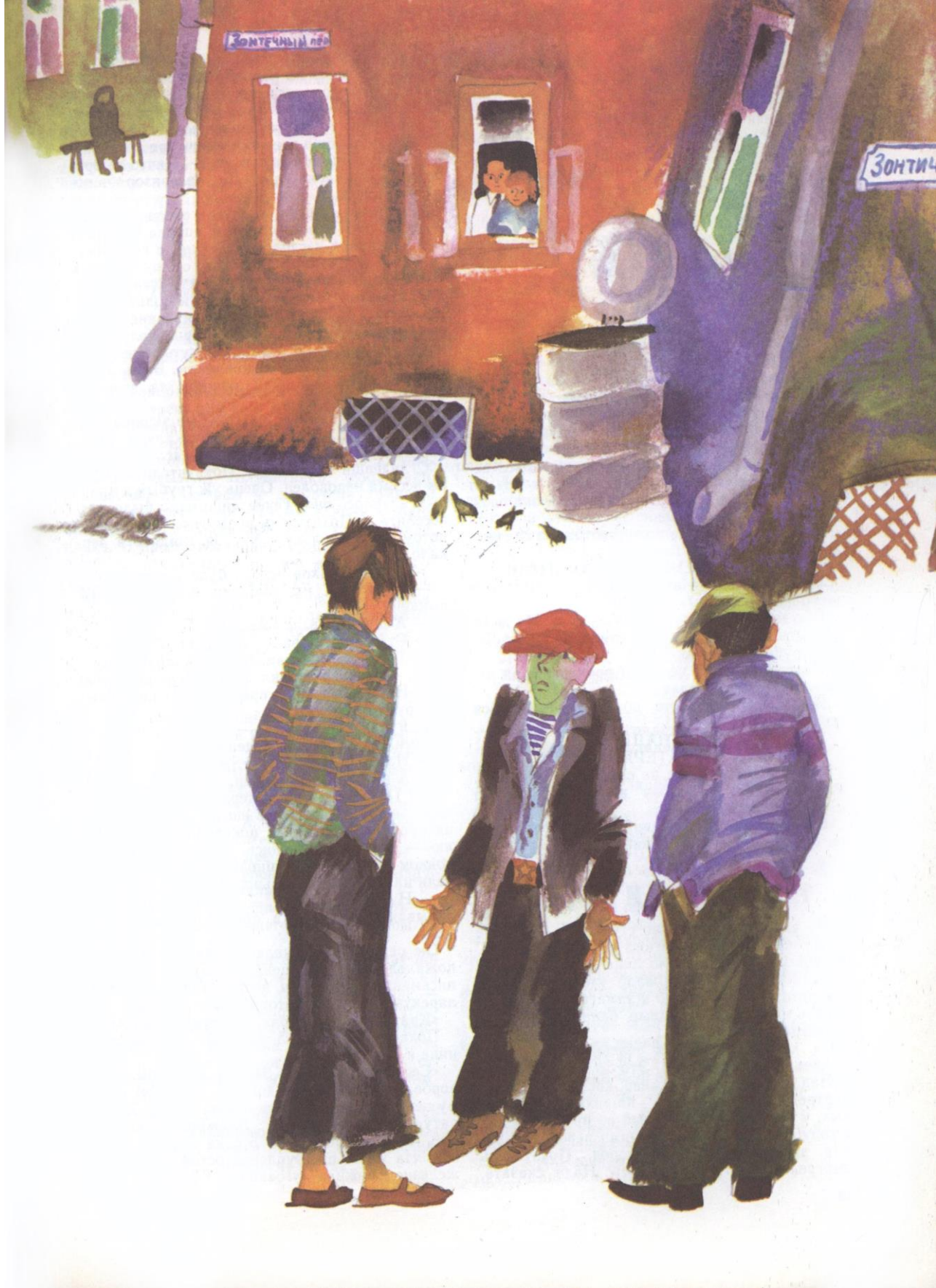
СЛЕДЫ В ПОДЪЕЗДЕ

Тётя Таня, тётя Паня, дядя Сюва и бабушка Волк сидели под американским клёном, играя в «козла».

— Дупель! — сказал дядя Сюва и ляпнул доминошиной.

— Ладно, ладно, — сказала тётя Паня. — Раздупелился.

— Рыба! — крикнула тётя Таня и крепко ударила костью по столу.



— Какая такая рыба? — прищурился дядя Сюва, разглядывая фигуру, выложенную на столе из косточек домино, действительно слегка похожую на чёрный рыбий скелет. — Какая такая рыба? Окунь или голавель?

— Эх, — сказала бабушка Волк ни к селу ни к городу. — Сейчас бы се-
лёдочки баночной.

— Зря я на Тимоху наклепал, — сказал Длинный.

— Ещё бы, — ответил я.

— Тимоха здесь ни при чём. Тут замешан кто-то другой.

— Свой у своего красть не будет, — сказала тётя Паня. — Это кто-то чужой.

— Конечно, чужой, — сказал дядя Сюва. — Свой красть не будет. Вот я, например, ну зачем я буду у Длинного красть, ведь Длинный свой же парень. Ну у Тимохи или Петра Петровича с Абельмановки я бы ещё, может, украл, а у Длинного — ни за что. Я его с пелёнок нянчил.

— Я бы у Длинного тоже не стала красть, — поддержала тётя Паня. — Это кто-нибудь чужой. Только кто — вот вопрос.

— Как это кто! — сказала тётя Таня. — У нас в доме все свои, кроме одного.

— Кого?

— Кого, кого! Того дурака в плаще из двадцать девятой квартиры. Живёт один, как сыч, в двух комнатах и платит за них такие деньги, какие нам не снились.

— Татьяна, — сказала бабушка Волк. — А кто ж ему готовит первое и второе?

— Да никто ему не готовит! Кому он нужен!

— А деньги откуда берёт?

— Откуда, откуда, — ответила тётя Таня. — Хитит.

— Да что это вы, — сказал дядя Сюва. — Чего навалились на человека. Он меня так за душу брал. «Берёзкой».

— Да тебя кто хочешь за душу возьмёт.

— Ну да! — обиделся дядя Сюва. — У меня знаешь какая душа! Не то что у тебя. У меня душа широкая.

— Постойте! — закричала тётя Паня. — Я ведь видела. Вчера он лазил на крышу и крутился возле голубятни.

— Крутился?

— Крутился, крутился! Что-то вынюхивал около шкафов.'

— Вынюхивал? — сказал Длинный. — Что же он вынюхивал? А ну пойдём поглядим на этого нюхаря.

— Валяйте, валяйте, — сказала тётя Таня. — Настала пора вывести кое-кого на чистую воду.

Длинный кивнул мне и решительно направился к третьему подъезду. Он явно торопился. Мне казалось, что нельзя так сразу в лоб браться за дело. Надо бы разузнать, разведать, что к чему, но Длинный уж вошёл в подъезд и сразу стал рассматривать следы.

На каменных лестничных ступеньках за долгие годы накопилось так много следов, что ступеньки просели, протёрлись, покривились под их тяжестью. Кроме следов, повсюду валялись улики: окурки, пробки, корки апельсина, старые трамвайные билеты. Но самые заметные следы были, конечно, на стене. Белые рожи и тёмные личности были нарисованы там мелом и углем, а надписи разукрасили стену до самого потолка.

Мы поднялись во второй этаж и остановились у двери, на которой были выведены цифры «29», и стали её осматривать. Ничего, конечно, особенного мы заметить не могли. Дерматиновая обивка местами разорвалась, из дыр высывалась пакля махорочного цвета. Рядом с дверью торчал из стены небольшой пропеллер, вокруг которого по бронзовой пластинке вилась надпись: «Прошу крутить».

Это и был звонок в квартиру. Под ним висела бумажная табличка: «Николай Эхо. Звонить 1 раз».

— Только приехал, а уж табличку повесил, — пробурчал Длинный и уж хотел крутануть звонок, но вдруг отдернул руку. Я внимательно посмотрел на звонок, а надо было смотреть не на звонок, а на пол.

На полу, у самой двери, лежало голубиное перо.

СОН ЖИЛЬЦА

Жилец из двадцать девятой квартиры в этот момент прямо в брюках лежал на кровати. И спал, и ему снился удивительный сон.

Как будто он идёт по переулку, а навстречу ему идёт Райка Паукова и несёт на животе целый ящик мороженого.

— Рая, я хочу мороженого, — говорит ей будто бы Жилец.

А Райка отвечает:

— Уважаемый Жилец, кушайте крем-брюле.

И вот он будто бы начинает есть крем-брюле, а Райка говорит:

— Уважаемый Жилец, а кто вам готовит первое и второе?

А Жилец отвечает:

— Никто. Я — один на этом свете.

А Райка говорит:

— Да заходите же вы ко мне, у меня курица на газу.

А Жилец вроде мороженое слопал и говорит:

— Я только об этом и мечтаю.

И Райка Паукова только открыла рот, чтоб сказать Жильцу ещё что-нибудь приятное, но тут он проснулся — за дверью кто-то сильно «прошу крутил».

Жилец поднялся, протёр глаза боржомом, накинул пиджак и, приоткрыв парадную дверь, вздрогнул от удивления, но тут же улыбнулся и сказал:

— А, музыканты, прошу пожалуйста. Можете заходить.

— А чего нам заходить, — мрачно сказал Длинный. — Нам заходить нечего.

— Вот тебе раз, — сказал Жилец. — Да заходите же, раз пришли.

— А чего нам заходить, — повторил Длинный, проходя в комнату. — Нам заходить нечего.

В пасмурной комнате Жильца Длинный помрачнел и был похож сейчас на слесаря-сантехника, которого вызвали чинить умывальник. Неприветливо глядел он на измятую кровать, на ботинок, который стоял у кровати и на другой ботинок, отошедший от первого на несколько шагов.

— Вот видите, — сказал Жилец. — Живу монах монахом. Один как перст.

— Монахом? — спросил Длинный.

— Да, — подтвердил Жилец. — Монах монахом.

— Как же это?

— А так. Один в двухкомнатной квартире и во всём мире. Так что близкого существа не имею. А ты один живёшь или нет?

— Я? — удивился Длинный.

— Ты, — подтвердил Жилец.

— Не один я. Вон Юрка — брат, да мама с папой.

— Ерунда всё это, — оборвал его Жилец. — Мираж. На самом деле и ты один-одинёшенек.

— Как это так! — вспыхнул Длинный. — У меня и мать, и отец, да в школе приятели, в голубином клубе, да вон Юрка-брат.

— И Юрка-брат, и мать, и отец, а всё равно один ты на этом свете. Понимает ли тебя кто-нибудь?

— Да вон Юрка-то брат, — сказал Длинный, показывая на меня. — Юрка-то брат понимает. Чего ж ему не понять?

— До глубины души понимает он тебя, Юрка-то брат? — допытывался Жилец.

— А чего ж ему не понять? — удивлялся Длинный.

Я ему головой киваю: ещё бы, дескать.

— Нет, милый, — сказал Жилец. — Не понимает он тебя, и никому тебя не понять — не только Юрке-брату.

Я и вправду ничего не понимал, а только глядел на Жильца.

Но тут Длинный, которого никто не понимает, прищурился, подошёл вдруг поближе к Жильцу и сказал:

— Где монахи?

— Какие монахи?

— Те, которых вы увели.

— Я? Монахов? — вскипел неожиданно Жилец. — Что вы дурака валяете? Подите к чёрту вместе с монахами и Юркой-братом.

— А это что такое, гражданин? — сказал тогда Длинный и поднёс к самому носу Жильца голубиное перо.

Жилец слегка побледнел, взял в руки перо, дунул на него и сказал:

— Ах это! Ну что ж — виноват.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПОДУШЕК

— Виноват, — сказал Жилец, вздохнул и сел в глубокое кресло.

— Где же они у вас? — спросил Длинный, с ненавистью глядя Жильцу прямо в глаза.

— Сейчас-сейчас, — ответил Жилец. — Они под кроватью.

Тут Длинный упал на колени и заглянул под кровать.

— Что такое? — сказал он. — Здесь ничего нету.

— Как нету? — удивился Жилец, нырнул под кровать и вытащил оттуда плоский деревянный чемоданчик.

— Неуж здесья?

— Ага, — кивнул Жилец. — Вы уж меня простите великодушно.

Он нажал большим пальцем серебряный замок, и крышка чемоданчика открылась.

— Сожрал! — закричал вдруг Длинный. — Всех сожрал, окаянный!

В чемоданчике лежал ворох сизых, белых и коричневых разноцветных перьев.

— Всех монахов сожрал! — повторил Длинный, и слеза уж покатилаь было по его лицу, но тут Жилец сказал:

— Что это вы городите? Не ел я никаких монахов.

— Слопал, слопал, — твердил Длинный. — Сожрал. По глазам вижу.

— Позвольте, — сказал Жилец, раздражаясь. — Я не ел никаких монахов.

— А это что?

— Перья. И вообще попрошу вас не орать и разговаривать со мной на «вы», а не то живо отсюда вылетите.

— Всех монахов сожрал, — в отчаянии повторил Длинный. — А из перьев хочет подушку сделать!

— Подушку? — изумился Жилец, широко раскрыв свои голубые, оказывается, глаза.

— А что ж ещё, — сказал Длинный. — Конечно, подушку.

— Подушку, — повторил Жилец с недоумением и затаённой болью.

Слова Длинного поразили его, ударили, он сморщился, задумался, устало потёр лоб.

— Что ж, — сказал он, горько усмехнувшись. — Наверно, и вправду надо бы сделать подушку. Кому всё это нужно? Зачем?

Он рассеянно прошёлся по комнате, придвинул стул к шкафу, обречённо взгромоздился на него.

— Да, надо сделать подушку. Вы правы, ребята.

Вздохнув, Жилец достал со шкафа четырёхугольный коричневый предмет, и вправду похожий на подушку, рукавом обтёр с него пыль и вдруг кинул сверху прямо на стол. От тяжкого удара стол ухнул и присел.

— Вот, — сказал Жилец. — Таких подушек у меня четырнадцать штук.

Перед нами на столе лежал увесистый и пухлый, в кожу сплетённый альбом. На обложке его золотом было вытиснено:

Перья птиц всего земного шара
Собрал Николай Эхо
Москва

Длинный протянул было к альбому руку, но тут же отдернул её:
— Что это?

Жилец печально усмехнулся, раскрыл альбом, и перед нами развернулся веер никогда не виданных перьев. Тут были перья перепёлок и кекликов, удонов и уларов, сарычей и орлов. Каждое пёрышко имело свой собственный карманчик, а на карманчиках были надписи вроде — «рулевые балабана» или «первостепенные маховые буланого козодоя».

— Птицы летают и роняют перья, — печально говорил Жилец, открывая страницу за страницей. — А я хожу и собираю их, потому что каждое перо — это письмо птицы на землю. Вот посмотрите — перо вальдшнепа. На вид скромное, но какой цвет, какое благородство...

— А там что, в чемоданчике?

— Ничего особенного, — махнул рукой Жилец. — В основном — сойка, свиристель. Неразобранная часть коллекции. Маховые перья вашего монаха. Вчера подобрал у голубятни.

Длинный побелел.

— Какой цвет, какое благородство, — бубнил он и пятился к двери. — Вы это... вы уж это... Простите уж...

— Ещё бы, — смущался я.

— Да ладно, чего там, — говорил Жилец, закрывая за нами дверь. — Заходите ещё, о жизни потолкуем, на перья поглядим.

— Ещё бы, ещё бы, — твердил я, глядя на закрывающуюся дверь.

ПОЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНИНА НИКИФОРОВА

В переулке фонарей ещё не зажгли. Сумрачно было во дворах и темно в подворотнях.

К вечеру многие жильцы вышли на улицу поболтать, подышать воздухом, и вдаль по всему переулку до самой Крестьянской заставы, по двое, по трое, кучками они торчали у ворот и подъездов. У нашего дома собралась даже небольшая толпа. Издали я заметил Райку Паукову, бабушку Волк, с ними стояли знакомые и незнакомые люди из соседних домов и пришлый народ, из Жевлюкова переулка.

Из толпы доносились во двор обрывки слов и разговоры:

— И что ж, их прямо в рясе повели?

— Денег полный чемодан...

— Да разве ж они залезут в корзинку?

— Тьфу! — плюнул Длинный. — Болтают не зная чего. Эх, Моньку жалко, вот кого.

Сражённый коллекцией перьев, Длинный немного увял, устало сел на лавочку под американским клёном.

— Монахов-то я и новых могу завести, а вот такого, как Моня, — на свете больше нет.

У ворот между тем началась какая-то возня, толкотня, народу там ещё прибавилось, послышались крики: «Нет, постой! Погоди!»

— Длинный! Где Длинный? — крикнул вдруг кто-то. — Длинный, давай сюда!

Мы выбежали за ворота и увидели дикую, неприятную картину.

— Попался! — кричала бабушка Волк и крепко за руку держала какого-то гражданина, и что было совсем нелепо, так это сельскохозяйственные грабли, которые были у него в руке.

— Кто вы такой? — приставал с другого бока дядя Сюва. — Кто вы такой, гражданин? Что это вы тут ходите вынюхиваете?

— Я — Никифоров, — робко отвечал гражданин, пытаюсь освободиться. — Иду, ни к кому не прикасаюсь, и вдруг — попался.

— Теперь тебе, милый, не отвертеться.

— Не отвертеться, — соглашался гражданин Никифоров. Теперь-то уж мне не отвертеться. Попался я наконец.

— Попался, попался, — подтвердила бабушка Волк и толкнула локтем гражданина Никифорова. — Ходит здесь, вынюхивает, где что плохо лежит.

Тут бабушка Волк нарочно носом показала, как именно вынюхивает гражданин Никифоров, и получилось, действительно, некрасиво.

— Где голуби? — спросил дядя Сюва.

— Какие голуби?

— Сам знаешь какие!

— Не знаю я никаких голубей, — заупрямился вдруг покладистый в общем-то гражданин Никифоров. — Надо же мне было зайти в этот переулок. По всем улицам ходил — не попадался, а тут сразу — попался!

— Ты нам зубы не заговаривай! — сказала бабушка Волк. — Залез на крышу, грабли свои выставил и — нету голубей.

— Ничего подобного, — снова заупрямился гражданин Никифоров. — Не выставлял я грабли.

— Выставлял, выставлял. Я сама видела. Залез на крышу и давай грабли выставлять!

— Да к чему бы мне их выставлять?

— Под антенну маскировался, — сказала бабушка Волк и уж размахнулась, чтоб врезать гражданину хорошего леща, но тут Длинный мягко сказал:

— Бабуля.

— Что ещё такое? — недовольно обернулась бабушка Волк.

— Бабуля, — мягко повторил Длинный. — Вы же не видели, как он на крышу лазил. Вы же в лифте сидели.

— А может, у меня бинокль был! — задиристо сказала бабушка Волк, но тут же и замолчала, потому что при чём же здесь бинокль.

— При чём здесь бинокль? — сказал гражданин Никифоров. — Вы, мадам, что-то перепутали. Ну, я пошёл.

Он повернулся к нам спиной, отошёл два шага, потом оглянулся, вздрогнул и вдруг бросился со всех ног по переулку. Через секунду не было уж нигде видно гражданина Никифорова, и след его простыл. Я даже нарочно пощупал рукою след — да, простыл.

БЕГСТВО И СТРАХ ГРАЖДАНИНА НИКИФОРОВА

Гражданин Никифоров бежал по Крестьянской заставе, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

«И зачем я пошёл в этот проклятый переулок, — думал на бегу гражданин. — Только зашёл — сразу попался. Ну и страшные дела! Страшный какой переулок!»

Нет, гражданин Никифоров не крал голубей, но было у него на совести одно дело, было дело, было на совести. Когда бабушка Волк пристально посмотрела на него, страх сразу просочился в грудь гражданина.

— А ну-ка постой, голубок. А не замешан ли ты в этом деле? — сказала старушка, и тут не то что страх — ужас охватил гражданина. Он мигом представил, как его тащат в милицию, сажают в тюрьму и отбирают грабли.

Просто удивительно, чего иной раз боятся люди. Есть люди, которые боятся открывать консервные банки.

Звонить по телефону.

Купаться.

Петь песни.

Ездить на лифте.

Есть люди, которые боятся насаживать червя на рыболовный крючок.

Боятся, что кукушка им мало накукует.

И даже боятся падения метеоритов!

Как-то вечером, когда в небе зажглись уже звёзды, я гулял у Крутицкого теремка. Рядом строился новый дом, повсюду были навалены огромные катушки, трубы и кирпичи. В тот вечер было много падающих звёзд, и я глядел в небо, загадывая разные желания, пока звезда не погаснет.

Вдруг на заборе, за которым торчал подъёмный кран, я увидел плакат:

БОЙСЯ ПАДЕНИЯ МЕТЕОРИТОВ!

«Как же так! — вздрогнул я. — Неужели этого надо бояться?»

Всю ночь видел я страшные сны. По небу мчались метеориты. Земля сталкивалась с Луною, рушились дома.

Наутро я решил всё-таки проверить: да неужели есть такой плакат?

Плакат был на месте, но днём он читался по-другому:

БОЙСЯ ПАДЕНИЯ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ!

Такой вариант тоже не слишком устраивал. Раньше мне и в голову не приходило, что стройматериалы падают.

Страшно было гражданину Никифорову, и он бежал, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

ТЕЛЕВИЗОРЫ И МОНАХИ

На улице окончательно стемнело. Огненное слово «ПОБЕДА» зажглось над кинотеатром, багровым огнём озарило лица прохожих, почти во всех окнах вспыхивало электричество, а в некоторых вздрогнуло и замигало что-то неверное и голубое. За этими окнами смотрели телевизоры.

За одним из таких телевизионных окон в кресле сидел человек. Это был Похититель.

Над головою его на стене висели двадцать портретов киноактрис, и наших, и зарубежных, у ног стоял сплетённый из прутьев садок с голубьями-монахами, а прямо перед ним сияли экраны трёх телевизоров. Похититель смотрел сразу три программы. Надо сказать, что в этот вечер по первой программе передавали «Артлото», по второй — «Спортлото», а по четвёртой — «А ну-ка, девушки!». Третью же программу Похититель не смотрел никогда.

— Как хорошо всё-таки иметь три телевизора, — размышлял Похититель. — Ничто не проходит мимо твоих глаз. Да, телевизор — полезная штука.

Похититель повёл глазами слева направо по всем трём экранам, потом справа налево и тут наткнулся взглядом на садок с голубьями.

— Ну вот, — сказал он сам себе. — Того, к чему давно стремился, — достиг. План выполнил. На этом точка. С голубьями больше дела не имею. Голуби — отжившее явление. Целиком переключаюсь на телевизоры. Голубей-то воровать просто, а чтоб свистнуть телевизор, надо быть немножко художником. Вещь хрупкая, громоздкая, задел экраном за дверную ручку — хана.

Посмотрев немного на голубые экраны, Похититель встал и подошёл к зеркалу, которое висело среди портретов киноактрис. Ему было приятно увидеть иногда себя в окружении красавиц всех стран и континентов. Он тогда казался себе знаменитым киноактёром и строил всевозможные гримасы — то нахмуривал брови, выпятив вперёд подбородок, то, наоборот, подбородок убирал назад, а бровями играл, как морскою волной, то вдруг шевелил подбородком справа налево, восхищаясь собственной красотой.

Оглядевши своё лицо, Похититель остался им весьма недоволен. Очень уж грубым и мрачным казалось оно. Такое лицо надо было развеселить, и Похититель подмигнул сам себе, а потом и спросил сам у себя, глядясь в зеркало:

— Куда монахов девать будешь, рожа?

— А загоню их, голубчиков, на Птичьем рынке!

— А дорого ли возьмёшь?

— Рублика по два — червончик и набежит.

— Такой симпатичный — так дорого просишь, — ласково укорял Похититель сам себя.

— Не продешеви, приятель. Нынче каждый рубль в почёте.

— Рубль-то в почёте, — разводил он далее руками. — Да голубь подешевел.

— Надобно торговать с умом.

— А на то мне и ум дан.



Тут Похититель не выдержал и рассмеялся, довольный разговором с самим собой. И все актрисы на стенках — показалось Похитителю — тоже позасмеялись. Но смеялись, в основном, зарубежные киноактрисы, наши смотрели на это дело довольно хмуро.

— Ну ладно, хватит, — сказал Похититель, обрывая неуместный в общем-то смех. — За дело.

Он решительно выключил два телевизора, пожалел было «девушек», но вырубил и их. Из письменного стола он достал толстую канцелярскую книгу, на которой было заглавие:

«Краткая опись моих преступных деяний»

Похититель раскрыл книгу на нужной странице и записал.

«Сегодня в 18 часов 34 мин. мною была обворована голубятня в доме № 7 по Зонтичному пер. Операция заняла 3 мин. 27 сек. Температура +19 градусов. Влажность воздуха 89%. В итоге похищено 5 г. из породы монахов. На месте преступления оставлена улика, железнодорожная пуговица.

Таким образом, на сегодняшний день в Москве и Московской области мною безнаказанно похищено 250 голубей. План выполнен. На этом похищения голубей прекращено, целиком переключаюсь на телевизоры».

Похититель поставил точку. Когда-нибудь, лет через десять, Похититель мечтал раскаяться, начать новую жизнь и написать книгу о своих преступных делах, и у него давно уж вошло в привычку подводить итоги дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СУББОТА

ПТИЧИЙ РЫНОК

Каждую субботу часов в шесть утра на Таганской площади появляются странные люди. Взлохмаченные, озабоченные, вываливают они из метро и бегут через площадь. Они тащат с собой перевязанные верёвками чемоданы и сундуки, корыта и канистры, из карманов у них торчат реторты, свешиваются резиновые шланги, у каждого на спине обвислый рюкзак, из которого что-то капает, просачивается, течёт.

Это едут на Птичий рынок постоянные продавцы. Годами разводят они рыб, канареек, кроликов, хомяков. В прудах на окраинах Москвы ловят мотыля и живородка, чтоб каждую субботу, каждое воскресенье быть на Птичьем. Эти люди — основа, костяк рынка, это киты, на которых стоит Птичий рынок.

А через час Таганская площадь разрезана пополам длиннейшей очередью. Автобусов не хватает. Десятки постоянных и сотни случайных покупателей рвутся на Птичий. Особенно горячатся случайные. Глаза у них широко открыты, всё — даже очередь на автобус — вызывает изумление и смех. На дворняжку, которая выглядывает из-за пазухи соседа, они смотрят как на диковину. Многие едут на Птичий в первый раз, им хочется всё увидеть, всё

купить, и если у кого-нибудь из них в кармане имеется верёвка, трудно угадать, как сложится её судьба. То ли обвяжет верёвка стовёрдный аквариум, то ли притащит домой вислоухого кобеля.

А Птичий давно уж кипит. Толпа запрудила его улицы и закоулки, рыбы сачки и голуби взлетают над толпой, вода из аквариумов льётся под ноги, кричат дети, грызутся фокстерьеры, заливается трелью десятирублёвый ке-нарь. С Таганки, с Язуы, с Крестьянской заставы слетелись на Птичий рынок воробьи, галки, вороны и сизари — единственные птицы, которых здесь не продают и не покупают, если, конечно, они не дрессированные. Но хотел бы я купить дрессированного воробья!

Чудные, неожиданные вещи можно купить на Птичьём!

Вот стоит дедок в шапке-ушанке, нос его похож на грушу, но красен, как яблоко. В руках у дедка — кулёк, в котором неслыханный фрукт — сушёный циклоп. Много лет кряду стоит дедок на своём посту, и запасы сушёного циклопа не иссякают.

А вот чернобровый, с напряжённым от долгих раздумий лицом. На груди его таблица:

ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР

Сердито глядит он на прохожих, мрачно предлагает:

— Купите мальчика.

У ног его в кошёлке копошатся щенки, которых никто не покупает.

— Кто хочет усыновить кобелька? — смягчается чернобровый.

Да что щенки — только на Птичьём можно встретить людей, которые занимаются редчайшим на земном шаре делом — продают песок. Никто никогда не мог додуматься, что песок надо продавать, а на Птичьём додумались и продают, и покупают. Но только крупный песок, зернистый, как гречневая каша, — 5 копеек стакан.

На Птичьём можно купить корабль-фрегат, целиком слепленный из морских ракушек с засохшей морскою звездой на носу, можно купить просто кусок стекла, но такого стекла, которое переливает всеми цветами радуги и похоже на бриллиант «Королева Антуанетта». Не знаю зачем и не знаю кому нужно такое стекло, да не в этом и дело. Мне, например, всё равно, что продавать, что покупать — стекло, фрегат, сушёного циклопа, — только быть на Птичьём каждую субботу и воскресенье, толкаться в толпе, свистеть в голубиных рядах, гладить собак, глядеть в горло подсадным уткам, подымать за уши кроликов, а то и вытащить из-за пазухи прозрачную колбу и крикнуть:

«Кому нужен вечный корм? Налетай!»

СТО МОНАХОВ

— На Птичьём, конечно, на Птичьём, — толковал Длинный. — Мы его там сразу накроём. А куда ему девать монахов? Понесёт на Птичий.

По Воронцовской улице мы бежали на Птичий, и навстречу нам то и дело попадались люди, которые тащили клетки с канарейками, аквариумы, садки с

голубями. Один за другим мчались мимо нас микроавтобусы, из их окошек выглядывали голубятники, собачники, птицеводы, птицеловы и любители хомяков.

На рынке уже в воротах мы влипли в толпу аквариумистов. Здесь был лязг, хруст, гвалт, давка. В прозрачных банках бились огненные барбусы, кардиналы, гурами, микроподы, сомики, скалярии и петушки. То там, то сям из толпы высовывались рыбы-телескопы с такими чудовищно выпученными глазами, какими, наверно, и стоило бы поглядеть на Луну.

— Трубочник! — кричал кто-то где-то за толпой. — Трубочник!

Самый мелкий,
самый меленький,
самый махонький,
самый мельчайший трубочник.

— Инфузория на банане! — вполголоса предлагал вполне интеллигентный человек и показывал всем банку, забитую инфузориями.

Меня стиснули двое. Один продавал улиток, а другой покупал их. Я встрял между ними, и покупатель так давил меня в спину, будто хотел просунуть сквозь неё рубль.

— Красного неона уронил! — заорал вдруг кто-то, и толпа развалилась.

Я выскочил на свободное место и чуть не упал на человека, стоящего посреди толпы на коленях.

— Стой! — крикнул он и яростно снизу посмотрел на меня. А потом быстро пополз на четвереньках и вдруг — ах, чёрт побери! — уткнулся носом в землю прямо у моего ботинка. Он накрыл губами красную с золотом рыбку, трепещущую на земле. Да ведь и нельзя хватать пальцами красного неона, только губами, только губами, чтоб не повредить нежнейших его плавников.

Мужик вскочил на ноги и выплюнул неона в изогнутую стеклянную колбу. Да, это был красный неон — редкая рыбка с притоков реки Амазонки. Три пятьдесят штука.

А в голубиных рядах и народу и голубей было полно. Голуби — носатые, хохлатые, ленточные, фильдеперсовы, палевые, жарые, чистые — трепыхались в садках, плетёнках, корзинках, вольерах, за пазухами и в руках у продавцов и покупателей. Здесь уже трудно было разобрать, кто продавец, кто покупатель, потому что не было человека без товара в руках. Десять... двадцать... пятьдесят... сто монахов хлопали крыльями, клевали коноплю, перешагивали из рук в руки.

— Здорово, Длинный! — заорал какой-то парень и под нос Длинному сунул кулак, в котором был зажат голубь. — Хочешь чёрно-чистого?

— Длинный пришёл! Монахов своих ищет!

— Моську у него украли!

— Когда?

— Вчера?

— Моську-то моего никто не видал? — спрашивал поминутно Длинный.

— Пара рубликов! Пара рубликов! — тянул меня за рукав пожилой голубятник. — Бери, пацан, не прогадаешь!

— А вот — понятые! Кому понятые? Без слов понимают. С пониманием!

У одной клетки, где сидели как раз пять монахов, Длинный остановился. Это были не те монахи, но хорошие, молодые, ладные.

— Чего уставился? — сказал Длинному хозяин, голубятник-грубиян по прозвищу Широконос.

— А чего? — сказал Длинный.

— А то, — ответил Широконос.

— Ладно, ладно, — сказал Длинный.

— Ещё бы, — добавил я.

— Гуляй, гуляй, — сказал Широконос. — Не твои монахи.

— Подумаешь. Поглядеть нельзя.

— На пуп себе погляди, — сгрубил Широконос.

— Чего? Куда погляди?

— Куда слышал!

— Нет, ты повтори!



— Иди, иди, не твои монахи!
— То-то! — сказал Длинный.
Мы отошли было в сторону, но Широконос сказал вдогонку:
— Дурак ты — и всё.
Длинный побагровел.
— Кто дурак? Я дурак? — сказал он и, прищурясь, подскочил к Широконосу.
— Моньку прошляпил — дурак. На Птичьем ищешь — опять дурак.
— Это почему же?
— Кто ж понесёт Моньку на Птичий? Здесь его каждая собака знает.
— Куда ж тогда нести?
— Сам подумай мозгами.
— Куда? — совсем растерялся Длинный. — Не пойму куда.
Широконос презрительно посмотрел на Длинного и сплюнул:
— В город Карманов.



КАРМАНОВ. ДАЛЕЕ—ВЕЗДЕ

Длинный позеленел.

Мы и раньше слышали про город Карманов, но как-то в голову не приходило, что монахи могут туда попасть. А ведь в Карманове тоже был рынок, на котором продавали всё, что угодно. Бывали там и голуби, как правило, такие, которые «прошли парикмахерскую».

Так уж получается на свете, что не только люди ходят в парикмахерскую. Голубям она бывает порой очень необходима. К примеру, есть у тебя чистый голубь, но кое-где белоснежную его чистоту нарушают досадные чёрные или рыжие перья. Значит, этот чистый не так уж чист. Что делать? В парикмахерскую его, а потом — на рынок.

Почти все голубятники — неплохие парикмахеры, но встречаются среди них замечательные мастера этого дела. В городе Карманове и жил, говорят, великий голубиный парикмахер по прозвищу Кожаный. Ему носили совсем никудышных или ворованных голубей, и он делал им такую причёску, что родной отец не мог узнать. Из чёрно-чистого слепить чистого для Кожаного было пустяком. Он мог из чистого выкроить фильдеперсового, из чиграша — шпанциря, из сороки — чайку.

— Если они в парикмахерской, — задумчиво сказал Длинный, — хана.

— Ещё бы, — согласился я.

— А ты помалкивай, — разозлился вдруг Длинный. — Тоже мне знаток. Будешь много болтать — сам отправишься в парикмахерскую. Вон какие патлы отрастил!

Мысли о парикмахерской расстроили Длинного, раньше он так грубо со мной не разговаривал.

Через полчаса мы уже были на вокзале,

Народу здесь толкалось не меньше, чем на Птичьем, и казалось, что это те же самые люди, которые только что были на рынке, только они побросали своих хомяков, схватили лопаты и ринулись к поездам.

— Где Бужаниновский? — кричал кто-то.

— А в Тарасовке остановится?

Дачники-огородники с лейками, сумками, саженцами, закутанными в мешки, толпились у разменных касс, топтались у табло, на котором прыгали металлические пластинки с названиями станций, завивались очередью в два хвоста вокруг мороженщиц.

— А в Тарасовке остановится?

— Где Бужаниновский? Где Бужаниновский? — слышалось то и дело.

— Поезд до Бужаниново! — рявкнуло наконец под стеклянными сводами вокзала. — Отправляется с третьего пути. Остановки — Карманов, далее везде.

Не успел ещё заглохнуть голос, как весь вокзал кинулся на третий путь, по-прежнему беспокоясь: «Где Бужаниновский?»

Выскочив на перрон, пассажиры надали жару, а мы с Длинным ныряли то вправо, то влево, виляли между чемоданами и узлами, стараясь первыми прыгнуть в вагон. Но это нам никак не удавалось, то встречал какой-нибудь

чудовищный чемодан, то братья-близнецы, поедающие мороженое, то седой полковник с тортом в руках. Наконец мы втиснулись в вагон, в котором не было ни капли места. Всё было занято, забито, заполнено.

— Давай сумку! Давай сумку! — кричали все чуть не хором.

— Займи мне место!

— А в Тарасовке остановится?

— Да повесь, наконец, сумку!

Вдруг послышалось шипенье, двери вагона съехались, прищемливая рукава и чемоданы, пассажиры дружно уклонились в сторону Москвы — поезд мягко тронулся.

Пробиваться в вагон мы с Длинным не стали, застряли в тамбуре. Нас прижимали то к одной стене, то к другой и, наконец, притиснули к остеклённым дверям вагона, на которых было написано:

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

На той двери, к которой прислонили меня, некоторые буквы в надписи были стёрты, и она читалась так:

НЕ СЛОН Я!

С этим, конечно, спорить бы я не стал. Такая кропотливая работа — подковыривать буквы ногтями — слону была не под силу. На другой половинке двери, к которой придавили Длинного, проделана была такая же работа, но надпись читалась по-другому:

НЕ ПРИ С ОНЯ!

Народу в тамбуре прибывало. Дверь, ведущая в соседний вагон, то и дело открывалась. Через неё, не хуже той Сони, пёрли огородники с чемоданами.

Рядом с нами вплотную стояли два человека. Один из них был высок, с рыжими усами под носом и в соломенной шляпе. На плечах его висел пиджак-букле, на ногах блестели хорошо начищенные сапоги. Второй был куда ниже ростом, молодой и немного носатенький. На носу виднелись веснушки, чуть меньше двухкопеечной монеты. Усатый держал под мышкой чёрную папку на «молнии». Веснушчатый нетерпеливо переминался с ноги на ногу, покачиваясь вместе с электричкой.

Наконец, он не выдержал и сказал:

— Когда?

Усатый недовольно огляделся и ничего не ответил.

— Это подозрительно, — шепнул Длинный.

— А где? — спросил Веснушчатый.

Усатый нахмурил усы, хотел что-то сказать, но посмотрел на Длинного и раздумал.

И только когда поезд дёрнулся, тормозя, и все пассажиры уклонились в сторону города Карманова, когда зашипели двери электрички, усатый тихо шепнул что-то в ухо Веснушчатому. Слов его никто бы не мог разобрать, но мы разобрали:

— Двенадцать тридцать. У бочки с квасом.



КАРМАНОВСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК

Пассажиры комом вывалили на перрон и кинулись к переходному мосту, который стоял над железной дорогой, как раскоряченная буква П.

Веснушчатый сразу нырнул в толпу и растворился, а шляпа Усатого долго маячила впереди. Река пассажиров швыряла её, как некую соломенную шляпку.

Вместе с толпой мы внеслись на переходной мост и увидели город Карманов: красные крыши, башни монастыря и трубу, на которой написано было — 1959, чтоб в будущем люди не мучились, размышляя, в какую эпоху возведено это достойное сооружение. Кроме башен и трубы, среди кармановских крыш больше ничего не возвышалось, скорее проваливалось, но что проваливалось, мы не успели разобрать, река пассажиров смыла нас с моста на привокзальную площадь.

Здесь река распалась на ручьи, которые закрутились у продуктовых палаток, но на другом конце площади ручьи снова слились в одно русло и ворвались в ворота монастыря, на которых было написано:

КАРМАНОВСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК

В воротах пассажиры обратились в покупателей, стиснули нас и потащили вперёд.

— Семечки! Семечки!

— Солнечны!

Тыквены!

Жарены!

Калёны!

Подсушены!

Как солдаты, в две шеренги стояли за воротами продавцы семечек. Прямо в нос покупателям совали они гранёные стаканы, между ног зажимали туго набитые мешки.

Семечками, клюквой, сушёными грибами и раками обрушился на нас Кармановский рынок и пошёл кидать от прилавка к прилавку. Как щепки, болтались мы в волнах покупателей. То прибывало нас к одному берегу, на котором навалены были кочны капусты, холмы брюквы, курганы моркови, то к другому, на котором понаставлено было деревянного товара — расписные матрёшки с пунцовыми щеками, липовые ложки и уполовники, свистульки в форме птенца. Минуты две крутило нас вокруг дяди, который раскрыл чемодан, доверху набитый деревянными яйцами. Яйца были разрисованы цветами и птицами.

Кармановская толкучка нас ошарашила. Длинный растерялся и безвольно крутился вокруг деревянных яиц. Да и то сказать: два рынка подряд кого хочешь вышибут из седла.

Впрочем, на Кармановском рынке пихались, толкались и отдавливали ноги куда сильней, чем на Птичьем. Но мы уж и не видели особой разницы.

Весь мир превратился в огромный рынок, и мы не понимали, что мы сами такое — продавцы, покупатели или просто семечки.

— Семечки! Семечки!

— Жарены!

Калёны!

Подсушены!

Наконец мы попали в струю, которая принесла нас в самый угол рынка, под башню.

Здесь пели петухи, глядели из кошёлоч гуси, мычали бычки. Прямо на земле лежали индюки, связанные, как пленные туземцы. Они раздражённо трясли сизыми бородами.

— Где индюки — тут и голуби, — оживился Длинный.

Но голубей нигде не было видно.

Какой-то парень лет десяти принёс продать кошку. Кошка была пятнистая, будто корова.

— Почём? — спросил Длинный.

— Три рубля... а вправду купишь, за рубль отдам.

— Чего ты её продаёшь-то?

— Царапается, дьявол.

Кошка сидела за пазухой спокойно, прикрыв хитрые кармановские глаза, и при народе царапаться не решалась.

— Слушай, — сказал Длинный, чуть понизив голос. — Кожаного знаешь, который голубей стрижёт?

— Голубей? На кой же их стричь?

— Да ты сам-то кармановский? Не слыхал, что у вас голубей обстригают?

— Не слыхал.

— Ну, с такими знаниями тебе кошку сроду не продать, — сказал Длинный, и мы стали проталкиваться к другой башне, у которой прямо на крыше росла берёза.

Здесь под монастырской стеной на клеёнках, на тряпках, просто на земле грудями лежали дверные ручки, скобы, подсвечники, шпингалеты, рубанки, напильники. Сидя на корточках, покупатели рылись в железном хламе, а продавцы стояли поодаль. Чуть не у каждого продавца на груди висело ржавое ожерелье, составленное из английских, амбарных, секретных, сервантных, бородатых, безбородых, а то и трехбородых ключей. Это были ключи от всех замков, какие родились на белом свете. На ключи было много покупателей, их брали десятками.

Здесь же стоял человек, который продавал ошейники. На каждую его руку, от запястья до плеча были нанизаны самые разные ошейники — мягкие кожаные, строгие железные, фигурные, составленные из латунных колец, на которые можно навешивать собачьи медали.

— На любую шею, — предлагал продавец.

Для приманки покупателей он надел себе на шею лучший, мельхиоровый, ошейник, на котором было выгравировано:

ЧЕМПИОН ПОРОДЫ

— А вот — грабли! — сказал кто-то позади нас.

Я оглянулся и вздрогнул.

Перед нами стоял гражданин Никифоров, а вокруг него, как будто из-под земли, выростал целый лес граблей.

Гражданин Никифоров стукнул об землю граблями и сказал мне прямо в глаза:

— И дед и отец мой были хлебобобами! Понял?

ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ НА НЕБОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ

Понять это было невозможно.

Казалось невероятным: откуда взялся гражданин Никифоров на Кармановском рынке? Как, где, когда вчерашние его грабли успели размножиться?!

Длинный поголубел от изумления.

В голове его, как змеи, зашевелились подозрительные мысли. Как же так, вчера бродил по нашему переулку, а сегодня вдруг в Карманове. Получается какая-то странная связь.

И гражданина Никифорова такая связь, как видно, изумила. Вчера ещё он видел нас в переулке, а сегодня вдруг — в Карманове.

Длинный и гражданин застыли, глядя друг другу в глаза.

Вдруг над головой моей пронёсся тревожный шквал, шевельнул волосы и обрушился на гражданина Никифорова. Этот шквал был не что иное, как мысли Длинного.

«Что такое? Что такое? Как же так — вчера — в переулке, а сегодня — в Карманове», — стремительно мыслил Длинный.

Шквал был отброшен встречным ураганом.

«Как же так! — думал Никифоров. — Вчера — в переулке, а сегодня — в Карманове!»

И тут над головой моей со свистом полетели самые разные мысли — мысли Длинного и гражданина Никифорова. Они скрещивались, как шпаги.

«Вчера...» — думал Длинный.

«...в переулке» — парировал Никифоров.

«А сегодня...» — думал Длинный.

«В Карманове!» — мысленно кричал Никифоров.

«Грабли! Грабли! При чём здесь грабли?»

Несколько секунд мысли Длинного топтались на граблях, но вдруг напали на новую жилу:

«Грабли — для отвода глаз! Он связан с Кожаным!»

«Слежка!» — в ту же секунду мелькнуло в голове гражданина Никифорова.

Несколько мгновений мысли Длинного и гражданина бушевали вовсю. Они вливались в мою голову, как мутные потоки в озеро.

«Грабли!» — гремело с одной стороны.

«Слежка!» — бурлило с другой.

Голова моя трещала от напора чужих мыслей. Но вот мне немного полегчало — думы противников поуспокоились.

«Ерунда, — подумал наконец Никифоров. — Откуда они знают? Я — чист, как голубь».

«Спокойно, Длинный, спокойно, — успокаивал себя Длинный. — При чём здесь Кожаный? Надо понаблюдать».

Успокоившись, гражданин Никифоров решил оформить кое-какие мысли словами.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

— А вы?

— И дед и отец мой были хлеборобами, — пояснил гражданин Никифоров. — А я грабли строю... для нужд сельского хозяйства.

— А мы так... — сказал Длинный. — Тоже для нужд... интересуемся...

— Не мною ли? — намекнул гражданин.

— Да нет, мы для нужд... насчёт парикмахерской...

— Насчёт парикмахерской ничем помочь не могу. Вам следует обратиться к Кожаному, — твёрдо сказал гражданин Никифоров. — А моя специальность — грабли.

— Гражданочка, гражданочка! — закричал он, отворачиваясь от Длинного. — Купите грабельки! Сами согребают, сами разгребают. Преполезный прибор!

— А как бы нам найти Кожаного? — спросил Длинный.

— Да вон он стоит, — сказал Никифоров, отмахиваясь. — Вон он стоит, Кожаный. В кожаном пальто.

КОЖАНЫЙ

Человек, на которого указывал Никифоров, стоял к нам спиной. В этой слегка сутулой, длинной и узкой спине чудилось что-то парикмахерское.

Над кожаными острыми плечами виднелась чёрная кожаная кепка, а снизу из-под пальто торчали блестящие хромовые брюки и ботинки, тоже, конечно, кожаные.

Длинный подошёл к кожаной спине и, робея, кашлянул.

Спина хрустнула — человек обернулся. К моему изумлению, он и спереди был затянут в кожу. Из распахнутого пальто виднелся замшевый жилет, перепоясанный сыромятным ремешком, а из-под жилета виднелась кожаная майка.

— В чём дело? — спросил Кожаный. Голос его был скрипуч и хрустящ.

— Мы насчёт парикмахерской, — начал Длинный и растерялся. — Не стригли ли вы... Мы из Москвы...

Длинный махнул рукой, хотел пояснить, но не смог. В Карманове он чувствовал себя неудобно. В Москве-то, да ещё в Зонтичном, он бы сразу взял парикмахера за кожаные бока, а тут совсем потерял лицо и мямлил:

— Не приносили ли вам стричь... бывает, что приносят... не стригли ли вы из Москвы...

— О какой стрижке идёт речь? — надменно сказал Кожаный и вынул из кармана руку в лайковой перчатке. В руке он держал небольшой портсигар, сделанный из крокодиловой кожи.

— Нам сказали, что вы обстригаете... — неуверенно пояснил Длинный.

— Я — обстригаю?! Кто сказал? Что за чушь?!

— Вон тот, с граблями.

— Да это — сумасшедший. Болтает, что дед и отец его были хлеборобами — враньё. Я ему устрою стрижку! Все грабли обломаю! Я и ножниц-то сроду в руках не держал. Вот алмаз — пожалуйста. Режет любое стекло в какую хочешь сторону.

Он вытащил из портсигара небольшой предмет, похожий то ли на молоток, то ли на гриб-опёнок с железной головой и деревянной ножкой.

— Почём? — громко сказал кто-то за моей спиной.

Я оглянулся. За нами стоял Веснушчатый нос, тот самый, что приставал в тамбуре с вопросами к Усачу в шляпе.

— Почём? — спрашивал он, наваливаясь мне на плечи и разглядывая алмаз.

— Червонец.

— Даю пятёрку, — сказал Веснушчатый нос таким тоном, будто делал продавцу одолжение.

— Пятёрку за алмаз, который режет в любую сторону!

— Пятёрка — тоже деньги, — веско сказал Веснушчатый. — Ну ладно, накину трёшку.

— Накинь ещё два рубля.

— Да скинь хоть рублишко

— Нужен алмаз — бери, не нужен — вали, — сказал Кожаный, покачал алмазом и сунул Веснушчатому под нос. Тот наклонился, оценивая алмаз глазом, и почему-то понохал его.

— Ладно, — согласился он. — На деньги — давай алмаз.

— То-то, — говорил Кожаный, пересчитывая деньги. — Три, четыре, семь, восемь... а где ещё рубль?

— Может, скинешь всё-таки? — предложил Веснушчатый, укладывая алмаз во внутренний карман.

— Я те скину! — расвирепел Кожаный, хватая покупателя за рукав и норовя добраться до внутреннего кармана. — Ребята, держи его!

Длинный подскочил к покупателю справа, нажал в бок:

— Слышь, парень, не шути!

— Ладно, ладно, успокойся, — сказал Веснушчатый, отталкивая Длинного.

Он вынул из кармана деньги, отдал продавцу и исчез в толпе. Кожаный запахнул пальто и, даже не кивнув нам на прощанье, пошёл в другую сторону.

Длинный потерянно смотрел ему вслед. Да, в Карманове Длинный был не в своей тарелке. Его тарелкой был Зонтичный, а здесь всё было по-другому, даже воздух был здесь особый, кармановский, пропахший пивом и подсолнечными семечками.

— Я, кажется, не то говорил, — сказал Длинный. — Надо было спросить про монахов.

— Ещё бы, — подтвердил я.

— А ты что ж молчал! — рассердился Длинный, схватил меня за руку и потащил к выходу. — Ищи кожаную спину!

Вслед за Длинным я бежал через рынок, крутил головой, но не замечал нигде кожаной спины. Да и вообще спин почти не было видно: рынок то глядел на нас исподлобья, то поворачивался боком, то показывал ухо, нос, золотой зуб, кудрявую чёлку, и только когда мы подбежали к выходу, вдруг повернулся спиной. Суконной и вязаной, прямой и сутулой, выпуклой и вогнутой, чёрной и коричневой оказалась спина кармановского рынка, но ничего кожаного не было видно в ней.

Зато я заметил вдруг жёлтую бочку на колёсах.

У бочки с кружкой кваса в руке стоял Веснушчатый нос, рядом — Усач в соломенной шляпе. Он тоже держал в руке кружку, из которой высывалась белая папаха пены. Сунув усы в эту папаху, Усач разглядывал алмаз-стеклорез, который держал в другой руке.

— Да вы понюхайте! — послышалось мне.

Обтерев усы рукавом, Усач приблизил алмаз к носу.

— Пахнет хлебом, — сказал он.

— Это квас пахнет хлебом, нюхайте внимательней.

— У тебя, Василий, нос как у собаки, — сказал Усач и, отхлебнув кваса, снова понюхал алмаз.

Длинный дёрнул меня за рукав.

— Давай, давай, а то спину упустим, — крикнул он, и мы проскочили в ворота, не в те, через которые входили на рынок, а в другие, с противоположной стороны.

«МОЛОКО» И «ЯБЛОЧКО»

С другой стороны Кармановского рынка тоже, оказывается, была площадь. Здесь, как видно, недавно была ярмарка. Посреди площади торчал какой-то помост, с которого зазывали покупателей. Рядом лежала на земле коричневая лужа. По углам площади стояли железные домики без окон. Из-за железных дверей на улицу доносились хлопающие звуки, как будто внутри кто-то заколачивал гвозди.

У помоста, который был чем-то похож на капитанский мостик, толкалось без дела несколько человек. Один в кепке и пиджаке с карманами всё время

лез наверх, делая вид, будто хочет произнести речь. Но приятели со смехом стаскивали его вниз.

Наконец, он взобрался всё-таки на капитанский мостик.

— Вы все очень хорошие люди, — начал он. — И я вас за это уважаю. Если б вы были плохие, я бы не уважал вас ни за что.

Охватив своим уважением присутствующих, оратор перешёл на великих людей. Оказывается, он уважал Кутузова, Суворова, адмирала Нахимова и вообще всех военных. Он и сам в детстве хотел быть генералом, но пошёл по другому пути.

— Дайте мне батальон, — говорил он. — И я разобью любого неприятеля.

Когда приятели снова стащили его вниз, он подошёл ко мне и жалобно попросил:

— Сынок, дай мне полк.

Потолкавшись у ярмарочной трибуны, мы подошли к железному сараю, над дверью которого висела вывеска:

«ЯБЛОЧКО»

Приоткрыв дверь, мы увидели деревянный барьер, у которого спиной к нам стояли несколько человек. Они держали в руках духовые винтовки.

— Тир! — огоршенно шепнул Длинный, и тут же все винтовки разом выстрелили.

— Тьфу, опять в незрелое, — раздражённо сказал один стрелок, снял шляпу и вытер ею лоб.

На задней стенке висели четыре мишени. На каждой из них было нарисовано огромное зелёное яблоко. Внутри этого незрелого яблока заключалось другое — жёлтое. В середине жёлтого было оранжевое, а в самой сердцевине багровело самое спелое яблочко, в которое и метились стрелки.

— А вам чего тут надо? — раздражённо сказал стрелок, попадающий в незрелое, оборотясь к нам. — Это тир для взрослых.

Он снова выстрелил, снял шляпу и сильно ударил ею о прилавок:

— Опять в незрелое!

— Да ты сходи за молоком! — сказал патронщик, и все стрелки ухмыльнулись.

Незрелый побагровел, бросил винтовку и выскочил на улицу. С минуту метался он по площади и скрежетал зубами. Как видно, неудачи в стрельбе сильно его огорчали. Отдышавшись, стрелок подошёл к соседнему домику, над дверью которого висела вывеска:

«МОЛОКО»

Мы нырнули за ним в приоткрытую дверь, и сразу обрушились на нас звуки заколачиваемых гвоздей. Точно такой же барьер, как в «Яблочке», перегораживал комнату, но мишени за ним висели другие — белые, будто облитые молоком. В центре каждой из них чернел кружок, размером с трехкопеечную монету. Попасть в кружок было трудно. Дырки от пуль большей частью чернели в «молоке».



Незрелый суетился у барьера, запихивал в ствол патроны и торопливо стрелял.

— Давай! Давай! — подзадоривал патронщик. — Крой! Кроши!

— Вы что это ходите за мной! — закричал вдруг стрелок, оборачиваясь к нам. — Сглазить хотите?! Не выйдет!

Он снова выстрелил и промазал. Это его потрясло. Подпрыгнув на месте, он сдёрнул с головы шляпу, бросил на пол и, как конь, растоптал её.

Мы с Длинным выскочили на улицу и, подгоняемые криками и выстрелами, побежали через площадь к третьему железному домику. Над дверью его красовалась самая большая вывеска, на которой был нарисован усатый человек в шляпе с павлиньим пером. Из усов его выливалась кривая разноцветная надпись:

«ВОЛШЕБНЫЙ СТРЕЛОК»

Отчего-то робея, мы заглянули в дверь и застыли на пороге. Перед нами в кресле сидел Кожаный и горстями высыпал на прилавок духовые патроны.

«ВОЛШЕБНЫЙ СТРЕЛОК»

— Ага! — сказал он, увидев нас. — Старые знакомые! Прощу. Любая винтовка. На выбор.

— У нас денег нет, — опять растерялся Длинный.

— Денег нет — это плохо. Без денег какая же стрельба, — нахмурился Кожаный.

За его головою, в дальнем конце тира висели мишени. Расписанные кричащими красками, освещённые лампою в сто свечей, они похожи были на огромных бабочек, которые уселись погреться на солнечной стене.

В тире не было ни души. Вот сейчас и надо было ясно и толково поговорить о монахах. Длинный вздохнул, приоткрыл рот, но тут Кожаный сказал:



— Чего вздыхаешь? Пострелять хочется?

— Ещё бы, — вздохнул и я.

— Ладно уж. По старой памяти вот вам два патрона — палите.

Кожаным перчаточным пальцем он выкатил из россыпи два патрона, и Длинный сразу схватил винтовку, стал заряжать.

Поблёскивая сизым металлом, винтовки лежали на прилавке. Приподняв одну с прикладом густо кофейного цвета, я почувствовал, какая она тяжёленькая. От неё пахло маслом и сталью.

Левой рукой я надавил на ствол. Он туго крякнул и переломился, открывши влажный от масла канал. Я вставил туда пульку, похожую на свинцовый напёрсточек, прижал к щеке блестящий приклад.

— В слона! — шепнул Длинный и тут же выстрелил.

Серый, рябой от пулевых ударов слон не шевельнулся, даже хобот его не дрогнул.

— Промазал, — недовольно сказал Кожаный.

Длинный отложил винтовку и, тяжело дыша, стал глядеть, как я целюсь.

Три железные птицы свисали передо мной с потолка. Взмахивая куцыми крылышками, они летели одна за другой. Первой летела утка, за нею — гусь и последним — лебедь с особенно тоненькой шеей. Вместо ног под каждой птицей торчал рычажок с белой кнопкой.

— Ну, давай, давай, стреляй скорее, — не выдержал Длинный.

— Куда спешить, — ответил за меня Кожаный. — Надо выбрать.

Под птицами к стене была приделана бочка с надписью «Пиво», рядом стояла мельница с красными крыльями. А в самом нижнем ряду мишеней разместился настоящий зоопарк: рябой боевой слон, тигр, подкрадывающийся к антилопе, жираф. Неведомо как и заяц затесался в эту компанию, прилетевшую в город Карманов прямо из джунглей.

— Бей в тигра! — сказал Длинный таким тоном, будто слон был у него в кармане.

Я поцелился в тигра, в жирафа и в конце концов выбрал сундучок, который притулился сбоку. Что-то таинственное было в этом сундучке. Хотелось узнать, зачем он висит, такой простенький, среди ярких мишеней.

— Ты в сундучок не целься, — сказал Кожаный. — В сундучок стреляют самые лучшие стрелки. Цель в слона.

— Да стреляй же скорее, — торопил Длинный.

Я прицелился в слона.

— Бери чуть ниже, — командовал Кожаный. — Под самую кнопку. Плавно нажимай на спуск, не дёргай.

Я подвёл мушку под самую кнопку и плавно нажал. Винтовка сухо треснула, а слон, который до сих пор крепко стоял на ногах, вдруг рухнул на колени.

— Вот это стрелок! Слона подбил! Хочешь ещё разок?

— Ещё бы, — ответил я.

— Хватит, — сказал Длинный, побледневший от огорчения. — Некогда нам стрелять. Дело есть. Надо поговорить... В тот раз я спрашивал насчёт парикмахерской, так не в ней дело...

— Что за чушь! — плюнул Кожаный. — Опять парикмахерская?!

— Да нет... не в ней дело... дело в том, что мы ищем монахов.

— Монахов?! — изумился Кожаный, привстал и, как мне показалось, побледнел.

— Монахов, — подтвердил Длинный. — Вот и хотели у вас спросить, посоветоваться, как их найти, может, вы слышали...

Кожаный заволновался. Оглянулся зачем-то на дверь и тихо спросил:

— Каких монахов?

— наших, — ответил Длинный, тоже понизив голос.

— Сколько же вам надо монахов?

— Пять, — твёрдо сказал Длинный.

Кожаный снял кожаную кепку, вытер пот, выступивший у него на лбу.

— Не много ли? — сказал он. — Может, одного хватит?

— Нам хотя бы Моню, — жалобно ответил Длинный.

— Что ж вы раньше-то молчали, — сказал Кожаный. — Надо было сразу дело говорить. Монахов я вам сейчас...

Тут он замолчал и приложил палец к губам.

Дверь дёрнулась, и в тир вошёл новый посетитель.

— Почём выстрел? — спросил он, подходя к барьеру.

Это был тот самый Веснушчатый нос, которого звали Василием.

СТРЕЛЬБА ПО-КАРМАНОВСКИ

— Пять копеек, — недовольно ответил Кожаный, делая нам знаки показывать помолчать.

— А сколько всего мишеней?

— Десять.

— Вот полтинник, — сказал Вася, выкладывая на прилавок деньги.

— Ого! — восхитился Кожаный и подмигнул нам. — Десять выстрелов! Может быть, лучше одиннадцать или двенадцать?

— Хватит десяти.

— Вот это я люблю. Ты, оказывается, настоящий стрелок.

— А вы, оказывается, не только на рынке торгуете.

— Торговля — это так, ерунда. А сердце моё здесь.

— Оно у вас тоже кожаное? — спросил Вася. Не дожидаясь ответа, он вскинул винтовку и выстрелил. Пуля ударила в кнопочку — утка железно крякнула и перевернулась.

— Отличный выстрел! — похвалил Кожаный. — А сердце у меня мягкое, отзывчивое. По правде говоря, оно золотое.

— Может, алмазное? — спросил Вася и выстрелил в гуся.

Гусь рухнул.

Кожаный нахмурился.

Вася перезарядил винтовку и сшиб лебедя. Размахивая длинной-длинной шейей, лебедь закачался, как маятник стенных часов.

Вася ударил в мельницу. Взвизгнула какая-то пружинка — и красные крылья закрутились, сливаясь в сплошное розовое колесо.

— Теперь в бочку, — шепнул Длинный, и тут же щёлкнул выстрел.

В бочке что-то загремело, и оттуда выскочил ухмыляющийся медведь с кружкой пива в лапах.

— Вот какие стрелки у нас в Карманове! — с гордостью сказал Кожаный и похлопал ладонями, изображая аплодисменты. — Ни в Тарасовке, ни в Перловке сроду не было таких стрелков.

Он встал и торжественно снял с головы кожаную кепку.

— А теперь, если не возражаете, я попробую.

Отойдя к задней стенке, он хлопнул медведя по голове, затолкал его обратно в бочку, наладил остальные мишени. Вернувшись к барьеру, быстро зарядил все пять винтовок.

— Стреляем по-кармановски! — крикнул он и выстрелил.

Утка крякнула и перевернулась.

Вторую винтовку Кожаный взял одной правой рукой, а левую руку сунул в карман, чтоб не мешала.

Выстрел — гусь рухнул.

Лебедя он сшиб одной левой, а в мельницу стрелял обеими руками, но даже не донёс винтовку до плеча. Выстрелил от живота — и крылья мельницы закрутились.

Медведя же, сидящего в бочке, Кожаный совсем обидел. Он вообще не целился в него. Даже не поднял винтовку с прилавка, просто нажал курок — и медведь выскочил из бочки со второй кружкой пива в лапах.

— Заряжай! — крикнул стрелок и похлопал сам себе кожаными ладонями.

После такой потрясающей стрельбы обстановка сразу накалилась. В тире запахло порохом. Толкая друг друга локтями, мы с Длинным кинулись заряжать винтовки, а Вася задумчиво разглядывал мишени.

Строго поджав губы, он разложил винтовки перед собой и замер. Собранный, подтянутый, он сейчас напоминал ныряльщика, который стоит на вершине скалы, собираясь прыгнуть в море.

Вот он шагнул вперёд, схватил сразу две винтовки, одну правой, другую левой рукой, вскинул к плечам и выстрелил. Два выстрела слились в один. Боевой слон рухнул на колени, а тигр подпрыгнул и уселся на шею антилопе.

Стрелок схватил две других винтовки, и тут же жираф дёрнулся и бросился бежать на месте, а заяц застучал в пионерский барабан.

— Вот это по-кармановски! — сказал Кожаный. — Теперь валяй в сундучок.

— Стреляйте вы. Я передохну.

— Заряжай, — согласился Кожаный, и пока мы с Длинным переламывали стволы, поправил мишени. Вернувшись к прилавку, он лениво стянул с

рук перчатки, одним махом сбросил кожаное пальто и внимательно оглядел нас, как бы проверяя, сумеем ли мы оценить то, что сейчас произойдёт.

— Стреляю в слона! — чётко сказал он и вдруг выстрелил в потолок. Пуля с визгом отскочила от потолка и ударила рикошетом точно в белую кнопку. Многострадальный слон рухнул на колени, а стрелок схватил другую винтовку и пальнул в сторону. Взвизгнула пуля, рикошетом ударила в кнопку, и тигр вспрыгнул на шею антилопе. Жирафу Кожаный подбил рикошетом от другой стены, а зайца обидел не меньше, чем медведя — выстрелил в пол, и всё-таки пуля попала куда надо. Пришлось зайцу молотить в барабан.

— Выстрел в сундучок! — объявил Кожаный и на этот раз тщательно выбрал винтовку. — Но, конечно, не какой-нибудь перловский выстрел или тарасовский. Стреляем по-кармановски!

Он нырнул под прилавок и достал узкую чёрную ленту.

— Завяжи-ка мне глаза, — сказал он Длинному.

— Не может быть! — ахнул Длинный.

— Завязывай, завязывай, да покрепче.

Волнуясь и восхищаясь, Длинный завязал ленту у него на затылке.

С повязкой на глазах и винтовкой в руках Кожаный был похож на пирата, играющего в жмурки. Только он не растопыривал руки, чтоб поймать какого-нибудь балбеса, он вскинул винтовку, уставил её в потолок и медленно стал опускать, направляя ствол на мишени. Вначале он нацелился в утку, перекочевал на гуся, миновал лебедя, задержался немного на слоне, и слон даже задрожал, собираясь падать, но ствол поплыл дальше, ощупал тигра и вдруг отскочил в сторону, упёрся в сундучок и заплясал на месте, выскивая кнопку размером с рисовое зерно.

Сухо щёлкнул выстрел, и первое мгновение я не понял: попал Кожаный или нет. Но вот в сундучке что-то звякнуло — и в тире раздалась нежная хрустальная мелодия:

«Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...»

Тихо-тихо играл музыкальный сундучок. Казалось, в нём сидят кармановские гномики и трясут золотыми колокольчиками.

— Да, — вздохнул Вася, когда сундучок затих. — Трудно с вами тягаться. Ладно, сейчас я не буду стрелять. Последний выстрел за мной.

— Как так? Это не по-кармановски!

— Почему не по-кармановски? Выстрел останется за мной!

— Проиграл! Проиграл! — закричал Кожаный. — Сдался!

— Ах, проиграл? — вспыхнул Вася. — Ладно, отойдите в сторону. Отойдите, отойдите, подальше отойдите, а то как бы рикошета не получилось.

Вася выбрал винтовку, несколько раз вскинул её к плечу.

— Ваш сундучок играет только одну мелодию?

— Сколько ж тебе надо? Хватит и «Пастушка».

— И больше он ничего не играет? — спросил Вася, убирая одну руку в карман, а другой вскидывая винтовку.

— Больше ничего.

— Ну так послушаем! — сказал Вася и выстрелил.

Пуля ударила в сундучок, в нём что-тобрякнуло, и в тот же миг послышалась мелодия. И правда, это была совсем другая мелодия, да и гномтики заиграли бодрей, веселее:

«Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...»

— Что такое? — ошеломлённо прислушивался Кожаный. — «Я люблю тебя, жизнь»?

— «И надеюсь, что это взаимно», — ответил Вася и вышел из тира, твёрдо хлопнув дверью.

— Что ж такое? — повторял Кожаный, присаживаясь на корточки перед сундучком. — Какая жизнь? Откуда?

Он нажал на кнопку, и сундучок сразу заиграл «Пастушка».

— Ничего не пойму. Откуда взялась эта жизнь? Да и вообще, что это за парень? Я его раньше в Карманове не видал.

Кожаный задумался, прошёлся по тиму взад-вперёд и наконец вспомнил о нас.

— Так, значит, вам монахов надо?

— Ага, — кивнул Длинный.

— Тогда пошли.

— Куда?

— Сюда, — ответил Кожаный и поманил нас за прилавок. Наступая на пули, там и сям валяющиеся на полу, мы подошли к стене, на которой висели мишени. Кожаный стукнул в стену кулаком — и в ней открылась дверца.

— Заходите, — сказал он. — Только поскорее.

В узенькой тёмной комнате, которая оказалась за дверью, вокруг стола, освещённого оплывшею свечкой, сидели пять монахов и играли в лото.

ПЯТЬ ИГРАЮЩИХ МОНАХОВ

В чёрных ниспадающих к полу одеждах монахи сидели вокруг стола, и табачный дым волнами ходил над ними.

В сизых волнах пламя свечи колебалось, как парус, и, как вулкан, вздымалась со стола трехлитровая банка, наполненная пивом.

Монахи, все до единого, были в чёрных изломанных шляпах. Из-под первой шляпы высывалась курчавейшая борода, которая давно не шупала ножниц, под второй наподобие банана висел ноздреватый нос. А под остальными шляпами не было видно вообще никакого лица, там царил чёрная пустота, и прямо из пустоты торчали курительные трубки.

На столе там-сям были рассыпаны монеты и клетчатые таблицы. Ноздреватый потрясывал голубым мешочком.

— Семьдесят семь, — сказал он, достав из мешка лотошный бочонок.



— Бандитизм, — откликнулся кто-то из пустолицых, и все монахи стали хватать монеты и закрывать ими клетки, в которых была цифра 77.

— Восемьдесят девять, — сказал ноздреватый.

— Кража со взломом, — пояснил от двери Кожаный, и монахи разом обернулись к нам.

— Статья восемьдесят девятая Уголовного кодекса, — продолжал Кожаный. — Карает за кражу со взломом сроком от двух до пятнадцати лет.

Монахи молча разглядывали нас. Один из них — курчавая борода — встал с места, подошёл поближе и сказал густым и приятным бархатным голосом:

— Это что за рожи?

— Да вот, — ответил Кожаный, указывая на нас. — Монахов они ищут.

— Ты что? — спросил бородач и постучал себя пальцем по шляпе. — Все мозги в тире отдолбил?

— Нахожусь в полном здравии, — обиделся Кожаный, и весь его гардероб заскрипел от возмущения.

— Только и знаешь медведя из бочки вышибать, — недовольно продолжал бородач. — А дело не справляешь.

— Я дело знаю! Справляю как надо!

— А этих зачем сюда притащил? Чего им надо?

— Да что ты орёшь! Сам спроси, чего им надо.

— Так вам чего надо, сверчки? — грозно сказал бородач.
— Монахов, — шепнул Длинный. В голосе его слышалась сильнейшая дрожь.
— Каких монахов?
— Наших.
— А сколько же вам надо монахов?
— Пять.
— Пять???! — повторил бородач чуть ошеломлённо. — Не много ли? Может, одного хватит?
— Нам хотя бы Моню, — жалобно ответил Длинный.
— Вот видишь, — сказал Кожаный. — Всё сходится, а ты орёшь.
— Всё сходится, — сказал бородач и принялся изумлённо и яростно чесать свою бороду. — Ну что ж, вот они, пять монахов. Все перед вами.
— Где? — не понял Длинный и даже присел, чтоб заглянуть под стол, нет ли там садка с голубями.
— Да вот они, — пояснил бородач. — В лото играют. А Моня — это я.
— Чего?
— Я и есть Моня, — с некоторой гордостью подтвердил бородач. — Выкладывай, что у тебя.
— У меня? — сказал Длинный совершенно раздавленным голосом. — У меня — ничего.
— Как ничего? Зачем же тогда пришёл? Кто вас послал?!— Широконос... Широконос... с Птичьего. Ищите, говорит, в Карманове. Если украли, значит — там. Мы и поехали монахов искать.
— Врёшь, червяк, божья коровка! — взревел Моня. — Вот они монахи, перед вами.
— Да это не те монахи! — закричал Длинный. — Нам голубей надо! У нас голубей украли, мы и поехали Кожаного искать. Который голубей стрижёт.
— Я раньше и правда маленько подстригал, — сказал Кожаный, почёсывая затылок.
— Кого ты подстригал? Ты зачем эту моль привёл?! Продался?
— Да откуда я знаю, каких им монахов надо? Спрашивают — отвечаю.
— Ну и дела, — сказал кто-то из пустолицых. — Это похоже на тот случай, когда Манька бодала бешеного быка.
— Ну, землеройки, — сказал Моня. — Выметайтесь отсюда и чтоб духу вашего в Карманове не было!
— Никуда они не уйдут, — злобно сказал ноздреватый. — Это — подкидыши. От капитана Болдырева.
— Да не подкидыши мы! — закричал Длинный. — У нас монахов-голубей украли!
— Подкидыши от капитана, — твердил ноздреватый.
— Ну, смотрите, — сказал Моня. — Если вправду подкидыши — под землёй найду.

Ударом ноги он распахнул дверь, протащил нас через весь тир и вытолкнул на улицу.

Длинный споткнулся, упал, но тут же вскочил на ноги и дунул через площадь к вокзалу. В одну секунду он развил такую скорость, что на поворотах его заносило и разворачивало, как грузовик на льду. Сады, палисадники мелькали по сторонам, а мы бежали быстрее, быстрее и были совсем недалеко от вокзала, как вдруг из какой-то подворотни высунулась огромная рука, пролетела за нами вдогонку и сразу сгребла в охапку и меня, и Длинного.

— Стой! — сказала рука и втащила нас в подворотню.

КОМНАТА ЦВЕТА КАКАО

Рука крепко держала нас и не думала отпускать. Напротив, к правой руке добавилась вторая, не менее суровая и властная. Не стовариваясь, руки поделили нас. Одна держала теперь Длинного, другая — меня.

Где-то высоко над руками светились огромнейшие рыжие усы. Они шевелились, как щупальца осьминога.

Такие усы забыть было невозможно. Совсем недавно они пили квас и нюхали стеклорез, а теперь в тёмной подворотне они подрагивали, как лучи прожекторов, и отражённым блеском мерцала над ними соломенная шляпа.

— Те или не те? — послышалось из-под шляпы.

— Те, — ответил знакомый голос.

Рядом с Усачом в подворотне стоял волшебный стрелок Вася.

— За что? — заныл Длинный. — Отпусти!

— Молчать — не двигаться! — приказали усы, а руки тут же нарушили приказ, подтолкнули вперёд. — Проходите.

— Куда ещё?

— В отделение, — ответил Усач, решительно выставил нас на улицу и повёл, крепко держа за руки. Волшебный стрелок пошёл впереди, как бы показывая дорогу. Он взбежал на узорное коричневое крыльцо, распахнул дверь, и мы оказались в комнате, в которой за деревянным барьером дремал милиционер.

— Здравия желаю! — вскричал он, просыпаясь.

— Пойди, Фрезер, пообедай, — ответил на это Усач и через дверь, обитую шоколадной клеёнкой, повёл нас в кабинет, оклеенный обоями цвета какао.

Там, за столом, сидел человек в сером костюме и чистил револьвер.

Он чистил его тщательно и грозно. Неприятная слабость охватила меня, я слышал, как вздрагивает Длинный.

Усач поставил нас посреди комнаты, а волшебный стрелок отошёл к окну, будто боялся, что мы в него выскочим. Но выскочить мы уже никуда не могли. Подавленные, неслись мы по течению, захлёбывались в кармановских водоворотах и не знали, что сделают с нами эти пенные струи: то ли вынесут на тихий берег, то ли расшибуют о подводный камень.



Человек в сером поднял револьвер и прицелился в несгораемый шкаф.

Шкаф дрогнул.

Длинный зажмурился.

«Сейчас саданёт», — подумал я.

— Ну что нового, товарищ старшина? — спросил серый костюм, убирая огнестрельное оружие в тот же самый шкаф.

— Кое-что есть, товарищ капитан, — ответил Усач.

— А что именно?

Стрелок Вася порылся в кармане и выложил на стол алмаз-стеклорез.

— Ничего нового не вижу, — сказал капитан.

— Да вы его понюхайте, товарищ капитан, — подсказал Вася.

Спокойный до этого капитан вдруг дёрнулся и стукнул кулаком по столу:

— Ты что! Опять за своё! Хватит, надоело! Нюхаем, нюхаем, а толку чуть. Что ещё?

— Вот эти, — ответил Усач и подтолкнул нас к столу.

Наконец-то капитан глянул на нас, и сразу глаза его про сверлили в моей груди несколько небольших отверстий, через которые и проникли в душу. Я почувствовал, что превращаюсь в решето.

— И этих тоже нюхать? — грозно спросил капитан.

— Как видно, придётся, — ответил старшина, наклонился над нами, и усы его мягко распахнулись в стороны.

— Куда это вы бежали?

— Ну, на станцию, — сразу заныл Длинный.

— Без «ну»! Попрошу без «ну»! Ты эти свои «ну» брось! Откуда бежали?

— Из тира.

— А что вы там делали?

— Монахов искали, — ответил Длинный, и тут же усы старшины взвились в небо, вздрогнул и капитан, а Вася усмехнулся с таким видом, будто именно этого он и ожидал.



— Монахов? — повторил старшина, и усы его сложились в каверзную букву «Х». — А каких-таких вам надо монахов?

— Голубей.

— Как так голубей? Каких ещё голубей?

— Стоп, — прервал капитан. — Ничего не пойму. Старшина Тараканов, доложите обстановку. Только покороче.

Старшина насупился. Усы его приняли строгое выражение, параллельное полу.

— Сегодня с утра, — сказал он, — мы продолжали розыск по делу, которое получило кодовое название «Мешок». В одиннадцать ноль-ноль наш человек — Василий Куролесов — заметил Подозрительного, который был одет в кожаное пальто, кожаную кепку, кожаные брюки, кожаные перчатки и кожаные ботинки. Как выяснилось, Подозрительный заведует тиром и скрывается под кличкой Кожаный. Подозрительный продавал стеклорез. Рядом находились малолетние подозреваемые, помогавшие сбывать стеклорез. Было решено преследовать подозрительных, и наш человек проследовал в тир, где и обнаружил всех троих подозреваемых. Через некоторое время малолетние подозреваемые вышли из тира и бросились бежать, очевидно, получив преступное задание. Тогда совместно с Василием Куролесовым они были задержаны и доставлены в отделение.

Старшина Тараканов окончил речь, и усы его издали звук, похожий на аплодисменты.

— Так, — сказал капитан. — Ну, а вы что скажете, малолетние подозреваемые? Что вы делали на рынке?

— Голубей искали, — ответил Длинный. — А если вам монахов надо — бегите скорей, пока они в лото играют.

— Что такое? — нахмурился капитан. — Кто играет в лото?

— Монахи, пять человек. Сидят в задней комнате и в лото играют.

Капитан поглядел на меня.

— И ты видел монахов?

— Ещё бы, — ответил я.

— Что-что?

— Ещё бы, — повторил я, прокашлявшись. Кажется, у меня был шанс разболтаться.



— Ты эти «ещё бы» брось. Говори толком.

Мне стало душно. Во дворе или на улице мне хватало словарного запаса, а в милиции надо было его, кажется, расширять.

— Что ж говорить, — помог Длинный. — Пять монахов сидят и в лото играют.

— Стоп, — прервал его капитан. — Пусть он расскажет.

Я вспотел. Мне в голову не приходило, с чего начать рассказ, не хватало ни слов, ни красок. Ну в письменном виде я бы кое-как изложил дело, а устно, при народе, не было сил. Я и в школе-то всегда страдал, и учителя мучились со мною.

— Ты будешь рассказывать или нет? — сказал капитан. — Или язык присох? Как звать?

— Юрка, — ответил я.

— А тебя?

— Длинный, — сказал Длинный.

— Ну ладно, рассказывай ты, Длинный, а с Юркой мы ещё поговорим.

— Голубей у нас украли, вот мы и приехали в Карманов.

— Где украли? Когда? — спросил капитан и достал записную книжку.

Пока Длинный рассказывал, он что-то отмечал в ней карандашиком. Вася Куролесов достал записную книжку, точно такую же, как у капитана, но карандашик был у него покороче.

Старшина Тараканов записной книжки не достал, зато усы его ни секунды не болтались без дела. Они то печально обвисали, словно ветви плакучей ивы, то вдруг топорщились иглами дикобраза, а уже через секунду обращались в веер и ласково обмахивали собственный подбородок. К концу рассказа в них вспыхнули красные и голубые искры, и мне показалось, что это не усы, а хвост райской птицы торчит из-под милицейского носа. В общем, усы строили такие гримасы, что капитан решил призвать их к порядку.

— Прекратите это, — строго сказал капитан. — Мешаете слушать.

Старшина покраснел.

— Прошу подробней описать монахов.

— Темно было. А они все в шляпах.

— Что ж, из-под шляп ничего не торчало?

— У одного борода торчала, у другого — нос. А у остальных ничего не торчало.

— Всё сходится, — сказал капитан. — У остальных и торчать-то нечему. А борода — это бандит по кличке Мона. С носом — старый вор Сопеля. Остальные — мелкая сошка: Барабан, Цыпочка и Жёрнов.

Капитан снял телефонную трубку, пару раз крутанул диск и ясно сказал:

— Оцепить сектор двести восемнадцать!

ОПЕРАЦИЯ

День между тем клонился к вечеру, такой же ясный, весенний день, какой был и вчера. Из кармановских садов и палисадников пахло черёмухой.

Рынок опустел. Последние самые стойкие продавцы покидали его. На площади, по углам которой стояли железные домики, не было ни души. Капитанский мостик печально торчал посредине и наводил на грустные размышления, потому что мостик без капитана — это всё равно что скворечня без скворца.

Мы лежали в лопухах неподалёку от той самой подворотни, куда втаскивала нас рука старшины Тараканова, разглядывали трибуну и тир «Волшебный стрелок». Редкозубый заборчик отделял нас от площади. Рядом, под кустом смородины, лежал Василий Куролесов. У него была сложная задача: с одной стороны, он наблюдал за тиром, с другой, присматривал за нами. Капитан Болдырев хотел было отпустить нас, но старшина не согласился.

— Надо ещё проверить, — сказал он, — может, они соврали про монахов. Надо доверять, но проверять.

— Дядя Вась, — сказал потихоньку Длинный, — а кто они такие, монахи-то эти?

— Бандиты. Из банды «Чёрные монахи». Они недавно алмазы украли.

— Где?

— В Карманове.

— Сколько же они украли?

— Мешок.

Куролесов достал из кармана часы-луковицу, щёлкнул крышкой, и в лопухах раздалась мелодия:

«Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...»

Мы переглянулись. Я сразу вспомнил последний выстрел покармановски.

— Поняли теперь? — улыбнулся Вася.

— Ещё бы, — ответил я.

— Что это с ним? — спросил Вася.

— А что? — не понял Длинный,

— Талдычит одно и то же: ещё бы да ещё бы. Слова человеческого сказать не может.

— Разве? — сказал Длинный. — Я не замечал. Он вообще-то разговаривает. Это он так, стесняется. Верно, Юрка?

— Ещё бы, — буркнул я. Не слишком-то нравилось мне, когда про меня много болтали.

Вася приложил палец к губам и прислушался. Где-то неподалёку заблеяла коза.

— Тсссс... Операция началась.



Мы прикинули к щелям между штакетов, но начала операции пока не увидели. У тира никого не было, и я подумал, что, наверно, в том и смысл операции, что на площади ни души.

Вдруг из ворот рынка вышли три человека.

Двое были в чёрных костюмах и белых рубашках с ослепительными воротничками. Третий, в сером, шагал чуть впереди. Это был капитан Болдырев.

Мягкой, пружинистой, но в то же время смелой и решительной походкой они направились к тире «Волшебный стрелок».

Дружно перепрыгнули лужу, взлетев над нею, как ласточки.

Капитан взбежал на крыльцо и решительно стукнул в дверь.

Дверь приоткрылась.





Капитан сунул руку в щель, и вдруг, как репу, выдернул на улицу Кожаного. Треща пальто, Кожаный полетел по ступенькам прямо в лапы чёрному костюму. Тот стремительно прохлопал карманы и перебросил напарнику, который ласково обнял Кожаного и кинул на середину площади. Расставив крылья, Кожаный, как планёр, пролетел над лужей, приземлился у капитанского мостика, и тут же из-под него высунулась огромная рука, схватила Кожаного за шиворот и втащила под мостик.

Капитан сдул с рукава пылинку.

— Фууу, — вздохнул Вася и вытер пот со лба.

Капитан вошёл в тир. Следом — оба в чёрном. Дверь закрылась, и на ней неведомо откуда появилась табличка:

«УЕХАЛ НА БАЗУ»

Прошла минута.



«Волшебный стрелок» спокойно стоял на месте. По его внешнему виду никак нельзя было догадаться, что внутри происходят какие-то события.

Прошла ещё минута. И вдруг — тир вздрогнул. Так всем телом вздрагивает корова, которую укусил слепень.

Вздрогнув, тир на секунду затих, но тут же начал мелко трястись, как будто бы точно под ним началось землетрясение. С железных крыш и стен посыпалась ржавчина. Одна стена внезапно стала надуваться, распухать наподобие флюса, крыша вытянулась кверху, по ней побежали железные пузыри. Вдруг крыша опала, стены втянулись внутрь и, пришибленный, тир похудел на глазах и потихоньку-полегоньку пополз в сторону. Отполз на несколько шагов, но тут прыгнул назад на старое место. Дверь со стоном отворилась.

«Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...» —

послышалось издали, и под звуки «Пастушка» на крыльцо вышел чёрный костюм. В руке он держал синий наган.

— Выходи по одному! — приказал он.

В двери появился Мonha-бородач. Глянул на заходящее солнце, опустил голову. На свету ничего грозного не оказалось в нём, и, кроме бороды, в лице не было видно ничего замечательного, разве только щёки, широкие, как дверцы шкафа. Такое лицо хотелось назвать «небритою будкой».

За Моней вышел Сопеля, а за ним снова чёрный костюм. У этого в руке был наган, крупный, как птица грач.

Гуськом, запинаясь за порог, вышли на свет Барабан, Цыпочка и Жёрнов. Замыкал шествие капитан Болдырев. Его неожиданный серый костюм радовал глаз. Так уж получилось, что все, кроме капитана, были одеты в чёрное. Но тусклы и заляпаны сальными пятнами были плащи и шляпы «монахов», а хорошо сшитые костюмы милиции были отличного глубокого бархатного цвета. Кажется, костюмы эти были сшиты из трико «Метро».

Процессия, в которой было что-то похоронное, потянулась через площадь. Опустив глаза, заложив руки за спину, шагали «монахи». Только Мonha ещё поглядывал по сторонам.

И в этот момент появилась лошадь.

ОШИБКА СТАРШИНЫ ТАРАКАНОВА

Впрочем, появляться она начала давно.

Как только Мonha вышел на крыльцо, из ворот рынка высунулась лошадиная морда, а когда в двери возник капитан Болдырев, стал виден и лошадиный хвост, а за ним — телега, на которой стояли пять молочных бидонов. Шестым на телеге был возчик-молоковоз, схожий с бидоном, в кепке и телогрейке. По лицу его было видно, что он времени даром на рынке не терял. Пока молоко из бидонов переливалось в кувшины покупателей, сам он наливался квасом.

Еле приоткрыв глаза, он лениво подёргивал вожжи и чмокал губами. Лошадь на чмоканье не обращала особого внимания и неторопливо двигалась к «Волшебному стрелку». А навстречу — процессия, возглавляемая человеком в чёрном.

Заприметив процессию, лошадь остановилась. С глубоким подозрением оглядывала она приближающихся людей. Лошадь, очевидно, была умна.

— Чмок, чмок, — сказал молоковоз. Он и не пытался полностью раскрыть глаза и оглядеть препятствие на пути.

— Давай, давай, проезжай скорее, — послышался строгий голос.

— Чего ещё? Куда? Тебя не спросил! — грубо ответил молоковоз, открыл глаза пошире, надеясь похамить, и тут увидел человека с наганом в руке. Это зрелище настолько потрясло возчика, что лицо его немедленно окрасилось в тона простокваши.

— Проезжай, — повторил человек в чёрном, наганом указывая направление пути.

Но молоковоз никак не мог сообразить, что же это такое, как же так — наганом ему указывают. В голове его для нагана не осталось места, всё было занято квасом.

Зато у Мони в голове места было достаточно.

— Сопеля! За мной! — крикнул он, прыгнул в телегу и вырвал вожжи из рук молоковоза.

Сопеля кинулся за ним, сшибая бидоны.

Двое в чёрном разом вскинули наганы и нажали курки.

Гром выстрелов должен был немедленно потрясти площадь, но капитан крикнул:

— Не стрелять!

Тотчас пули, которые уж вылетели было из раскалённых стволов, юркнули обратно и затаились в гильзах. Наганы нервно икнули, как братья-близнецы.

— Нооо!!! Холерааа!!! — рявкнул Мона и так дёрнул вожжи, что лошадь прыгнула, махом влетела в лужу, подняв из-под колёс волну, которая и скрыла от нас происходящее. Когда же волна рухнула обратно, лошадь была у ярмарочной трибуны. Так уж получилось, что трибуну никто сегодня не мог обойти. Но ведь и стояла она очень удачно, место для неё выбрали с тонким расчётом.

Как только телега сравнялась с нею — из-под трибуны вылетели сразу две руки. Одна схватила Сопелю, а вторая должна была схватить, конечно, Монию. Должна была, но не схватила. Вместо Мони схватила она одереvenелого молоковоза и вслед за Сопелей втащила под трибуну.

— Но! Холера! — рявкнул Мона-бородач.

Прыгая, как заяц-великан, лошадь неожиданно быстро ускакала в переулочек.

— Доставить задержанных, — негромко приказал капитан и перепрыгнул лужу. Тут же из-под трибуны вылетела грозная рука и лихо взяла «под козырёк».

— Лошадь надо было остановить, — недовольно сказал капитан.

Рука покраснела от стыда и спряталась, а вместо неё из-под трибуны сам собою выкатился мотоцикл.

Капитан сел в коляску.

А за рулём никого не было, и я уж подумал, что в этот день, полный неожиданностей, мотоцикл без водителя рванёт за Монею. Но тут на площади появился новый человек. В три прыжка подлетел он к капитану, шепнул ему что-то на ухо, и тот махнул рукой. Человек обернулся в нашу сторону. Это был Вася Куролесов.

— Эгей! Голубятники! — крикнул он. — Валяйте домой!

Он прыгнул в седло — и мотоцикл ринулся в погоню.

ВЗГЛЯД С КАПИТАНСКОГО МОСТИКА

Внезапный отъезд Куролесова произвёл на нас сильное впечатление.

— Как же так? — шептал Длинный. — Только что лежал в смородине и вдруг...

Длинный напряжённо глядел под смородиновый куст, под которым даже трава не была примята. У травы был такой вид, будто по ней никогда не ступала нога человека. Кармановская милиция умела, оказывается, не оставлять следов.

Тем временем из переулка на площадь въехал крытый автофургон с маленькими окнами, закрытыми решёткой. На стене фургона была нарисована сигарета толщиной с коровью ногу, а над нею надпись:

«КУРИТЬ В ПОСТЕЛИ ОПАСНО».

Задняя дверь фургона открылась, из неё выпрыгнули два милиционера. Барабан, Цыпочка и Жёрнов, толкаясь плечами, забрались в фургон, из-под трибуны вышли Сопеля и Кожаный. Они, кажется, не собирались устраивать побег и неторопливо поднялись по стальной лесенке в кузов. Зато возчик-молоковоз устроил бунт. Он никак не хотел садиться в машину, брыкался, цеплялся ногами за трибуну.

— За что? — кричал он изворачиваясь. — Меня-то за что? Я ведь ничего такого не сделал. Пусти! Мне надо бидоны сдавать!

— Проходи, проходи, — торопил Тараканов, подсаживая возчика в автомобиль. — Там разберётся.

— Где это там? Ведь я же ничего такого не сделал! Мне надо за тару отчитываться!

С трудом удалось водворить его в машину. Старшина запер дверь на железный засов и, объезжая кармановскую лужу, фургон двинулся к милиции. Возчик сразу же прилип изнутри к решётчатому окну. Большими неожиданно глазами глядел он на мир.

— Мне надо бидоны сдавать! — кричал он.

— Чего раскричался, — сказал Длинный, поднимаясь наконец из лопухов. — Отпустят его. Нас отпустили — и его отпустят. Какой нервный, толь-

ко попал в милицию — сразу орёт. Съедят его там, что ли? Нет, в милиции тоже надо держаться с достоинством. Верно ведь?

— Ещё бы, — ответил я.

— То-то, — сказал Длинный с некоторой гордостью, считая, что уж сам-то он держался с достоинством.

— Ты вообще тоже неплохо держался, — снисходительно добавил он и похлопал меня по спине.

В милиции я, может, и правда держался как надо, но сейчас чувствовал беспокойство. Моня-то сбежал. Из Карманова, на мой взгляд, надо было скорее уезжать. Хоть и не были мы подосланы, но ведь это мы сказали капитану, кто играет в лото. Я-то особо не болтал, кроме «ещё бы», слова не сказал, но и в этом «ещё бы» был некоторый смысл. Капитан спросил: «И ты видел монахов?» — «Ещё бы», — ответил я.

— Да не волнуйся ты, — сказал Длинный. — Догонят они его. Они же на мотоцикле. Сейчас поедem домой. Только слазим на капитанский мостик. А то чепуха получается — были в Карманове, а на мостик не залезли.

И мы полезли наверх.

Ступеньки заскрипели у нас под ногами, запели на разные лады.

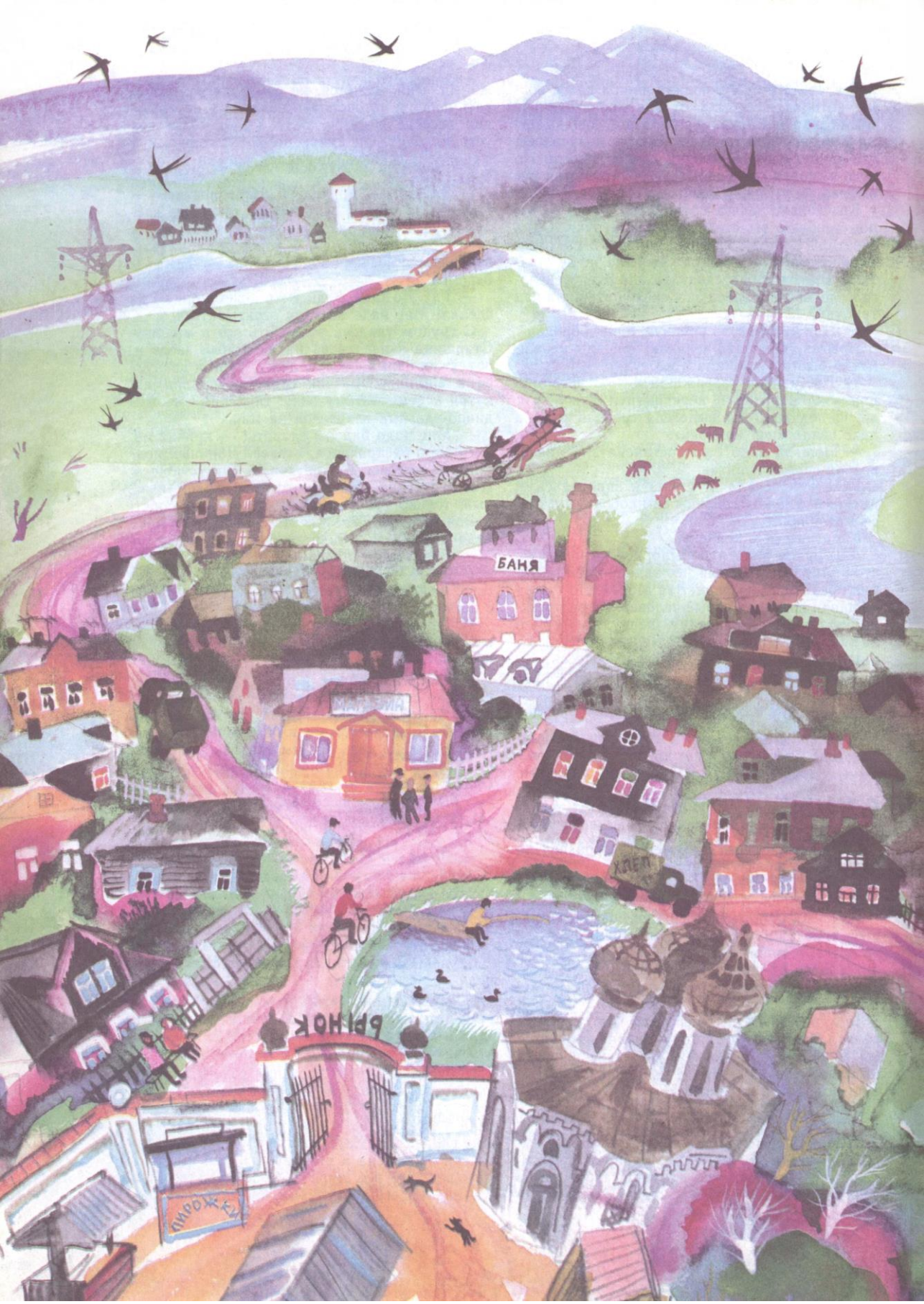
Снизу, с земли, мостик не казался таким уж высоким, но когда мы забрались на самый верх и встали на капитанское место, я понял, что никогда так высоко не поднимался.

Прохладный ветер прояснял голову, мостик скрипел, покачивался, и я сразу почувствовал себя капитаном. Лужа, лежащая внизу, вносила в это чувство особую морскую струю. Но я не глядел на лужу, слишком мелка, незначительна была она и становилась всё меньше, меньше, зато всё шире развирался город Карманов с его переулками, красными и серыми крышами, рынком, вокзалом, башнями бывшего монастыря.

А ведь Карманов был, оказывается, красивый город. Во всех садах его цвела черёмуха, по кривым переулкам ездили дети на велосипедах, на лавочках у ворот и калиток сидели старушки, лаяли собаки, серые козы бродили на пустырях. В лучах заходящего солнца Карманов казался тихим спокойным городом, в котором хотелось жить.

Ветер задул сильнее, и капитанский мостик поплыл, качаясь по волнам, над городом Кармановом, который стал отчего-то уменьшаться, но всё шире открывался горизонт. Я увидел за городом озимые поля, речку Кармашку с вековыми ивами, склонившимися над водой, синие далёкие леса, а сразу за лесами близко, совсем близко, казалось, Москва, будто из-под земли выросла Останкинская телебашня и высотное здание у Красных ворот.

Оказывается, с кармановского капитанского мостика видно было очень далеко, и чем дальше стоял на нём человек, тем дальше, тем шире видел он. Скоро видели мы не только Москву, а совсем уж далёкие южные степи и горы, которые синели над ними. Ясно была видна двуглавая снежная вершина — Эльбрус.



— Смотри-ка, смотри! — закричал вдруг Длинный и больно схватил меня за локоть. — Сюда смотри, ближе, ближе.

Я перевёл взгляд с Эльбруса на чернозёмные степи, миновал Москву, а Длинный тянул меня ещё ближе. Я вплотную приблизился к городу Карманову и вдруг ясно увидел внизу, под нами, сразу за городом, зелёное озимое поле, которое точно посередине разрезала просёлочная дорога.

По дороге мчалась лошадь, запряжённая в телегу, а за нею с коляской мотоцикл.

ПОГОНЯ

Мотоцикл ревел.

Отсюда, с мостика, слышен был этот рёв, перекрывающий мирные кармановские звуки.

— Наддай! Наддай! — кричал из коляски капитан.

Вася надавал. Выкручивал рукоятку газа, изо всех сил прижимался к баку с бензином.

— Вот-вот! — волновался Длинный. — Сейчас накроют.

Но накрыть Моню Вася и капитан никак не могли, хоть и мчались изо всех сил. В этом было что-то загадочное, ведь телега с Монею на борту была недалеко, от силы метров тридцать.

— Да что такое? — горячился Длинный переживая. — Что он, заколдованный, что ли?

Но Моня, конечно, не был заколдован. Заколдована была дорога. Много лет подряд колдовали над нею бульдозеры и коровьи стада. Они-то наколдовали столько колдобин, что превратили дорогу во что-то, не похожее ни на что. Только сбоку, в профиль, имела она сходство с гребнем гребенчатого тритона. Но если гребенчатый тритон сам живёт в воде, то здесь вода находилась в колдобинах, куда ранней весной и приползали нереститься гребенчатые тритоны из кармановского пруда. В иных колдобинах водились и караси.

Мотоцикл, вгрызаясь в дорогу, порой скрывался из глаз, а вместо него бил фонтан, будто на этом месте открылась нефтяная скважина.

Лошадь была умней мотоцикла, даже и милицейского. Она знала колдобины наизусть, чувствовала, куда надо шагнуть. Впрочем, телега иногда подскакивала на всех четырех колёсах, а то и плавала, подобно барже.

— Поберегись! — крикнул Моня и метнул бидон. С реактивным свистом бидон пролетел над головой капитана,

— Наддай же! Наддай! — просил капитан, но Вася и так работал на предельных оборотах.

Надо было что-то придумать, и капитан рискнул. На полном ходу отвинтил он коляску, прыгнул на заднее седло.

Мотоцикл сразу рванулся вперёд. Расстояние между ним и телегой медленно сокращалось.

— Давай! — орал с трибуны Длинный.

— Береги бензобак! — крикнул Мونها и снова метнул бидон, за ним — другой.

Когда все бидоны вылетели за борт, расстояние между лошадьёю и мотоциклом снова стало увеличиваться.

Увидев такое дело, Мونها развеселился. Он оглядывался, улыбаясь, показывал фигу, приветственно подымал шляпу и прощально ею махал. Борода его развевалась на ветру, как пиратский флаг.

Капитан достал пистолет.

Левой рукой он покрепче обнял Васю Куролесова, а правой стал целиться. Но мотоцикл так кидало в стороны, что выстрел грозил самоубийством.

На полном скаку мотоцикл ворвался в особенно коварную колдобину, и капитан Болдырев вылетел из седла.

Он висел в воздухе, держась рукой за Васину шею, а мотоцикл по-прежнему мчался вперёд. Волей-неволей капитан вынимал Васю из седла.

Дело могло плохо кончиться. Оба они могли сию же секунду оказаться в грязи, а это грозило плохими последствиями. Это грозило тем, что Вася и капитан отстанут от Мони раз и навсегда.

Надо было немедленно что-то решать, и капитан принял решение Он отпустил руку. Вася остался в седле, а сам капитан пролетел над дорогой и, чувствуя, что падает в грязь, проделал в воздухе двойное сальто. Он приземлился на обочине, вполне устояв на ногах. На сером его костюме не было и пятнышка.

Мотоцикл рванулся вперёд, догоняя телегу, а капитан поднял пистолет.

Грянул выстрел. Пуля ударила в колесо, вышибла в нём особо важную спицу — колесо отвалилось. Мونها выпал из телеги в лужу и камнем пошёл на дно.

Коричневый пузырь вырос посреди лужи, медленно лопнул, а когда Вася подъехал, водная гладь уже успокоилась. На поверхности не было даже и кругов.

Вася заглушил мотор, слез с мотоцикла, изогнувшись, заглянул на дно лужи.

— Утоп! — крикнул он, беспомощно оглядываясь на капитана.

Вдруг впереди и дальше по дороге, метров за двадцать от Васи из другой лужи показалась чёрная мокрая борода. Мونها выскочил из воды, встряхнулся так, что вокруг него на миг явилась радуга, и побежал через озимое поле.

— Стой! — крикнул Вася и побежал следом.

С кармановской трибуны хорошо были видны маленькие фигурки, которые двигались к темнеющему вечернему лесу. Вот на поле осталась одна фигурка, вот и она скрылась под берёзами.

Капитан Болдырев подошёл к лошади, ласково похлопал её. Потом насадил на ось отвалившееся колесо, развернул телегу и поехал назад, к городу Карманову, подбирая по дороге пустые бидоны, коляску, мотоцикл.

Но мы уже не видели этого. Мы сами давно уж ехали на электричке домой. В Москву. В Зонтичный переулок.

СНЫ ПОХИТИТЕЛЯ

Приключения в городе Карманове так захватили нас, что мы совсем забыли о голубях, о тех белокрылых в чёрных капюшончиках, которые в этот субботний вечер по-прежнему сидели в квартире Похитителя.

Монахи истомились. Похититель ушёл куда-то на весь день, не оставил даже блюдца с водой. Монахи дремали в садке, прижавшись друг к другу.

К вечеру вернулся Похититель. Из садка слышно было, как он кряхтел и громко топал. Он тащил четвёртый телевизор — «Темп». Похититель был не в духе, потому что этот «Темп» дался ему с трудом. Три с половиной часа пришлось Похитителю лежать под кроватью, ожидая, когда уйдут из дома хозяева, а потом ещё лезть по пожарной лестнице на двенадцатый этаж с телевизором на плечах. К тому же он забыл оставить на месте преступления милицейскую пуговицу.

Пнув ногой садок с голубями, Похититель плюхнул «Темп» на диван и стал раскидывать комнатные антенны. Наладил дело, включил сразу все телевизоры, и тут же перегорели пробки. Чертыхаясь, Похититель взгромоздился на табурет, починил пробки и снова включил телевизоры. С полчаса смотрел он сразу четыре передачи: «Сплав науки и производства», «Хочу всё знать», «С песней вдоль околицы» и «Немецкий для химиков».

В голове его за полчаса образовалась такая каша, что Похититель плюнул, выключил телевизоры и достал «Краткую опись своих преступных деяний». Сегодня он не чувствовал особого вдохновения и записал коротко:

«Спёр «Темп». Влажность воздуха... а чёрт её знает, какая сегодня влажность, я не мерил. Но, в общем, влажно. Пока лез на крышу, совсем сопрел. А телевизор — барахло, прыгает всё время и какие-то верёвки на экране».

Захлопнув книгу, Похититель подошёл к зеркалу.

— Ну что, — сказал он своему отображению. — Опять психуешь?

— Как не психовать-то. Верёвки на экране.

— А с монахами что будешь делать?

— Завтра повезу в Карманов. Встану пораньше, часиков в шесть.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказал Похититель своему собеседнику, лёг спать и мгновенно уснул.

Приснились ему ромашки. Ромашки, колеблемые ветром, и маленький мальчик — это был он сам, Похититель, — бегающий посреди ромашек.

Покой и прохлада царили в заснувшем мозгу Похитителя. Казалось бы, и тело его должно было заснуть, но получалось иначе. Мозг спал, а тело нет. Мозг видел ромашки, а сам Похититель дёргался, скрежетал зубами, руки выскакивали из-под подушек, били локтями в стену и переключали телевизоры.

А во сне было всё в порядке, к ромашкам ничего не прибавилось, кроме десятка васильков.

Как приятно, как весело было маленькому будущему Похитителю бегать среди ромашек, срывать их, нюхать, считать лепестки. Похититель смеялся, а ромашки взмахнули крыльями и улетели, превратившись в голубей. Вот голуби опустились обратно на лужок и превратились в телевизоры. Засияли на зелёном лугу голубые экраны. Похититель прыгал вокруг них и баловался, переключая программы. Вдруг все экраны разом запрыгали, на них появились какие-то верёвки, и Похититель проснулся.

За окном на улице было темно и тихо. Изредка доносилось шуршание автомобильных шин. Вдруг под окном Похитителя кто-то закричал: — Держите его! Держите! Держите, товарищ милиционер!

Похититель вздрогнул, встал с кровати, подошёл к окну. На улице под окном никого не было. Почему-то захотелось пить. Он побрёл на кухню, достал из холодильника бутылку молока и, утоляя жажду, невольно подумал, не переключиться ли на холодильники.

— Ведите его, ведите! — снова послышался голос с улицы. — Ведите, товарищ милиционер.





Похититель снова глянул в окно, но опять никого не увидел.
«Кого-то взяли», — подумал Похититель и снова лёг в кровать.

Второй сон его начался ровно и гладко. Начался он с того, что Похититель просто вышел из дому. Только прошёл десяток шагов, глядь — на углу милиционер. Стоит спокойно, смотрит в сторону, но это как раз Похитителю и не понравилось. На всякий случай он нырнул в подворотню и сразу увидел милиционера. Тот качался на качелях и показывал издали блестящую пуговицу. Это был уже намёк.

Сердце Похитителя забилося, он выскочил на Крестьянскую заставу и дунул по шоссе. Мигом догнала его машина, в которой сидели пять милиционеров. От ужаса Похититель не то что прыгнул, а просто сиганул в сторону и оказался в лесу. Здесь было тихо и спокойно, но это только так казалось. На самом деле лес был набит милицией до отказа. Милиционеры глядели из-под каждого куста, стояли под каждой осиной, как подосиновики.



Похититель почувствовал, что попался. Выход был один — взлететь. И Похититель попробовал, взмахнул руками и полетел. Огромнейшее облегчение почувствовал он, свежий воздух омыл его измученное лицо, ворвался в грудь, вселяя надежды. «Не оглядывайся, не оглядывайся», — твердил себе Похититель. Но оглянулся.

О ужас! В сером пасмурном небе летели за ним милиционеры, и один из них каким-то странным образом даже летел на мотоцикле.

— Проснись! Проснись! — закричал сам себе Похититель и не мог проснуться.

Да и никто в Москве в этот поздний час не мог уже проснуться. Спал Длинный, спал жилец Николай Эхо, спал Тимоха-голубятник и весь наш Зонтичный переулк. Да что Зонтичный! В этот час спала вся Московская область, и с кармановской трибуны сквозь голубую дымку, наверно, видно было, как легко шевелится она во сне. Спящие города и деревни видны были с кармановской трибуны, болота, над которыми подымался блёклый ночной туман, влажные от росы шоссеыные дороги, на которых не было ни души, ни машины.

Только где-то у станции Перловка шевелилась в кустах маленькая, еле заметная фигурка. Это шёл по следу Вася Куролесов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

УТРО ПОХИТИТЕЛЯ

Милиционер, летящий на мотоцикле, догнал Похитителя, ударил колесом по пяткам, сшиб, как голубя, на лету.

— Проснись! — отчаянно закричал Похититель, рухнул на землю и, наконец, проснулся.

Он лежал на полу в своей квартире. Телевизоры на тонких ножках стояли перед ним, рядом на полу сидели в садке монахи, хлопали крыльями.

— Дракончик! — вздрогнул Похититель, спросонья не узнавая их.

Раздался звонок в дверь — и Похититель вздрогнул вторично. Это ему не понравилось. Собрав волю в кулак, он мысленно приказал себе больше не вздрагивать, отворил дверь и всё-таки, не удержавшись, снова вздрогнул.

За дверью стоял человек, с ног до головы забрызганный грязью, из чёрной его бороды торчала серая солома.

— Монька? — сказал Похититель. — Ты?

— Не узнал, что ли? — ворчливо ответил Моня-бородач, вытирая пот со лба. — Я к тебе от самого Карманова пешкодралил. Капитан Болдырев всех накрыл. И Сопеля попал, и Кожаный.

— А Барабан?

— И Барабан погорел.

— А хвоста ты за собой не привёл?

— Ты что! Я след посыпал тайнинской смесью.

— Чем? — не понял Похититель.

— Тайнинской смесью, не слыхал, что ли? В Тайнинке один старикан изобрёл. Порошок против ищеек. Махорка, перец, толчёный чеснок да ещё коровяк — медвежье ухо. У собаки не то что чутьё пропадает — нос начисто отваливается. Я тебе с полстакана отсыплю, сам попробуешь.

Моня достал из кармана золотой портсигар, высypал Похитителю на ладонь немного бурого порошка. Похититель хотел было понюхать, но не успел поднести ладонь к носу, как глаза его превратились в недозрелые черешни, а нос подпрыгнул и принялся плясать, отчаянно чихая.

Моня тем временем оглядывал квартиру.

— Всё пустяками занимаешься? — сказал он, когда Похититель отчихался.

— Как то есть?

— На ящики переключился?

— Какие ящики? — не понял Похититель. Он сегодня с самого утра неважно соображал, да и тайнинская смесь его ошеломила.

— Вот эти, с дыркой, — кивнул Моня на телевизоры.

— Голуби устарели, а телевизоры — современные штуки.

— Чепуха, — недовольно сказал Моня. — Детские игрушки. А ты взрослый человек, тридцать семь стукнуло. Пора подумать о чём-нибудь серьёзном.

— Чем же телевизоры несерьёзное дело? — слегка обиделся Похититель.

— А чего в них серьёзного? Ящики для огурцов.

— Ну всё-таки четыре программы, передачи разные.

— Смотреть не на что, — сказал Моня и так раздражённо махнул рукой, что Похититель переменял тему разговора.

— А я вот в Карманов собрался, — сказал он. — Голубей надо загнать.

— Не монахов ли? Пять штук?

— А ты откуда знаешь?

— Вчера у нас на рынке два червяка монахов искали. А Кожаный решил, что они из нашей конторы.

— Один — переросток, а другой с космами? — спросил Похититель.

— Точно.

— Похожи на моих клиентов. Значит, вчера они были в Карманове, а сегодня на Птичий пойдут. Что ж, самое время ехать в Карманов.

— Валяй, а я пока у тебя останусь. Помыться надо да бороду сбрить.

— Ничего не выйдет, — сказал Похититель. — Воду отключили.

— Как же так? — огорчился Моня.

— У нас это часто бывает. Всё чего-то ремонтируют. Да ты в баню иди. Воронцовские выходные. Иди в Тетеринские.

— А я-то на тебя рассчитывал.

— При чём же тут я-то? Воду отключили.

Похититель хитрил. Вода в доме была, никто её не отключал, но связываться с Моней он никак не хотел. Моня был опасный человек, а с опасными людьми Похититель сроду не связывался.

«Зачем я буду связываться с опасными, — рассуждал он. — Я уж лучше с неопасными свяжусь. Но, честно сказать, и с неопасными связываться порой опасно. Сегодня он неопасный, а завтра такой опасный станет — только держись. Лучше уж вообще ни с кем не связываться».

Сквозь занавеску Похититель внимательно смотрел, как Моня выходит из подъезда, переходит улицу, садится в трамвай.

«Не привёл ли Моська хвоста?» — думал Похититель.

СЛЕД НА АСФАЛЬТЕ

Вяло, лениво подымались мы с Длинным в это воскресное утро. Спешить нам никуда не хотелось, да и спешить-то было некуда. Нам явно некуда было спешить.

— А чего нам спешить? — сказал Длинный. — Нам спешить некуда.

Я промолчал, и Длинный посмотрел на меня удивлённо, дескать, а ты что скажешь. Но мне и говорить ничего не хотелось, я просто вынул из кармана табличку, на которой печатными буквами было написано:

ЕЩЁ БЫ.

Слегка умывшись, мы выпили чаю, вышли во двор и стали под американским клёном, под которым давно уж сидела на лавочке бабушка Волк.

— Какие-то рожи, — говорила она. — Всё время ходят какие-то рожи. Позавчера голубей украли, сегодня, гляди, до ценностей доберутся. До фамильного серебра.

— Какие рожи? — крикнул с третьего этажа дядя Сюва. — Про каких рож вы говорите, бабушка?

— Про тех, которые к нам во двор ходят, — ответила бабушка Волк. — Чего им здесь надо? Кто их звал?

— Не знаю, — сказал дядя Сюва. — Я никаких рож не видал.

— А я видала, — встряла Райка Паукова. — Это всё небось к тому Жильцу ходят. Жалко, что не он украл голубей, а то мы бы его живо отсюда выперли.

— Да ладно вам, — сказал дядя Сюва. — Ну зашёл человек в гости, хочется же людям культурно отдохнуть.

— Знаю я эту культуру, — сказала Райка Паукова, а бабушка Волк добавила:

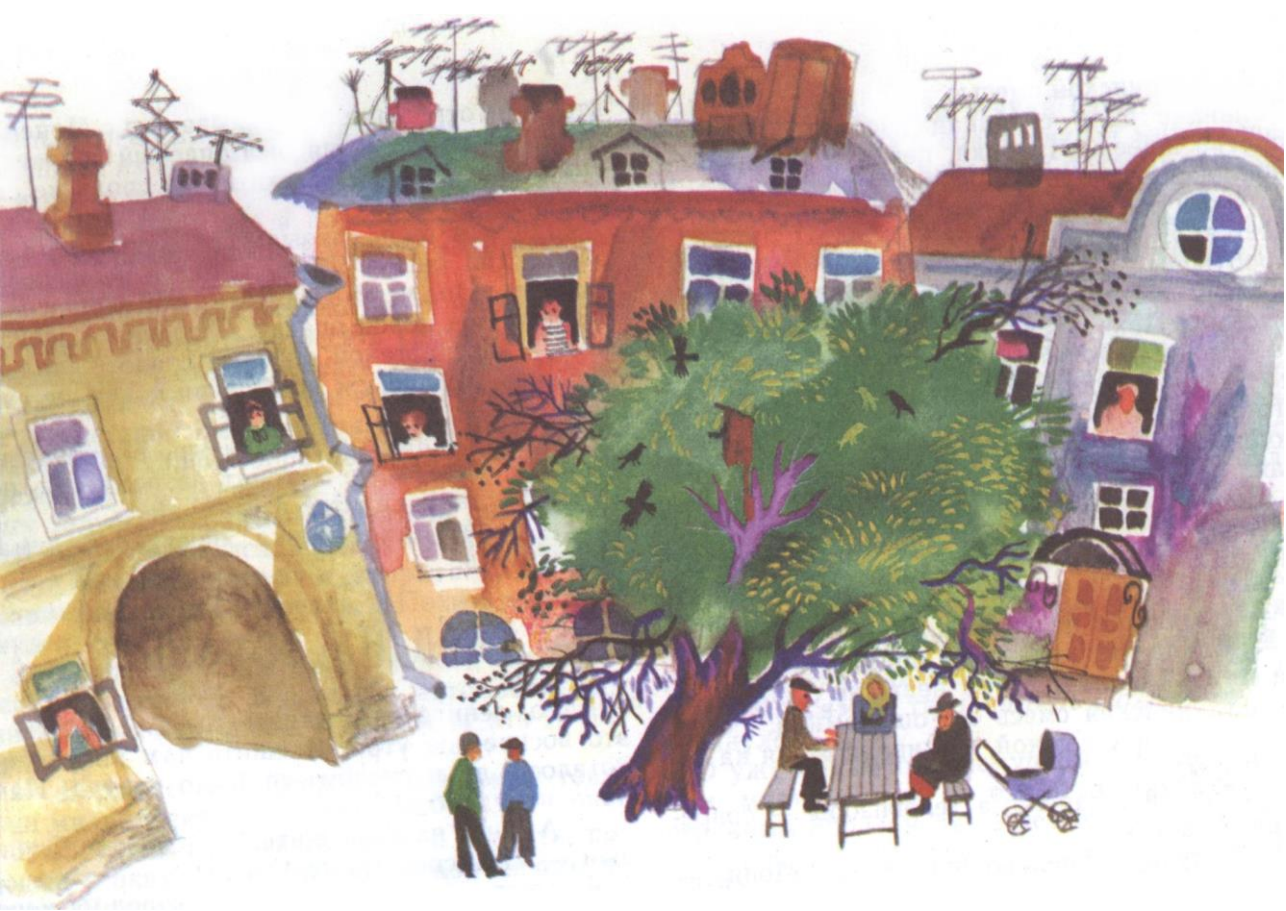
— Я бы к нам во двор по пропускам пускала.

— А Жилец-то этот, — продолжала Райка, — дурак дураком. Пёрышки собирает. Верно Длинный говорит: надо из них подушку сделать.

— Да чего ты к Жильцу привязалась, — сказала бабушка Волк. — Паковалась бы лучше. Не сегодня-завтра дом снесут.

— Пускай всё вокруг сносят — я одна останусь! — крикнула тётя Паня с четвёртого этажа. — Меня им сроду не снести!

— Ты, Паня, не права, — рассудительно сказал дядя Сюва. — Ты новому дорогу дать не хочешь. Где ж твоя сознательность?



— Знаю где, — ответила тётя Паня и, подумав, добавила: — Где надо, там и есть.

— Не могу их слушать. Надоело, — тихо сказал Длинный, посмотрел на шкафы, одиноко стоящие на крыше, опустил голову и снова её поднял, будто надеялся, что сейчас появятся голуби. Но они не появились. Одинокая ворона пересекла небо над Зонтичным переулком.

Длинный поник, потускнел. Потеря голубей была для него большим ударом. С трудом накопил он деньги, чтоб купить монахов, тряся над ними, каждую минуту боялся, что нападёт на них голубиная чума. Кармановские события захватили его, отвлекли, а сегодня мы снова вернулись в реальный мир, к пустой голубятне — старым покоробленным шкафам. Два дня назад шкафы эти казались чудом, когда из них вылетали голуби, а сейчас стали они никому не нужной глупостью, хотелось сбросить их немедленно с крыши, расшибить вдребезги.

— Не могу, — сказал Длинный. — Сердце разрывается. Выведи меня на улицу.

Он навалился на меня, обнял за плечи, и я буквально вынес его из ворот.

Залитый воскресным солнцем, лежал перед нами Зонтичный переулок. Кто-то играл на аккордеоне. Над пустырьём за Красным домом подымался столб дыма. Там жгли овощные ящики.

Мы постояли у ворот, поглядели, как горят ящики, побрели по переулку. Возле Серого дома Длинный остановился, ткнул пальцем в тротуар.

— Погляди-кось.

На асфальте был ясно виден отпечаток босой ноги. Это была правая нога Длинного. В прошлом году, когда здесь ремонтировали тротуар, он разулся, отпечатал свою подошву на мягком горячем асфальте, надеясь, что этот след останется на века.

— Обжётся тогда невероятно, — вспомнил он, присел на корточки, поковырял след щепкой, проверяя, крепко ли тот сидит на месте. След сидел крепко, обтёрся совсем немного, но Длинный печально вздохнул.

— Вряд ли этот след останется на века. Дом снесут — будут тротуар перекрывать. Да так ли уж важно оставлять свой след на века? Если все начнут оставлять следы — плюнуть некуда будет. И так уж понаоставляли.

Не глядя больше на свой след, Длинный понуро пошёл к Воронцовке. Всем своим видом он показывал, что жизнь его сложилась криво: и голубей-то украли, и след не останется на века.

Только на Таганской площади Длинный немного выпрямился, поглядел по сторонам и тут же изо всей силы толкнул меня в бок:

— Смотри!

Быстрым шагом, почти бегом, прямо перед нами пересёк Таганскую площадь человек в чёрной шляпе и замызганном костюме.

ЗАПАХИ ТЕТЕРИНСКОГО ПЕРЕУЛКА

Не заметив нас, да и не глядя особенно по сторонам, он смешался с толпой, которая вываливала из метро, и быстро пошёл вниз по Садовой.

— Узнаёшь? Ты его узнаёшь? — шептал Длинный. — Смотри же! Смотри! Узнаёшь или нет? Ведь это же Моня! Пойми, это — Моня! Что ж делать-то?

Что делать, по-моему, было ясно: бежать в Зонтичный. А то, что это был Моня, грабитель, скрывающийся от милиции, нас не касалось. В эту историю мы влипли только из-за голубей, а Моня с голубями не был связан.

— Смотри! — говорил Длинный, боком двигаясь вслед за Мoneй. — Узнаёшь или нет? Надо в Карманов звонить. Так и так — Моня на Таганке. Да узнаёшь ты его или нет?

Я узнавал, но это-то и удивляло меня. Казалось, никак, никаким образом Моня не мог очутиться в Москве. Я давно понял, что между Москвой и городом Кармановом огромная разница. И те события, которые происходят в Карманове, никак не могут происходить в Москве. И всё-таки факт оставался фактом: в Москве, на Таганской площади, мы попали в совершенно кармановское положение.

Дул ветер, и я почувствовал, как запахло в воздухе пивом, подсолнечными семечками, мишенями из тира «Волшебный стрелок». К этим запахам

подмешался какой-то острый, неприятный запах, от которого я немедленно чихнул. И Длинный чихнул, и некоторые прохожие тревожно зачихали.

— Идти за ним или нет? — говорил Длинный, прибавляя шагу, чтоб не упустить Моню из виду. — А вдруг он оглянется? Возьмёт да и зарежет, что тогда?

Но Моня не оглядывался и только у Тетеринского переулка остановился, вынул руку из кармана и высыпал на асфальт пригоршню какой-то трухи. Постоял с минуту и свернул в переулок.

Я всегда любил Тетеринский переулок. Здесь было тихо, тенисто, прохладно. Высокий, битый молниями тополь склонился над входом в переулок. Ранним летом, в начале июня, пух тетеринского тополя, белоснежный, сухой, как порох, не пух, а высушенные на солнце снежинки, — заваливал подворотни, накрывал лужи хрустящей шапкой, стаями кружил у бочки с квасом, с весны до осени стоящей под то-полем. Любителю кваса сдувать приходилось тополиный пух вместе с пеной.

Спрятавшись за бочкой, мы следили, как идёт Моня по переулку, потом перебежали на другую сторону и укрылись за солидные спины двух мужчин, которые медленно шли в том же направлении. У каждого из них в руке был берёзовый веник, в другой — портфель.

— Коль, у тебя чего в портфеле? — спросил один.

— Хамса, — коротко, но достойно ответил Коля. — А у тебя?

— У меня — копчушка, — нежно прошептал спутник и так нажал губами, когда говорил «чуушшка», что от этого стала его копчушка ещё копчей, ещё сочней.

В Тетеринском переулке всегда пахло рыбой — солёной, копчёной, вяленой.

Помахивая берёзовыми вениками, обсуждая, что вкусней: хамса или копчушка, приятели подошли к мрачному, казённому на вид трехэтажному дому, сложенному из чёрно-красного кирпича. Из потных его окон валил влажный тяжёлый пар, а на вывеске, что висела над дверью, белым по голубому, будто паром по воде, было написано:

ТЕТЕРИНСКИЕ БАНИ

У массивных дверей на овощном ящике сидел дедок, очень похожий на того, что на Птичьем продавал сушёного циклопа. Этот торговал берёзовыми вениками.

Из-за солидных спин мы видели, как Моня купил веник, вошёл в баню, а следом и хамса с копчушкой.

— Вот так, — сказал Длинный, останавливаясь. — В баню пошёл.

Длинный вдруг взял меня за плечи и поглядел прямо в глаза. Не знаю уж, что было в моих глазах, но в глазах Длинного я увидел нестерпимый кармановский блеск.

— Надо его задержать! — сказал Длинный и вздрогнул от собственных слов.



Я закашлялся, махнул рукой, стараясь отогнать от нас эту явную кармановщину, но Длинный крепко держал меня за плечи.

— Возьмите веничка, молодые люди, — предложил тем временем дедок.

Мы оглянулись, не сумели ответить, а тут на веники налетело сразу человек пять с портфелями, раздутыми от снеди, с авоськами, в которых виднелась и вобла, и мочало, и пиво в трехлитровых банках. Они похватили веники, гогоча и разговаривая, ворвались в баню. А навстречу им повалили люди, отсидевшие свой банный срок. Сумки и портфели их похудели, банки опустели, зато щеки у них были такие красные, каких не бывает нигде на свете. Над щеками сияли сонные глаза, в которых было написано счастье. Шагов за десять пахло от них распаренным берёзовым листом, и этот запах, запах берёзового листа был главным запахом Тетеринского переулка.

Но вдруг к этому лесному и деревенскому запаху подмешалось что-то едкое. Глаза у меня зачесались, нос наморщился, а Длинный тут же чихнул.

— Пошли, — сказал он, подтолкнул меня, и, пригибаясь, мы незаметно юркнули в массивные двери Тетеринских бань.

Т. Б.

В кафельном зале на первом этаже мы увидели две огромные скульптуры цвета пельменей. Первая изображала женщину в гипсовом купальном костюме с ногами бочоночной толщины. Рядом стоял и гипсовый мужчина в трусах. Руки у него были не тоньше, чем ноги женщины. Играя мускулами, мужчина сильно держал в руке кусок мыла.



«Если будете мыться в бане — станете такими же здоровыми, как мы», — как бы говорили эти скульптуры.

Под ногой женщины мы купили билеты и талоны на простыни, поднялись на четвёртый этаж. У входа в «Парильное отделение первого разряда» пластом лежал на лестнице ноздреватый пар. Сильно пахло мочалам и стираемыми простынями.

Бочком, бочком проскочили мы в дверь и оказались в сыром раздевальном зале, который был перегорожен несколькими рядами кресел. С подлокотниками, высокими спинками тетеринские кресла напиминали королевские троны, боком сцепленные друг с другом. В том месте, где обычно прикрепляется корона, были вырезаны две буквы:

Т. Б.

Голые и закутанные в простыни, бледные и огненно-распаренные сидели на дубовых тронах банные короли. Кто отдыхал, забравшись в трон с ногами, кто жевал тарань, кто прикладывался к банке с пивом, кто дышал во весь рот, выкатив из орбит красные от пара глаза, кто утомлённо глядел в потолок, покрытый бисером водяных капель.

Человек в халате цвета слоновой кости ходил меж рядов, собирая мокрые простыни.

— Давно не был, Длинный, — сказал он глухим, влажным от пара голосом. — В Оружейные ходишь?

— В Воронцовские, дядя Саш, — ответил Длинный. — Там народу меньше.

— А парилка плохая, — заметил дядя Саша, взял у нас билеты и выдал чистые простыни. — Идите вот в уголок. Как раз два места.

В уголок, куда указывал дядя Саша, идти надо было через весь зал, и Длинный стал на ходу раздеваться, натянул на голову рубашку, так что в вырез воротника выглядывали глаза да клочок волос.

Мы устроились рядом с человеком, который с ног до головы закутался в простыню. Он, очевидно, перепарился — на голове его, наподобие папахи, лежал мокрый дубовый веник. Из-под веника торчал розовый сильно утомлённый нос.

— Вам не плохо, гражданин? — спросил дядя Саша, трогая перепаренного за плечо. — Может, дать понюхать нашатыря.

— Дай мне квасу, — сипло ответил перепаренный. — Я перегрелся.

— Квасу нету, — ответил дядя Саша и отошёл в сторону, обслуживать клиентов.

Мы с Длинным быстро разделись, забрались каждый в свой трон и замерли.

Напротив нас сидели двое, как видно, только что пришедшие из парилки. Простыни небрежно кое-как накинута были у них на плечи. На простынях чёрною краской в уголке было оттиснуто:

Т. Б.

Эти буквы означали, что простыни именно из Тетеринских бань, а не Оружейных или Хлебниковских.

— Ну, будем здоровы, — сказал человек, у которого буквы «Т. Б.» расположились на животе.

— Будь, — отозвался напарник. У этого буквы «Т. Б.» чернели на плече.

Приятели чокнулись стаканами с лимонадом, поглядели друг другу в глаза и дружно сказали:

— Будем!

Между тем здоровья у обоих и так было хоть отбавляй. Во всяком случае, главные признаки здоровья — упитанность и краснощёкость — так и выпирали из простыней. Один из них похож был даже на какого-то римского императора, и буквы «Т. Б.», расположенные на кругленьком животе, намекали, что это, очевидно, Тиберий. Второй же, с явной лысиной, смахивал скорей на поэта, а буквы подсказывали, что это Тибулл.

— Я люблю природу, — говорил Тибулл, — в природе много хорошего. Вот этот веник, он ведь тоже частичка природы. Другие любят пиво или кино, а я природу люблю. Для меня этот веник лучше телевизора.

— По телевизору тоже иногда природу показывают, — задумчиво возразил Тиберий.

— А веник небось не покажут!

— Это верно, — согласился Тиберий, не желая спорить с поэтом. — Давай за природу! — И древние римляне снова чокнулись.

— Как ты думаешь, для чего люди чокаются? — спросил через некоторое время Тибулл, как всякий поэт, настроенный слегка на философский лад.

— Для звону!



— Верно, но не совсем. Когда мы пьём лимонад, это — для вкуса. Нюхаем — для носа. Смотрим на его красивый цвет — для глаза. Кто обижен?

— Ухо, — догадался Тиберий.

— Вот мы чокаемся, чтоб ухо не обижалось.

— Ха-ха! Вот здорово! Ну, объяснил! — с восторгом сказал Тиберий и, сияя, потрогал своё ухо, как бы проверяя, не обижается ли оно. Но ухо явно не обижалось. Оно покраснело, как девушка, смущённая собственным счастьем.

Тибулл тоже был доволен таким интересным объяснением, с гордостью потёр свою лысину, повёл глазами по залу, выискивая, что бы ещё такое объяснить. Скоро взгляд его уткнулся в плакат, висящий над нами:

КОСТЫЛИ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ У ПРОСТРАНЩИКА

Плакат этот действительно объяснить стоило, и Тибулл, выпятив нижнюю губу, раздумывал некоторое время над его смыслом.

— Ну, костыли, это понятно, — сказал, наконец, он. — Если тебе нужны костыли, можешь получить их у пространщика. Но что такое «пространщик»?

— Да вон дядя Саша, — простодушно ответил Тиберий. — Он и есть пространщик. Простынями заведует.

— Если простынями — тогда простынщик.

— Гм... верно, — согласился Тиберий. — Если простынями, тогда простынщик.

— То-то и оно. А я, ты знаешь, люблю докапываться до смысла слов. А тут копаюсь, копаюсь, а толку чуть.

— Сейчас докопаемся, — пообещал Тиберий и крикнул; — Эй, дядя Саша, ты кем тут работаешь?

— Пространщиком, — ответил дядя Саша, подсакивая на зов.

— Сам знаю, что пространщиком, — недовольно сказал Тиберий, ласковый и покладистый с поэтом, тут вдруг он стал проявлять императорский нрав. — А чем ты заведешь?

— Пространством, — пояснил дядя Саша краснея.

— Каким пространством? — не понял император.

— Да вот этим, — ответил дядя Саша и обвёл рукой раздевальный зал со всеми его тронами, вениками, бельём, голыми королями. В худенькой невзрачной его фигуре мелькнуло вдруг что-то величественное, потому что не у всех же людей есть пространство, которым бы они заведовали.

Я невольно повёл глазами, оглядывая пространство, которым заведовал дядя Саша, и вдруг резко похолодел.

Окутанный облаком пара, красный, ошпаренный, как рак, из двери мыльного зала вышел Моря-бородач. Хлопая себя ладонями по животу, он пересёк дядисашино пространство, небрежно накинул простыню и развалился на троне, рядом с Тиберием и Тибуллом. В глаза бросилась татуировка, наколотая у Мони на ногах. На левой ноге написано было:

ОНИ

На правой:

УСТАЛИ

Именно эта надпись напугала в первую минуту. Что-то зловещее, загадочное было в ней. Кто это «они»? Неужели ноги?

Борода Морянина слиплась, превратилась в чёрную паровую сосульку, глаза от пара так грозно выкатились к переносице, что буквы «Т. Б.», оказавшиеся у него под мышкой, хотелось прочитать так: «Типичный Бандит».

ПРОПАЖА БРЮК

Я так закутался в простыню, что уж не знаю, на что был похож со стороны. Изнутри же казалось, что похож я на мотылька или на червячка в коконе, который не собирается вылезать на белый свет. В узкую щёлочку, которую я оставил для глаз, не было видно ни Тиберия, ни Тибулла, только надпись «ОНИ УСТАЛИ» вползла, как змея, в поле зрения.

Судя по надписи, Моря сидел спокойно, ногами не дрыгал. В хлопающем гуле, который наполнял баню, слышалось его хриплое, надсадное дыхание.

— Извиняюсь, дорогой сосед, я вам не мешаю? — сказал Тибулл.

Шарики пота прокатились по моей спине. Я испуганно выглянул из простыни, но тут же спрятался. Тибулл разговаривал с Мoneй.

— Я вам не мешаю, дорогой сосед?

Моня повёл глазами, смерил поэта с головы до пят, как бы выясняя, мешает тот ему или нет.

— Пока не мешаешь, — членораздельно сказал он. — А будешь мешать — пеняй на себя.

— Нет! Нет! — воскликнул Тибулл, деликатно замахал руками. — Мешать я вам никак не собираюсь.

— И правильно делаешь, — заметал Моня, схватил себя за бороду и выдавил из неё на пол пригоршню серой воды.

— Но мне бы хотелось задать вам один вопрос, — продолжал неугомонный Тибулл. — Вот у вас на ногах написано: «Они устали». Интересно знать, от чего они устали?

— Слушай, лысый, — отчётливо сказал Моня. — Читай свои ноги!

— Но у меня на ногах ничего не написано! — наивно воскликнул древний поэт и, приподняв простыню, показал свои ноги, действительно белые, как лист бумаги.

— Ладно тебе, — вмешался Тиберий. — Наплюй ты на его ноги. Устали они и ладно. Может, они много бегали. Почитай лучше, что у меня написано

Тиберий скинул простыню и повернулся к поэту спиной. На левой его лопатке был нарисован бегун в трусах и в майке, а на правой синели два столба, между которыми тянулась надпись:

ФИНИШ

Тиберий шевельнул лопатками — бегун сорвался с места, стремясь к финишу.

— У тебя это любовь к спорту, — сказал Тибулл. — А тут — разочарование в жизни. Этим ногам уже не хочется ходить по земле — они устали.

— Зато руки у меня не устали, — сказал Моня и, шевельнув плечами, сбросил простыню. В узловатых, покрытых якорями и чёрными водорослями руках и вправду не было видно ни капли усталости. Моня поглядел поэту в глаза, расставил в стороны руки и медленно ушёл в парилку.

— Он мне, кажется, угрожал, — чуть заикаясь, сказал Тибулл.

— Успокойся, не обращай внимания.

— Я сейчас ему всю бороду оборву! — сказал Тибулл, показывая желание встать.

— Ни в коем случае! — вскричал Тиберий. — Нас арестуют.

— Оборву! — упорствовал Тибулл, но Тиберий схватил его за локти и не отпускал, пока поэт не успокоился. Наконец, с мочалом в руках они ушли в мыльный зал.

— Надо действовать, — прошептал Длинный, склонившись ко мне.

Действовать, однако, он пока не начинал, но высунулся из простыни и оглядывал соседние кресла. Все они были пусты. Перегретый, с мокрым венником на голове, не дождавшись квасу, дремал. Здорово перегрелся.

— Есть план, — сообщил Длинный.

В глазах его снова мелькнули кармановские искры, и я понял, что план у Длинного действительно есть.

Он быстро прошёлся по залу. Тетеринская простыня болталась на нём, как плащ на мушкетёре. С полминуты кружил он возле Перегретого, подозрительно оглядывая веник. Перегретый похрапывал, шевеля босою пяткой.

— Здорово перегрелся, — издали шепнул Длинный и пошёл к трону, который занимал Моня. Он смотрел на него с ненавистью, как на трон тирана.

Одежда Монина была беспорядочно разбросана. Особенно беспорядочно и неприятно выглядели брюки, которые нагло развалились на троне, свесив к полу пустые замызганные штанины. Колени их вздулись волдырями, а снизу из-под брюк глядели ботинки с на редкость тупыми рылами на микропоре.

Заприметив Длинного, брюки оскорбительно подбоченились, кажется, собираясь повернуться к нему задом.

Они явно бросали вызов.

«Ну чего тебе надо, переросток? — как бы говорили они. — Мы для тебя коротки».

Длинный вспыхнул, схватил пустую штанину и сдёрнул брюки с трона.

Брюки раздражённо фыркнули, раздулись, обхватили Длинного, но он поднял их на воздух, напоминая укротителя питонов. Из кармана брюк вылетела трехкопеечная монета, брякнулась об пол и, радостно звеня, укатилась под трон. Брюки сразу обмякли.

Длинный скомкал их и сунул в санитарный шкафчик, который висел на стене.

К этому моменту я совсем задохнулся в простыне, голова моя раскалилась.

Длинный закрыл дверцу шкафчика, огляделся. Кажется, никто ничего не заметил. Пространщик дядя Саша считал простыни. Перегретый дремал.

— Теперь не уйдёт, — сказал Длинный, усаживаясь на место. — Начнёт скандалить, а дядя Саша вызовет милицию. Пошли в парилку. Пора погреться!

ПОРА ПОГРЕТЬСЯ!

Длинный почти не волновался. Странное спокойствие было в его тоне и голосе, неслыханное спокойствие, которое я бы назвал кармановским. Я же обливался холодным и горячим, совершенно московским потом.

— Это просто глупо, — говорил Длинный. — Быть в бане и не сходить в парилку. Не бойся, мы же голые. Голыми он нас ни за что не узнает.

Но мне казалось, что даже и голыми узнать нас нетрудно. Я шёл к парилке боком и немного спиной, чтоб быть на себя непохожим.

В мыльном зале стоял пенный шум, который составлялся из шороха мочал, хлопанья капель, звона брызг. На каменных лавках сидели и лежали светло-серые люди, которые мылили себе головы и тёрлись губками, а в

дальнем конце зала, у окованной железом двери, топталась голая толпа с венниками и в шляпах.

Дверь эта вела в парилку.

Верзила в варежках и зелёной фетровой шляпе загораживал дверь.

— Погоди, не лезь, — говорил он, отталкивая нетерпеливых. — Пар ещё не готов. Куда вы прёте, слоны?! Батя пар делает!

— Открывай дверь! — напирала на него. — Мы замёрзли. Пора погреться!

— Пора погреться! Пора погреться! — кричали и другие, среди которых я заметил Моню.

Дверь парилки заскрипела, и в ней показался тощий старичок. Это и был Батя, который делал пар.

— Валяйте, — сказал он, и все повалили в парилку. Здесь было полутемно. Охваченная стальной проволокой, электрическая лампочка задыхалась в пару.

Уже у входа плотный и густой жар схватил плечи, и я задрожал, почувствовав какой-то горячий озноб. Мне стало как бы холодно от дикого жара.

Гуском, один за другим, парильщики подошли к лестнице, ведущей наверх, под потолок, на ту широкую деревянную площадку, которую называют по-банному полók. Там и было настоящее пекло — чёрное и сизое.

Падая на четвереньки, парильщики заползали по лестнице наверх. Батя нагнал такого жару, что ни встать, ни сесть здесь было невозможно. Жар опускался с потолка, и между ним и чёрными, будто просмолёнными, досками оставалась лишь узкая щель, в которую втиснулись и Батя, и Моня, и все парильщики, и мы с Длинным.

Молча, вповалку все улеглись на чёрных досках. Жар пришибал. Я дышал во весь рот и глядел, как с кончиков моих пальцев стекает пот. Пахло горячим хлебом.

Пролежавши так с минуту или две, кое-кто стал шевелиться. Один нетерпеливый махнул венником, но тут же на него закричали:

— Погоди махаться! Дай подышать!

И снова все дышали — кто нежно, кто протяжно, кто с тихим хрипом, как кролик. Нетерпеливый не мог больше терпеть и опять замахал венником. От взмахов шли обжигающие волны.

— Ты что — вентилятор, что ли? — закричали на него, но остановить нетерпеливого не удалось.

А тут и Батя подскочил и, разрывая головой огненный воздух, крикнул:

— Поехали!

Через две секунды уже вся парилка хлесталась венниками с яростью и наслаждением. Веники жар-птицами слетали с потолка, вспархивали снизу, били с боков, ласково охаживали, шлёпали, шмякали, шептали. Престарелый Батя орудовал сразу двумя венниками — дубовым и берёзовым.

— А у меня — эвкалиптовый! — кричал кто-то.

— Киньте ещё четверть стаканчика, — просил Батя. — Поддай!

Кожа его приобрела цвет печёного картофеля, и рядом с ним, как ёлочная игрушка, сиял малиновый верзилка в зелёной фетровой шляпе. Себя я не разглядывал, а Длинный из молочного стал мандариновым, потом ноги его поплыли к закату, а голова сделалась похожей на факел.

От криков и веничной кутерьмы у меня забилось сердце, от близости Мони стучало в ушах. Я схватил Длинного за руку и потянул по лестнице вниз.

— Давай ещё погреемся, — ватно сипел Длинный, кивая факельной головой, но я всё-таки вытянул его из парилки под душ.

Быстро обмывшись, мы вернулись в раздевальный зал и притаились на тронах. Я волновался и только надеялся, что Моня не сразу заметит пропажу.

Но он. заметил. Сразу.

Распаренный, как морковь, он вышел из парилки, мокрою тумбой замер у трона. Губы его задрожали, усталые ноги подкосились. Он упал на колени и заглянул под трон.

— Пространщик, — прохрипел он беспомощно. — Пропажа!

— Что такое, — подбежал дядя Саша, — где пропажа?

Он встал на колени рядом с Монею, заглядывая под трон.

— Не может быть, — волновался дядя Саша. — Где-нибудь здесь, в пространстве.

— Товарищи, пропажа, — повторял Моня, стремительно натягивая трусы и пиджак. Взгляд его прыгал по раздевальному залу и вдруг наткнулся на Тиберия и Тибулла, которые выходили из парилки.

Подозрительная молния сверкнула у Мони в глазах.



— Подшутил? — рыкнул он и схватил поэта за плечо. — Где брюки, лысый?!

Поэт побледнел, но тут же кровь ударила ему в голову. Воздух вскипел вокруг головы. Голова сразу высохла.

Поэт схватил собственные шоколадно-вишнёвые брюки, махнул ими, как вымпелом.

— На! — крикнул он на весь зал. — На! Эти брюки?! Нужны мне твои брюки! Ты знаешь, сколько у меня брюк? Знаешь? У меня восемь пар в гардеробе!

— А у меня знаешь сколько? — закричал и Тиберий, не желая отставать от поэта. — Знаешь, сколько у меня пар? А костюмов?

— Постой-постой, — влез дядя Саша. — Постойте, а ботинки целы?

— Ботинки? — туповато повторил Моня. — Не знаю, где ботинки.

Между тем ботинки он давно уж успел надеть. Он вообще оделся уже с ног до головы и только одной важнейшей детали не хватало, чтоб завершить его человеческий облик.

— А знаешь, сколько у меня ботинок? — продолжал наседавать Тибулл, но Моня уже не слушал его. Он подошёл ко мне, тронул за плечо.

— Парень, ты видал, кто взял мои брюки?

Сердце моё стукнуло в последний раз и остановилось. Я высунулся из простыни, выставил голову, как под топор палача. «Нет, я не видел, кто брал ваши брюки», — хотел сказать я и не мог. В этой истории мне была отведена только одна фраза. Одна-единственная. А большего, как ни крути, я сказать не мог.



— Ещё бы, — сказал я и зажмурился.

Топор взлетел над моей головой, и я тут же открыл глаза, решившись смотреть на этот мир до конца.

— Так это ты, тля, — сказал Моня, широко раскрывая глаза. — Вот где мы встретились!

Со свистом топор рассёк воздух и отрубил мою голову. Голова покати-лась по полу в мыльный зал, но Моня ловко поймал её за уши.

— А ну отпусти его! — крикнул Длинный.

— Кто? — крикнул Моня. — Ты?

И он протянул руку, чтоб схватить Длинного, но тут послышался очень высокий, сухой и официальный голос:

— Гражданин! Ваши документы!

За Мониной спиной стоял Перегретый с подсыхающим дубовым веником на голове.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

— Чего? — сказал Моня, резко оборачиваясь. — Чего такое?

— Документы! — повторил Перегретый и сделал пальцем особенный жест, каким обычно требуют документы.

Моня окаменел. В голове его, как видно, никак не умещались два неожиданных факта: пропажа брюк и требование документов. Факты эти неприятно дополняли друг друга и грозили чрезвычайной опасностью.

Моня отступил на шаг. Глаза его сузились, ноздри расширились, с силой втянули воздух.

— Как же так, — сказал он. — У меня же украли брюки, и у меня же требуют документов.

На щеках его вздулись твёрдые желваки, в голове металась тревожные мысли, которые читались примерно так: что же это за человек перед ним, почему требует документы и, главное, имеет ли право требовать их. Веник на голове говорил о том, что никакого такого права у Перегретого нет, но, с другой стороны, может, этот Перегретый вовсе не Перегретый, а под веником — форменная фуражка?!

— Если не предъявите документов, придётся вызвать милицию, — сказал Перегретый.

— Да, да, надо вызвать милицию, — подтвердил неожиданно и Тибулл, злопамятно глядя на Моню.

— Какая милиция, что вы, ребята! — беспокоился дядя Саша. — Ботинки здесь, сейчас брюки найдём.

— Пускай покажет документы, — настаивал Тибулл. — Вот, например, мои документы, и я могу их показать.

Вокруг стал собираться банный народ. Голые короли подымались со своих тронов, прислушивались к разговору.

— Какие в бане документы, — крикнул кто-то. — Кожа да мочало!

— Нету документов, — сказал Моня, чувствуя поддержку. — Они в брюках.

— Сейчас проверим, — сказал Перегретый, подошёл к аптечному шкафчику и вытащил брюки.

Моня крикнул и бросился к нему, но Перегретый ловко взмахнул простынёй. Она распахнулась и, как лебединое крыло, накрыла Моню и Перегретого. Секунду мы не видели их, а видели только простыню, которая на глазах превратилась в белого медведя.

Медведь ворчал. Качаясь, постоял он на четырёх лапах и неожиданно лёг на пол.

Баннные короли охнули, вскочили на своих тронах, стараясь через спинки разглядеть, что происходит. Тиберий и Тибулл поджали ноги и заворожённо глядели на белого медведя, который ворочался на полу.

— Осторожно! — кричал дядя Саша, подбегая было к медведю, но тот ринулся на дядю Сашу, зацепил его плечом и сшиб с ног, а сам развалился на две половины.

Из разорванной шкуры выскочили Моня и Перегретый. Но, пожалуй, это был уже не Перегретый, а Переодетый. И даже не Переодетый, а просто Оде-тый с ног до головы.

В кепке и в костюме, в брюках, закатанных выше колен, у стены, на которой висел санитарный шкафчик, стоял Василий Куролесов.

В одной руке он держал веник, в другой — потрёпанные Монины брюки.

— Так ты ещё и в костюме! — взревел Моня и, как бык, наклонил голову.

Куролесов выставил вперёд веник.

— Нож! У него нож! — крикнул кто-то. — У него в венике нож!

— Нож? — сказал Моня. — У тебя нож в венике?

— Да нож у него! — снова крикнул розовый голый король. — Вон блестит через веточки.

Моня отступил на шаг, оглянулся на распахнутое окно и вдруг схватил брюки, которые лежали в кресле Тибулла, вспрыгнул на подоконник и махом вылетел за окно.

Зал влажно ахнул. Тибулл бросился за Монею, делая такие жесты, которые хотелось назвать «хватательными движениями».

Мы с Длинным подбежали к окну и разом перегнулись через подоконник. Я был уверен, что Моня уже лежит под окном с абсолютно усталыми руками и ногами, но увидел другую картину.

Моня, оказывается, ещё и не приземлился. Он летел вниз, но медленно, очень медленно. В первую секунду я даже подумал, что его поддерживают в воздухе волны пара, которые вываливали из окон первого этажа, но понял, что ошибаюсь.

Под окном бани стоял человек в соломенной шляпе, из-под которой высовывались огромные рыжие усы. Он смотрел вверх и пальцем подманивал приземляющегося Моню.

Моня брыкался в воздухе, изворачивался, размахивал Тибулловыми брюками, стараясь улететь в сторону, но палец неумолимо манил его к себе, и Моня мягко приземлился, наконец, прямо в руки старшины Тараканова.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

К бане подъехал автофургон из города Карманова. Моня и старшина Тараканов, обнявшись, взошли по лесенке внутрь его, и фургон выкатился в переулочек. Все тетеринские банные короли выставились в окна, провожая его.

Да, тайнинская смесь Моне не помогла. Больше того, она ему явно навредила. Раздирающий душу запах протянулся от Карманова до Тетеринских бань, и собаки, которые случаем попали на эту адскую тропу, начисто, конечно, потеряли чутьё. Зато Василий Куролесов ни разу не сбился со следа. Вот только нос у него немного распух.

— А это ерунда, — сказал Вася. — Помажу перловской мазью и как рукой снимет. В Перловке старикан жцвет, так он изобрёл мазь против тайнинской смеси. Здорово помогает.

Куролесов достал из кармана узорчатый флакон синего стекла и сунул в него мизинец. С глубоким уважением смотрели мы, как Василий Куролесов мажет себе нос. А он мазал его обстоятельно, со знанием дела. Нос куролесовский на глазах приобретал прежние размеры.

— Дядя Вась, — сказал Длинный, очень робея, — а что у вас в венике было?

— Ничего не было, — ответил Вася, широкими заключительными мазками придавая носу законченный вид.

— Как же так! Я сам видел: что-то блестело.

— Показалось тебе... от волнения

— А веник? — сказал Длинный. — Зачем вы его на голову надели?

— Обычная маскировка. Боялся — вы мне дело сорвёте. А маскировочных средств — никаких. За Монеи я должен был только наблюдать, а тут ты влез с брюками.

— Я хотел, чтоб дядя Саша милицию вызвал.

— Молодец, — сказал Вася и похлопал Длинного по его покатоному плечу.

Тетеринским переулочком вышли мы на Садовую, дошли до метро, остановились рядом с продавщицей пирожков.

— У нас-то в Карманове пирожки покрупнее будут, — сказал Куролесов, покупая всем по пирожку. — У нас одной начинки столько, сколько весь этот пирожок. Да и начинка у нас вкуснее. А тут специй мало.

— Сюда бы лаврового листа напихать, верно, дядя Вась? — сказал Длинный.

— Верно, — сказал Вася и, добив пирожок, спросил: — Ну, а у вас как дела?

— Никак.

— А следов на крыше не искали?

— Искали, — махнул рукой Длинный. — Да не нашли ничего. Пуговицу нашли.

— Покажь.

Длинный вынул из кармана пуговицу и почтительно подал ему. Вася повертел её в руках.

— Совпадение, наверно, — задумчиво сказал он.

— Какое? — не понял Длинный.

— Да нет, это совпадение. Капитан ищет человека, который ворует телевизоры. Телевизор жуткий! На месте преступления оставляет пуговицы: то солдатские, то матросские. Железнодорожных, правда, не было. Да и не может один человек воровать и голубей и телевизоры.

— Почему?

— Сам подумай: голуби и телевизоры. Очень уж разные вещи. Не могут они ужиться в одном мозгу.

— А вдруг это такой мозг, в котором могут?

— Не думаю, — сказал Вася. — Ладно, возьму пока пуговицу, покажу капитану.

Он нырнул в метро, и мы с Длинным пошли к дому. От метро мы взяли было быстрый темп, но потом Длинный начал отставать, и мне приходилось дожидаться его.

— Не хочу домой, — сказал наконец он. — На голубятню смотреть не могу.

В бане Длинный был молодцом и у метро, прощаясь с Васей, держался как надо, а тут совсем скис. У него наступил полный упадок сил.

Не так уж часто, но порой приходится видеть человека, который куда-то бежит, кричит, яростно звонит по телефону, требует билетов, денег, пропусков, ругается с продавцами, пишет письма, полные гнева, горячится, кипит, добивается и вдруг — упадок сил. Он уже никуда не бежит, ничего не требует, а смотрит блёклым взглядом на мутный мир и видит, к примеру, плакат:

«ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ»

«Не могу, — думает он. — Не хочу смотреть и видеть всё это».

Тусклое висит над ним небо, и тупое солнце жалкими лучами слабо освещает мелкий румянец на его невыпуклых щеках.

«Упадок сил, — говорит он сам себе. — Крушение надежд».

Печально, очень печально, когда человек теряет надежду. В шлёпанцах на босу ногу сидит он в комнате, которую снимает у Петра Петровича, глядит в стену или в телевизор, нервно спит, тупо просыпается. Он скоро умрёт, потому что потерял надежду.

Мы с Длинным тоже потеряли надежду, но умирать пока не собирались.

Мы пошли потихоньку домой, к Зонтичному переулку, а надежда плелась где-то сзади, постояла у плаката «ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ», зашла зачем-то в сберкассу, а скоро и вовсе отстала от нас.

ПОКУПАТЕЛЬ-РАЗГИЛЬДЯЙ

Между тем человек, в мозгу которого совмещались не очень-то совместимые вещи, вышел из дома и направился к трамвайной остановке.

«Странный всё-таки у меня мозг, — думал он. — Сам не пойму, как это в нём совмещаются голуби и телевизоры. Это, конечно, мозг художника. С од-

ной стороны, я люблю природу — отсюда и голуби. Но, с другой стороны, я же современный человек, и вот вам пожалуйста — телевизоры. Удивительный мозг. Двусторонний!»

Похититель улыбался, ласково гладил свою голову, в которой заключался чудесный двусторонний мозг. У него было хорошее настроение. Да и погода, надо сказать, была сегодня отличная.

На бульварах пахло тополиным клеем. По асфальту прыгали воробьи цвета просёлочной дороги. В небе летали голуби, и Похититель любовался ими, весело похищая взглядом то одного, то другого.

«Славная погода, — думал он. — Самая погода для сбыта краденого. Хорошая, славная погода. В такую погоду хочется немного любви».

У трамвайной остановки Похититель затормозил, насторожился и оправил висящий за спиной рюкзак, в котором был спрятан садок с монахами. На остановке стояло пять милиционеров.

«Неважная примета, — подумал Похититель. — А не привёл ли Монька хвоста? Тайнинская смесь штука ненадёжная, уж больно воняет».

Подозрительно оглядел он милиционеров, незаметно попытался заглянуть им в глаза. Милиционеры отворачивались, а когда подошёл трамвай, дружно вспрыгнули в него, осветив вагон пуговицами и галунами.

На всякий случай Похититель подождал другого трамвая, на котором и доехал до вокзала. По дороге он встретил не так уж много милиционеров, человек десять, не больше. И на вокзале, и в карманонской электричке они попадались редко. Похититель даже подсчитал, сколько приходится на один вагон. Получилось — полтора.

«Это ещё можно жить, — думал Похититель. — Нас, Похитителей, наверно, больше».

На рынке в Карманове он вообще вздохнул свободно. Нигде, куда ни кидал он взор, не было видно милиционера, только колченогая рыночная толпа валила в ворота и вываливала из них. Слышался пёстрый базарный гул и равномерный, как морской прибой, шорох подсолнечной шелухи под ногами.

Похититель добрался до башни, на которой росла берёза, и неожиданно наткнулся на гражданина Никифорова. До этой минуты Похититель и гражданин Никифоров никогда не видели друг друга, и всё-таки эта встреча неприятно поразила их.

«Какие у него бегающие глаза», — подумал Похититель.

— Гражданин, — сказал гражданин Никифоров, — проходите, не заслоняйте товар.

— Чего такое? — с яростью переспросил Похититель, хотел добавить ещё пару слов, но удержался. Неведомо по какой причине ему вдруг захотелось схватить грабли и ударить гражданина изо всех сил.

Усилием воли Похититель подавил это желание, отошёл в сторону, достал из рюкзака садок с голубями. Но долго ещё не мог он успокоиться, с ненавистью повторяя про себя:

«Товар ему, подлецу, не заслоняйте!»

Только через полчаса он немного успокоился, но тут же заволновался по другому поводу: на голубей никто не обращал внимания. Грабли расхватавали. Даже солидный седой подполковник купил двое граблей, чем удивил Похитителя. Он никак не мог сообразить, зачем подполковнику грабли.

«Огородничает понемногу», — решил Похититель и снова стал шарить глазами по толпе, выискивая подходящего покупателя.

Рынок шевелился, бормотал и выкрикивал, топтался вокруг голубей, но не замечал их.

«Голуби — отжившее явление, — убеждался Похититель. — Садок с телевизорами им нужен».

Только после обеда появился покупатель. В вельветовой кепочке, сдвинутой на нос, в рубашке с расстёгнутым воротником, откуда выглядывала тельняшка, он шёл сквозь толпу, и походку его хотелось назвать разгильдяйской. Крупный, вздорный нос торчал из-под кепки, и по этому носу ясно было, что владелец его готов каждую секунду кинуться в драку.

«Голуби, мои вы милые,

Голуби, вы — сизокрылые», —

напевал покупатель-разгильдяй, и слово «сизокрылые» он говорил с таким упором, что получалось — «шизокрылые».

— Монахи? — спросил он, бесцеремонно обрывая песню и указывая пальцем в садок.

— Три с полтиной хвостик, — немедленно ответил Похититель.

— Два хвост, полтинник глазки, — сказал покупатель и разгильдяйски поковырял в хулиганском своём носу.

— Монах доброкачественный, — пояснил Похититель.

Разгильдяй сомнительно покачал головой, присел на корточки и ткнул пальцем сквозь прутья садка.

— У кого украл? — тихо спросил он.

Похититель вздрогнул, но тут же понял, что перед ним человек очень опытный, бояться нечего.

— Далеко отсюда, в Вышнем Волочке. Крылья подрежешь, поддержишь месячишко, а там — выпускай.

— Беру по тройку.

— С тебя — пятнадцать, — согласился Похититель.

— Подставляй лапу, — сказал разгильдяй.

Похититель подставил лапу, на ладонь его лёг небольшой и круглый, похожий на монету серебряный предмет. Это была железнодорожная пуговица.

В первую секунду Похититель не узнал её, но вдруг дрожь и холод схватили его за плечо. Сжав пуговицу, он запустил её прямо в нос покупателю-разгильдяю и, забыв про монахов, бросился бежать.

Виляя вправо-влево, он продрался через толпу, проскочил в задние ворота рынка и мимо ярмарочной трибуны, тира «Волшебный стрелок» выскочил на шоссе и побежал вон из города Карманова.

ПЛАЧ ПОХИТИТЕЛЯ

Слёзы текли по щекам Похитителевым и блестели на солнце.

Километров десять отмахал он от Карманова и теперь, задыхаясь, сидел в придорожной канаве, глядел на автомобили, которые проносились мимо, и плакал.

«Неужели я попался? — думал он и с дрожью вспоминал разгильдяйского покупателя, в котором сам чёрт не разобрал бы работника милиции. — Нет, нет, не может быть. Про телевизоры никому ничего не известно. Наверно, я попался только по голубиной линии, а по телевизионной всё пока в порядке».

Похититель успокаивал себя, но успокоиться не мог. Слёзы текли из глаз его непрерывным потоком, и в солнечном свете казалось, что лицо Похитителя усыпано драгоценными камнями. Скосив глаза, пытался он рассмотреть свои слёзы. Потом достал из кармана зеркальце и, увидев утомлённое лицо, зарыдал ещё сильнее.

Одна слеза долго висела на кончике его носа, а повисев, отпала наподобие капли из водопроводного крана. На её месте возникла новая, похожая на хрустальную подвеску от величественной люстры Колонного зала. А по щекам текли самые разнообразные слёзы — и скупые, и горькие, и мужские, и сиротливые, с десятков крокодиловых и одна особенно какая-то перламутровая. Выставив язык, Похититель бережно собирал свои слёзы. Но всё-таки не удержал перламутровую. Она упала на лист подорожника и разлетелась вдребезги. Похититель встал на колени, чтоб собрать её, но уронил новую слезинку, и в том месте, где упала она, неожиданно расцвёл ландыш.

«Надо начинать новую жизнь, — думал Похититель. — Поступлю на работу, как все люди, буду иногда кататься на лыжах. А телевизоры верну владельцам. Вот, скажу, было дело, крал, а теперь возвращаю, потому что решил начать новую жизнь. Вот будет здорово, может, даже в газетах про меня напишут статью под названием «Золотой человек». Пускай бы эта статья так начиналась: «У этого человека самое главное — душа. Она у него — золотая. Да, он был вором, но воровали его талантливые руки, а душа рвалась им помешать. Руки и душа вступили в непримиримую борьбу, и вот наконец-таки душа победила и направила талантливые руки на служение общему делу. Так да здравствует душа и да здравствуют руки и да здравствует же общее наше дело!»

Прикрыв глаза, Похититель ясно различал газетную страницу, на которой напечатана статья, читал её с горькой радостью и плакал, чувствуя, как в груди его золотится душа, а в карманах тяжело лежат талантливые руки.

«Надо, надо, надо, — думал он. — Надо начинать новую жизнь. И для начала брошу воровать. Но, конечно, не сразу брошу, а постепенно. Сразу никто ничего не бросает. Даже курить и то бросают не сразу. Брошу воровать голубей, а телевизоры пока ещё буду. Но немного. Раз в неделю. Этого мне пока хватит. Потом — раз в месяц, а то сразу отвыкнуть трудно. Всё-таки те-

левизор — приятная вещь, включишь и глядишь. Да и для будущей книги о моих преступных деяниях надо набрать побольше материала».

Все эти мысли слегка успокоили Похитителя, он отёр слёзы, выскочил из канавы на шоссе.

Вернувшись в этот день домой, Похититель достал «Краткую опись» и записал:

«Сегодня пережил тяжёлое душевное потрясение. Решил взять в руки штурвал своей жизни, решил начать новую, совсем новую жизнь, потому что влачить старую больше нету сил».

ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

Наш двор — колодец. И в колодце этом начинался вечер, потому что солнечные лучи не могли проникнуть внутрь двора. Они натыкались на четырёхэтажные стены, и только голубятня — буфет и гардероб — да верхушка американского клёна были освещены.

Бабушка Волк сидела, как всегда, под американским клёном и, когда мы вошли во двор, сказала:

— Хочешь, Длинный, я тебе шифоньер подарю?

— Конечно, чего там, — крикнул дядя Сюва с третьего этажа. — Бери шифоньер, Длинный, купишь новых голубей. А сейчас сыграй что-нибудь, душа просит. Воскресенье ведь.

Длинный вынул из кармана гармонику, безвольно дунул в лады — жалобный, щемящий, печалющий душу звук выполз из неё и поник в нижних ветках американского клёна. Дядя Сюва нахмурился.

— Ладно, Длинный, — сказал он. — Подкину тебе трояк на голубей.

— Трояк, — встряла Райка. — Взялся давать — давай, а то — трояк.

— Откуда у меня больше? — обиделся дядя Сюва. — Сама знаешь, какая у меня пенсия. Даже телевизора нет.

— На лимонад хватает, — сказала Райка. — Только об своём роту и думаешь. Я бы Длинному и пятёрку дала, если б он не так разорился.

— Да я у тебя и не возьму, — сказал Длинный, немного загораясь.

— Эх, — сказала бабушка Волк. — Сейчас бы селёдки баночной.

— Да что ж вы, бабушка! — крикнул дядя Сюва. — Сегодня селёдку давали. С красными глазами.

— С красными всю разобрали, — крикнула сверху тётя Паня. — Осталась только с голубыми!

— Люблю красноглазку, — заметила бабушка Волк.

— И правильно, — заметил дядя Сюва. — Если у селёдки красный глаз, значит, посолена, как надо, а если голубые — пересол.

— Слазим на голубятню, — сказал Длинный, убирая гармошку в карман. — Поглядим, может, ещё след найдём. А что? Так бывает.

По пожарной лестнице через чердак вылезли мы на крышу. Длинный стал шарить вокруг голубятни, а я и не искал никаких следов, я давно понял,

что все эти поиски ни к чему, голуби никогда не вернутся на голубятню. И Длинный это чувствовал, но поиски как-то успокаивали его. Конечно, Длинный переживал всё сильнее меня, но и он, в конце концов, понимал, что не так уж велика беда, бывают в жизни печали пострашней.

— Если б это были не голуби, а телевизор, я бы и не волновался, — сказал Длинный. — Но ведь голуби-то живые, сам понимаешь.

— Ещё бы, — сказал я.

— И летают, — добавил Длинный, глянул в небо, перевёл взгляд на крыши.

С крыши нашей не было видно так далеко, как с кармановского мостика, но всё-таки мы видели почти всю Москву — кремлёвские башни, серые шпили высотных домов, Ново-Спасский, Андроньевский и, конечно, весь наш Зонтичный переулочек лежал под нами. Как рыбы, плавали по крышам предзакатные блики, соскальзывали вниз, ныряли на дно переулочка.

Как огромный зонт, с одной стороны пасмурный, с другой — ослепительный, стояло небо над Зонтичным переулочком. Вдали, у Крутицкого теремка, кто-то гонял голубей, и они совершали по небу широкий круг от Москвы-реки до Крестьянской заставы.

— Чьи это голуби? — задумался Длинный, стараясь по манере полёта угадать, кому принадлежит стая.

— Широконосовы, — ответил он сам себе.

— А это чей?

— Одинокий, — печально сказал Длинный.

Да, бывают такие — одинокие голуби. Не дикие, не домашние. Хоть и вывелись они в городе, на голубятне, а всё равно летают и живут одиноко — ни к сизарям не могут пристать, ни к витютням, ни к домашним стаям. Что-то в них есть такое, от чего они мучаются всю жизнь. Тянет дикая стая, но и от дома, от города, где родились, не могут они оторваться. Так и мечутся меж тёплым городом и дальними лесами.

«Вот так же и я», — думал в это время совсем нами забытый жилец Николай Эхо. Он стоял у окна в двадцать девятой квартире и тоже глядел на одинокого голубя.

«Вот так же и я, — думал он. — Такой же одинокий голубь — летаю, парю, порхаю, а что толку?»

Жилец перегнулся через подоконник и глядел то на одинокого голубя, то на окна Райки Пауковой. Глаза его отчего-то покраснели, и сердце билось мягкими неудачными толчками.

— Куда ты летишь, мой пернатый друг?! — хотелось крикнуть Жильцу, но он удержался.

Одинокий голубь обошёл Крестьянскую заставу, далеко вверху, очень высоко пролетел над широконосовой стаей и вдруг остановился в воздухе, сложил крылья и вниз головой стал падать на землю.

Перекувырнувшись пятнадцать раз, он раскинул крылья и мягко опустился на резную верхушку гардероба.

ПОЧТА ПОХИТИТЕЛЯ

День неумолимо клонился к вечеру. Солнце утопало в оврагах за дальними кооперативными домами. Закатные полосы бродили по стенам Похитительской квартиры, по мёртвым ещё экранам телевизоров, по глянцевым лицам киноактрис.

Похититель сидел в кресле, держа в руках журнал. Он разглядывал две картинки, на вид совершенно одинаковые. На одной был нарисован барсук и на другой — барсук. Под барсуками напечатано мелким шрифтом:

«Найдите на этих картинках шестнадцать различий».

Прицеливаясь взглядом то в одного барсука, то в другого, Похититель искал различия.

«Ага, — думал он. — У этого барсука две ноги, а у этого три. Вот вам и различие».

Довольно скоро Похититель справился с этим нехитрым делом и вдруг неожиданно для себя обнаружил семнадцатое.

«Что за чертовщина! — подумал Похититель и принялся раздражённо подсчитывать различия, загибая пальцы. — Так точно — семнадцать!»

Похититель отбросил журнал, достал лист бумаги и шариковую ручку. Он решил немедленно написать письмо в редакцию и обругать сотрудников покрепче. Некоторое время сидел он задумавшись. Хотелось сразу же, с первой строчки уязвить редакцию, но ничего особо хлёсткого он придумать не мог и начал так:

«Дорогие товарищи! Недавно я смотрел тут на ваших барсуков...»

Похититель остановился, перевёл дух и только хотел сильней нажать на перо, как вдруг раздался звонок в дверь.

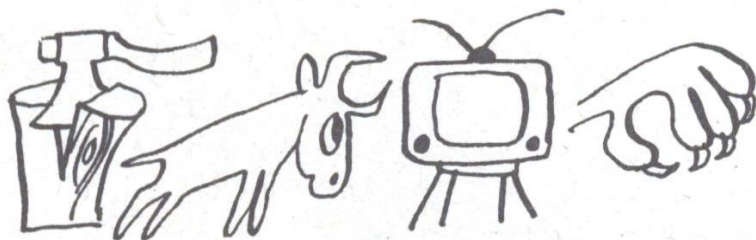
Похититель на цыпочках подошёл к двери, заглянул в щель, но ничего определённого не увидел. За дверью что-то чернелось, а что именно, он не мог понять.

— Кто там? — аккуратно спросил Похититель.

— Почта, — ответили за дверью.

Похититель отворил, принял от почтальона заказное письмо, расписавшись в серой почтовой книге.

Вернулся в комнату, неторопливо распечатал конверт, достал письмо и только лишь глянул на него, побледнел совершенно смертельным образом. На листе было изображено следующее:



От ужаса Похититель немедленно сунул письмо в рот и стал его жевать, потом вынул и снова перечитал. Письмо было, конечно, от Мони и читалось так:

«Меня раскололи
Скорей бодай телевизоры
И рви когти».

Содержание письма настолько потрясло Похитителя, что он чуть было не стал бодать телевизоры, совершенно забыв, что «бодай» на Монином языке — «продавай». Потрясающим, на наш взгляд, было не только содержание письма. Потрясающим был также факт, что письмо отослано было из Карманова два часа назад и за эти два часа успело доехать до Похитителя. Кармановская почта, так же, как и милиция, работали поистине великолепно. Удивительным было и то, как Моня сумел написать, зашифровать и отослать письмо, находясь на допросе. Однако факт остаётся фактом — успел, настолько сильно было развито в нём чувство товарищества. Хотелось бы, чтоб читатель этой книги брал бы иногда с него пример.

Не зная, что делать, Похититель несколько секунд метался по комнате, схватил журнал и снова глянул на барсуков. Мозг его в этот момент работал так блестяще, что обнаружил восемнадцатое различие.

С яростью отбросив журнал, Похититель замер, схватился за грудь. Он почувствовал, что в душе его рухнула гора.

«Гора, — в ужасе подумал он, — рухнула гора!»

Похититель давно замечал, что в душе у него есть какие-то горы. Вроде даже целый горный хребет. Они помогали жить, укрепляли душу и хоть рушились время от времени, но в целом хребет был крепок. А тут рухнула огромная гора типа Эверест. Обломки её завалили сердце, которое вдруг совершенно перестало биться.

«Вот как, оказывается, умирают», — подумал Похититель, судорожно пытаясь найти свой пульс. Пульса не было.

«А сердце! Бьётся или нет?»

Сердце не билось и совершенно не прощупывалось. В отчаянии Похититель каким-то образом вывернул голову и прижал ухо к собственной груди. Сердце стояло на месте не шевелясь. Оно совершенно не билось, и тем не менее Похититель был жив. Да, это было настоящее медицинское чудо: человек с небоющимся сердцем подошёл к шифоньеру, достал верёвку и принялся увязывать телевизоры.

Однако связать четыре телевизора в один узел было делом совсем не простым. Даже человек с бьющимся сердцем изрядно бы попотел, а Похититель ловко опутал экраны верёвкой, успевая щупать время от времени свой пульс.

Прозвенел звонок в дверь, и Похититель схватился за сердце, но оно по-прежнему молчало, окаменев.

Похититель подошёл к двери, заглянул в щёлочку и опять ничего не увидел: за дверью что-то серело, а что именно, разобрать было невозможно.

— Кто там? — очень ласково спросил Похититель.

— Почта, — ответили за дверью.

Похититель отворил дверь и тут же сердце его ударило громом. Началось настоящее сердцетрясение, от которого рухнули остатки душевного горного хребта, — за дверью стояли два милиционера.

ТУРМАН И ТУЧЕРЕЗ

Я давно заметил, что люди немного глупеют к вечеру. Днём ещё как-то держатся, а к вечеру глупеют прямо на глазах: часами смотрят телевизор, особенно сильно играют на гитарах, ссорятся чаще, чем днём, и главное — много едят.

Вот и мы немного поглупели. Мы глядели на Моню — и не могли понять, кто это перед нами. А он, белокрылый, в чёрном капюшончике, прохаживался по крыше и клевал крошки.

Наконец, Длинный упал на колени, схватил Моню, прижал к груди и осыпал градом поцелуев, не замечая, что к ноге великого турмана прикручено проволочное кольцо, в котором явно светит записка. Я хотел указать на это Длинному, но не находил подходящих слов, а «ещё бы» не слишком годилось к случаю. Длинный записки не замечал.

— Ещё бы... — сказал всё-таки я.

Длинный не обращал внимания, целуя Моню.

— Ещё бы, а ещё бы, — продолжал я.

Длинный целовался и всхлипывал.

— Ещё бы, чёрт, — не удержался я, — Моньку он видит, а записку не видит. Что ты, ослеп, что ли?

Длинный изумлённо поглядел на меня.

— Ещё бы тебе очки протереть, — говорил я и не мог остановиться, меня прямо понесло. — Разуй глаза, записка у Мони на ноге. Понимаешь?

— Ещё бы, — ответил Длинный, но не видел записки и не понимал ничего.

Тогда я решительно взял дело в свои руки, достал записку. Вот что было написано в ней:

«Пуговица сработала. Остатки монахов в количестве четырёх находятся в кармановском отделении милиции. Куролесов».

Нужно ли говорить, что мы с Длинным немедленно бросились на поезд, стремительно смотались в Карманов и успели в тот самый момент, когда старшина Тараканов кормил голубей колбасой.

— Как вещественное доказательство она устарела, — говорил старшина. — А для голубей подойдёт.

— Голуби колбасу не едят, — возражал Фрезер, — им надо зерновых культур типа гречки.

Василий Куролесов выдал нам четырёх монахов, проводил до поезда и долго махал рукой вслед нашей электричке.



В этот же вечер мы вернулись домой и успели погонять голубей. Весь двор, конечно, был заполнен жильцами, многие залезли даже на крышу, чтоб увидеть это чудо — монахов, летающих в вечернем небе.

Вдруг со стороны Красного дома послышался пронзительный свист. Это свистел Тимоха-голубятник. И вслед за свистом из глубины Зонтичного вырвался голубь. Белый, как снег, он стремительно прошёл мимо монахов, прямо подымаясь вверх.

Это был знаменитый Тимохин Тучерез.

Завидев его, Моня оторвался от стаи и дунул следом.

Тут бешено засвистел Длинный, засунув в рот буквально все пальцы, и я поддержал, и дядя Сюва, и Райка Паукова, и тётя Паня ужасно засвистела с четвёртого этажа, и даже бабушка Волк засвистела тем самым свистом, который называется «Воскрешение Лазаря».

А Тучерез поднялся уже высоко и всё шёл вверх, чуть с наклоном, набирая высоту... Просто жалко, что не было в небе тучи, которую он бы с ходу разрезал пополам.

Вот он встал, как жаворонок, на месте, сложил крылья и камнем стал падать вниз.

Тут же Моня подхватился вокруг него — завил спираль.

Тучерез упал на крышу Красного дома, раскрыв крылья в самый последний момент, а Моня перевернулся через крыло, через голову, пролетел у самой Тимохиной головы и снова взмыл кверху, догоняя монахов.

А солнца уже и не было видно. Хвост заката торчал из-за кооперативного дома, фонари зажглись в Зонтичном, а в небе появились две или три звезды. Сумрачный, фиолетовый лежал Зонтичный переулок под вечерним московским небом Сверху, с крыши, уже и не было видно лица бабушки Волк, сидящей под американским клёном, и дяди Сювы в окне третьего этажа. До нас долетали только отдельные их слова:

— Сейчас бы селёдки баночной.

— Да есть у меня пара красноглазок, заходите, бабушка.

Жильцы перебегали из подъезда в подъезд, хлопали дверями, и в окнах уже зажигался свет.

На пустыре опять горели овощные ящики, и возле огня виден был какой-то кривой силуэт с граблями в руках. Он то взмахивал граблями, как будто гоня ворон, то вскидывал их на плечо наподобие винтовки, то шарил ими в огне. Переломивши грабли об колено, он бросил, наконец, их в костёр и долго сидел на корточках, глядя, как сгорают они.

За Красным домом на Крестьянской заставе вспыхивали фары троллейбусов и автомашин, из метро вылезали на площадь разноцветные человеческие тени, рассыпались в разные стороны, и редко какая-нибудь их них поворачивала в наш переулок.

— Опять она повесила курицу между дверями, — послышался сердитый голос. — Да купи же ты холодильник.

— Не твоё дело, — отвечала Райка, — куда хочу, туда вешаю. Отцепитесь от меня.

Райка подошла к окну, полила из лейки зелёный лук, выглянула во двор, но никого не было уже видно во дворе — ни бабушки Волк, ни дяди Сювы. И Жильца из двадцать девятой квартиры не было нигде видно.

Скучный сидел он дома и перебирал перья — красные и золотые, скромные и многоцветные.

«Что в них толку, — думал он. — Взлететь мне они не помогут».

Жилец вспомнил было сон про Райку Паукову, но тут же подумал: «Какая такая Райка? Эта грубая женщина?! Да она даже улыбнуться не может. Только грубит».

Жилец захлопнул альбом, кинул его на шкаф, надел пиджак и вышел на улицу.

Мрачный-мрачный постоял он под американским клёном, вздохнул и пошёл за ворота.

«Не жилец я на этом свете», — думал Жилец.

Мрачный-мрачный шёл он по переулку, шёл и шёл и не оглядывался назад. А зря не оглядывался, потому что следом за ним шла Райка Паукова и смеялась.

КОНЕЦ



ШУРА +
ВАСЯ

ЗДЕСЬ БЫЛ Я!
ВАС

ЮРИЙ КОВАЛЬ

ПРО МАХ ГРАЖДАНИНА
ДОШАКОВА

ПОВЕСТЬ

КАРМАНОВ
РСК
КУ

Рисунки Леонида Тишкова



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Гражданин Лошаков бежал босиком по голому снегу.

Он направлялся в город Курск.

В чистом поле, кроме снега, не было ни души.

На левую пятку гражданин Лошаков натянул беспалую варежку, а правую укутал носовым платком и подвязал верёвочкой. От частых подпрыгиваний верёвочка развязывалась, и тогда приходилось останавливаться, приседая и подвязывая, и гражданин шёпотом ругал верёвочку.

Впереди наметились контуры Курска.

— Я — заместитель председателя! — вскричал Лошаков, врываясь в милицию.

Дежурный милиционер Загорулько равнодушно осмотрел гражданина сверху донизу. Верх его совершенно не интересовал, потому что и вправду был пустяковым. Ну что там особенного было наверху? Ничего заместительского, ничего председательского. Какая-то всклокоченная голова, синий нос, покатые плечи. Низ выглядел повеселее: всё-таки платок, всё-таки верёвочка и варежка, надетая не на своё место.

— Я — заместитель председателя! — настойчиво повторял Лошаков и, заметив, что слова до дежурного не доходят, сократил вскрикивания: — Я — зампред! Я — зампред!

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

В те же дни и годы и примерно в тот же час в город Карманов входил человек в кожаном пальто. Возле его сапога продвигалась невысокого роста собака.

— Мало, Матрос, мало, — говорил человек невысокой собаке. — Мало что тут изменилось. В мире происходит чёрт знает что, а в Карманове всё одно и то же. Впрочем, ты давай нюхай внимательно. Нет ли чего нового?

Низкорослая рыжая собака Матрос внимательно нюхала, размышляя:

«А на кой нам пёс это новое? Нас и старое устраивает. А то понаделают повсюду нового, не знаешь, куда и нос засунуть».

Матрос по натуре был настоящим поклонником старого, особенно если в этом старом возникает что-то новое, ну вроде запаха свежих вчерашних щей в старой собачьей конуре.

Жители города Карманова — кармановцы и кармановки — осматривали человека с собакой, прикидывая, где они могли его видеть. Один специалист по кожаным пальто, которого звали Сыроежка, отметил в своём блокноте появление на улице нового изделия из кожи.

Возле магазина «Наручные и карманные часы» человек в кожаном пальто остановился. Он долго рассматривал часы, выставленные в витрине.

— Нету, Матрос, нету, — сказал человек собаке. — Ничего подобного нету.

С этими словами он вынул из кармана собственные часы, щёлкнул крышкой, и тут же раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

— Славный бимбар, — послышалось за его спиной. Сыроежка заглядывал сбоку, намётанным оком оценивая всё сразу: пальто, часы, человека и собаку.

Но больше его всё-таки интересовало пальто.

— Это хром? — спросил он, щупая ногтем рукав.

— Это сталь, — ответил человек с часами.





ГЛАВА ТРЕТЬЯ. УТРО ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА

А утро в тот день выдалось великолепное. Доброе морозное утро: солнце и снега хруст.

«Двух баранов и четырёх гусей, — думал утром гражданин Лошаков. — Воскресенье, день базарный. Продам гусей — Сидора, Никифора, Савву и Иннокентия и двух баранов, не имеющих имени. Гусака Зобатыча пока приберегу».

Лошаков надел сапоги и тулуп, кинув связанных баранов в сани, запряг кобылу Секунду и через часок был уже в чистом поле, километрах в пяти от родной деревни Болдиново.

Гражданин Лошаков был действительно заместителем председателя колхоза «Великие Лучи» и вёз продавать колхозные принадлежности — гусей и баранов. Он надеялся выручить крупную сумму денег и купить для колхоза что-нибудь нужное и мощное, скажем, духовой оркестр.

«Кларнетистом назначим Мишку Дудкина, флейтистом — счетовода, а сам, как зампред, буду играть на геликоне — всё-таки размер и густота звука. А председатель пускай в барабан стучит».

Секунда бежала, снежок хрустел, сани скользили, гуси взгагатывали в мешках, а сам Лошаков щекотал баранов и думал о своей будущей игре на геликоне. Он даже надувал щёки, заранее прицениваясь, как выдуть из геликона ноту.

— А ну-ка стой, мужик! — услышал вдруг он.

— Тпру... — сказал Лошаков, выбираясь из мечтаний и щекотания баранов.

Секунда стала.

Лошаков глянул вправо и увидел дуло нагана, глянул влево и заметил ещё одно дуло, неприятное — большое и чёрное. Это было дуло обреза.

«Неужели бандиты?» — подумал Лошаков.

— Вылезь из саней! — сказали неизвестные, которые готовились пристрелить его на месте.

— Вы что, товарищи? — спрашивал Лошаков, вылезая.

— Скидай шубу и сапоги! Скинул?

— Скинул, скинул... скидываю...

— А теперь скажи спасибо, что живым оставили.

— Спасибо, — сказал Лошаков.

— Ноо-о-о, дохлятинка!

Гражданин Лошаков остался стоять на снегу босиком и сквозь глупые слёзы следил, как два незнакомых разбойника уезжают на его санях, увозя безымянных баранов, не говоря уже о шубе, сапогах и гусаках.

«Хорошо хоть Зобатыча дома оставил», — думал Лошаков, поджидая, пока грабители отъедут подальше, и примериваясь бежать в город Курск.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА

— И тогда я побежал в город Курск, — рассказывал Лошаков дежурному милиционеру Загорулько, притопывая босиком перед жёлтыми перилами.

— В Курск? — переспросил дежурный. — Вы пробежали мимо. Промахнулись.

— Как это так?

— Уж не знаю как. Очевидно, Курска вы не заметили. А это город Карманов.

— Какой ещё Карманов? Никакого Карманова на свете нет.

Дежурный засмеялся, и в самый разгар его смеха в милицию вошёл человек в кожаном пальто, а за ним и собака, которая сразу же спряталась под лавку.

— Послушайте, товарищ!!! — воскликнул Загорулько, обращаясь к вошедшему и не замечая собаки. — Вы только послушайте. Этот потерпевший уверяет, что города Карманова на свете нет! Каково?

Человек в кожаном пальто деловито улыбнулся.

— Он ещё скажет, что и города Картошина на свете нет!

Эта шутка до того насмешила дежурного, что он нырнул от смеха под прилавок, вытирая слёзы.

— Промахнулся мимо Курска, — хохотал он, кивая на Лошакова. — А теперь говорит, что Карманова на свете нет! Вот так потерпевший!

Когда дежурный отхохотался и протёр слезу, он увидел, что человека в кожаном уже нет перед ним и только босиком топчется по-прежнему гражданин Лошаков, а из-под лавки высовывается наружу неприглядный собачий хвост.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

— Как хотите, а я больше этого не потерплю! — говорил капитан Болдырев, расхаживая по кабинету. — Они уже не то что выросли! Они — распростирались! Рас-про-стра-нились! Немедленно удалите!

— Товарищ капитан! — оправдывался старшина Тараканов, сидя на огромном сундуке, который имел пятерное дно и был взят недавно как вещественное доказательство. — Товарищ капитан, войдите в моё положение.

— Не войду, — жёстко отрезал капитан. — Немедленно сбрийте. Прямо сейчас, на моих глазах.

Капитан открыл стол, вынул из ящика опасную бритву, мыльный крем и помазок, которые, кстати сказать, скрывались в своё время на третьем этаже сундучного дна.

Старшина Тараканов потрогал печальным пальцем свои роскошные рыжие усы. Кажется, на этот раз защитить их не удавалось.

— Но есть ещё доводы в пользу усов, — повторял он однообразно, отодвигаясь от бритвы, которую ему подсовывал капитан.

И капитан подсунул бы эту бритву, и пришлось бы старшине проститься со своим любимым телесным украшением, если б не скрипнула дверь и не заглянул без стука в кабинет человек в кожаном пальто.

— Вам кого, товарищ? — раздражённо спросил капитан. — Здесь оперативное совещание. Закройте дверь.

— Нет, нет! — вскричал старшина. — Совещание уже кончилось. Заходите!

— А я говорю: закройте дверь!

Товарищ в кожаном некоторое время слушал эти препирательства и наконец сказал:

— Приехал подключаться.

— Что такое? — не понял капитан, вглядываясь в посетителя. — Подключаться? Позвольте, это не вы проходили по делу о краже мешка картошки?

— А также по делу о хищении телёнка гражданки Курицыной, — подтвердил вошедший, — а также по делу об убийстве инкассатора картошинского банка, а также...

— Василь Феофилыч! — взревел капитан. — Неужто?

Старшина Тараканов, бледнея, поднялся с сундука и раскрыл объятия:

— Вася!

Тут капитан, старшина и человек в кожаном слились воедино в дружеском порыве, и когда милиционер Загорулько, возмущённый хвостом под лавкой, влетел в кабинет, он увидел картину, очень похожую на скульптуру «Все мы трое — одно».

И тут настало время окончательно сообщить читателю, что человек в кожаном пальто был самый настоящий Вася Куролесов.

— Подключаюсь, — говорил он, выходя из объятий кармановской милиции, — хочу подключиться!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРЕСТУПНАЯ ЧЁРНАЯ ТОЧКА

И ведь было к чему подключаться.

Оперативная машина «ГАЗон», фырча и ворча бензиновым животом, мчалась на место преступления. Машина была выкрашена в зелёный цвет и имела на борту надпись «Изыскательская». Но это было только с одной стороны. С другой она была покрашена в синий и надпись имела «Сантехника».

Шофёр Башилов жал на педали, рядом с ним трясся капитан. Гражданин Лошаков, к которому очень подходило слово «потерпевший», мучительно

вздрагивал на заднем сиденье рядом с Васей и Таракановым. Потрясённый бандитским ограблением, он был ещё дополнительно ошеломлён тем, что попал в город Карманов.

«Как же это я промахнулся мимо Курска?» — мучительно раздумывал он.

— Вот оно! — закричал Лошаков. — Вот оно, место преступления!

Машина остановилась, и место преступления чуть-чуть отодвинулось, не давая колёсам себя.

В чистом поле, в чистом снежном поле лежало, как известно, место преступления. Ничтожной одинокою точкой под бесцветным небом. И ничего особенного в этом месте, конечно, не было. Только босые следы Лошакова, которые направлялись в город, как они думали, Курск, и следы санных полозьев, которые двигались в другую сторону.

— В город Картошин, — сказал старшина. — В Картошин поехали на рынок баранов продавать.

Машину развернули и поехали по следам санных полозьев в город Картошин, а место преступления осталось лежать в чистом поле под серым небом. Когда-нибудь послезавтра пойдёт снег, занесёт следы босых ног, растают к весне снега, вырастут на месте преступления клевер и ромашка девичья, и никто уже не узнает, что над ромашкою когда-то с гражданина Лошакова сняли сапоги.

«Вот так и ходи по земле, — размышлял Вася, — кто знает, простая ли это земля? А не место ли это прошлого преступления?»

Вася глядел на белые поля, на дальние деревни и видел там, вдали за снегами, колокольню, а под ней какую-то чёрную точку. И поля, и деревни, и колокольня, и особенно эта чёрная точка казались ему связанными с различными преступлениями.

— Точка, — сказал он, поднимая палец, — возможно, преступная.

— Что ещё за точка? — заворчал капитан. — Где бинокль?

Бинокль вытащили из-под сиденья, стёрли с него, так сказать, машинное масло и направили окуляры на точку, возможно, преступную.

— Санная подвода, — сказал капитан и передал бинокль потерпевшему. — Гляньте, не ваша ли?

Потерпевший долго пристраивал бинокль к носу, крутил его и вертел.

— Не пойму, моя ли кобыла? Хвост вроде тот, а баранов не видно.

До деревни Спасское, чью колокольню заметил Вася, оставалось два километра, когда двусторонняя машина стала настигать санную подводу.

— Моя кобыла Секунда, моя! — тревожно шептал потерпевший. — И тулуп вон тот справа мой!

— Ложись! — приказал ему капитан, и потерпевшего затолкали на дно машины, где давно уже дремал Матрос. Потерпевший съёжился рядом, что-то шепча про баранов.

Заприметив машину, санная подвода съехала с дороги. Ясно были видны два человека в санях. Один держал руку в соломе, которая прикрывала обрез, другой прятался за бараном.

— Сейчас стрелять начнут, — сказал шофёр Басилов, и старшина клацнул пистолетом.

«Вот тебе и подключился, — думал Вася. — Сейчас так ляпнут пулею в лоб — сразу отключишься... Эх, оружия у меня нет! Что делать? Остаётся одно — гипноз. Буду их гипнотизировать!»

И тут Вася предельно напряг свою переносицу, впился глазами в санную подводу, и его огромный гипноз устремился к бандитам.

Волны гипноза потянулись над снежным полем, поплыли медленно, опутали санную подводу невидимой нитью, и немедленно заснули в санях два гусака, зевнул баран...

— Слушай мою команду! — сказал капитан.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВАРВАРЫ

— Кажись, погоня... Зря мы этого лопухого живым оставили — наступал.

— Да нет, это не погоня. Это какой-нибудь председатель колхоза едет на скотный двор.

— А я говорю: погоня! Главное — стреляй первым. Как только машина встанет — сразу по стёклам!

— Съедем с дороги в сторону... в сторону! Тпруу, дохлятинка!

«ГАЗон» настигал. Ржавый снег летел из-под его бензинового брюха. Секунда прынула влево, и сани врезались в снег. «ГАЗон» с рёвом промчался мимо. Он ворчал и ворчал, удаляясь.

— «Сантехника», а ты говорил — погоня.

— Пронесло... — вздохнул Обрез, переводя дыхание. — Тьфу, чёрт, не пойму, что это в воздухе, нитки какие-то?!

— Паутина, что ли? — сказал и Наган, обтирая нос и лоб.

— Откуда зимой паутина?

Так и не разобравшись, откуда взялась паутина, и, конечно, не догадываясь, что это следы Васиного гипноза, они снова выбрались на дорогу и поехали к деревне Спасское. Миновали первые баньки и сараи, занесённые снегом. В деревне гоготали гусаки, из мешков сдержанно им отвечали. Было воскресенье, из-за сарая доносилась песня:

Сладку ягоду ели вместе,
Горьку ягоду я одна.

На дороге вывалились три мужика в валенках и полушубках. Они шатались и горланили про сладку ягоду. Один шапку где-то потерял, размахивал руками, оступался и падал, его кое-как подымали. Под ногами пьяных крутилась собачонка. Она повизгивала и лаяла, недовольная хозяином.

— Во ведь пьяный, — сказал Обрез, — как новогодняя ёлочка.

— Да они все как ёлочки.

И вправду, рожи у мужиков сияли и сизели, носы краснели, глаза горели.

— Эй, с дороги, варвары! — крикнул Обрез, привставая в санях.

— Милый... дай кобылу поцелую! — крикнул варвар без шапки и чуть не упал под лошадь. — Кобыл, а кобыл! Иди сюда!

И он вправду схватил кобылу под узду, чмокнул в нос.

— С дороги! С дороги! — кричал Обрез. Пьяные расступились, а рыжая собачонка вдруг вскочила в сани и вцепилась в барана. Безымянный баран заблеял.

— Ты что это, а? Барана трогать! — закричал Наган, стараясь отодрать собаку от барана.

— Нет, я всё-таки тебя поцелую! — услышал он в левом ухе и почувствовал, как его охватили ласковые милицейские руки, а собственные его руки оказались скрученными в один миг.

— Тпру... приехали! — послышалось и в правом ухе, и Наган увидел, как обнимают варвары Обреза-напарника, а один из них, с длинными рыжими усами, тычет в нос Обрезу наган!

В город Карманов все отправились уже на двусторонней машине.

Гражданин Лошаков плёлся следом за машиной на своей Секунде. Обрез всё старался высунуться из окна и плюнуть в потерпевшего.

— Прекратите! — строго одёргивал его старшина. — Это некультурно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СТРЕЛЯТЬ ТОЛЬКО В ЛОБ И ПО ДЕЛУ

Да, так уж сложилось дело. Обогнав бандитов, капитан Болдырев спрятал машину в деревне, за сараями. У какой-то бабки раздобыли валенки, у какого-то дедка — рваный полушубок, переоделись и вышли на дорогу встречать бандитов. Тут надо заметить, что всю операцию капитан продумал быстро и точно, но никак не ожидал, что старшина Тараканов затынет вдруг «Сладку ягоду» и станет целовать кобылу.

— И Матрос, конечно, меня удивил, — сказал капитан, когда они снова собрались в кабинете. — С чего он кинулся на барана? Это в план вроде бы не входило.

— Да нет, он кинулся на того, с наганом, — сказал Вася, — а по дороге баран его отвлёк. А вот вы, товарищ капитан, здорово придумали, я готовился брать их прямо в поле.

— Да ведь глупо: стрельба, жертвы. Проще было обогнать их и подождать в деревне.

— А я-то уж и гипноз приготовил. И уже начал, да вы мимо проехали.

— Какой гипноз?

— Свой собственный. У меня в голове гипноз очень сильный. Кого хошь могу загипнотизировать. На маму Евлампьевну, бывало, гляну, а она уж и на печку лезет. Трактористы тоже засыпают все подряд. Так и спят вповалку, пока не разбужу. Но в таком деле, как сегодня, гипноза, конечно, мало. Наган нужен. Вы бы мне уж выдали наган, товарищ капитан. Да вы не беспокойтесь, я зря стрелять не стану. Я так размышляю: если уж стрелять — только в лоб и по делу.

— Кому же это ты будешь в лоб-то стрелять?
— Ну, не знаю, кому надо. По делу.
— Ты ведь в милиции не работаешь. В штат к нам не зачислен, какой же тут наган?
— Да я мучаюсь, — вздохнул Вася. — Я ведь в колхозе тоже нужен, механизаторов не хватает.
— У Васьки всё ж таки специальность, — поддержал Тараканов. — Его надо понять. Но и в милиции, конечно, преимущества, проходишь всюду без очереди.
— Ладно, хватит болтовни! — сказал капитан. — Хочешь у нас работать — приходи и оформляйся. Не хочешь — гипнотизируй трактористов. Подключать тебя к серьёзным операциям я больше не буду. Не имею права.
— Да как же, товарищ капитан? У меня же отпуск! Меня председатель отпустил, я всю технику отремонтировал. Весь отпуск буду с вами.
— Не знаю никакого отпуска, — сказал капитан, отвернувшись к несгораемому сейфу. — Только идиот проводит отпуск в отделении милиции. Поезжайте в Сочи, гражданин. Или — в Сычи.
И тут Вася окончательно обиделся, что его назвали «гражданином», хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого — только хорошее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПАПИРОСЫ ПЯТОГО КЛАССА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СЕКРЕТНЫЙ ПОСТ

У лесной дороги, что вела из города Карманова в город Картошин, в густом кабаньем ельнике лежал капитан. По другую сторону дороги, в барсучьем сосняке, таился Тараканов.

Всё это называлось — секретный пост.

«Что нам известно? — вспоминал капитан, глядя на дорогу. — А ничего нам неизвестно. Но только известно, что какие-то типы нападают в лесу на прохожих, отбирают колбасу и деньги. Колбасу тут же и съедают, а огрызки и шкурки на месте бросают».

По огрызкам капитан вычислил место для секретного поста. Его это сильно раздражало, потому что любому неприятно работать с огрызками. Правда, кроме огрызков, найден был и обрывок бумаги, на котором сохранились печатные буквы: «Пап...осы ...я... к...асс...».

Капитан даже вздрогнул от возмущения, когда вспомнил, какую расшифровку, недолго думая, предложил Тараканов: «Папа и осы взяли кассу»!

— Какой ещё папа? — сердился капитан. — Откуда осы?

— Чего плохого в «папе»? — спорил Тараканов. — А осы — это банда.

После дешифровки удалось установить, что это был обрывок от пачки папирос «Беломор», на которой, оказывается, и написано: «папиросы пятого класса».

— Ну, не знаю, — сказал на это Тараканов. — Я в пятом классе «Астру» курил.

Все эти воспоминания сердили капитана, но, пожалуй, более всего волновало, что опять на шею ему навязался Куролесов. Позавчера приехал из деревни Сычи — дескать, окончательно решил вступить в ряды милиции — и тут же упросил взять его с собою в засаду. Якобы он давно не сживал ни в каких засадах и с детства мечтает в них посидеть.

«Мягкотельный у меня характер! — досадовал капитан. — Зачем я снова подключил его? Зачем?»

Конечно, капитан Болдырев сам на себя наговаривал. Характер у него был твёрдый, а Васю Куролесова он просто очень любил и знал, что на него можно положиться. Во многих делах именно Куролесов выручал капитана.

Сейчас Вася лежал в березничке и дремал, рядом с ним спал и Матрос. Так они спали и дремали, пока не послышался в лесу какой-то треск.

«Тараканов, что ль, усами трещит?» — подумал Вася, но тут же усомнился в возможности треска усов, прислушался.

Из глубины леса к дороге пробирались люди. На дорогу они не стали выходить, а улеглись в кустах. Как потом подсчитали, они лежали от Васи в шести метрах.

— Васьк, — услышал вдруг Вася, — Васьк!

Куролесов уже было приоткрыл рот, чтоб гаркнуть «А?», но в последний момент удержался и приложил палец к носу Матроса.

— Васьк, — послышалось снова, — а сколько их идёт?

— Воруйнога и две вороны, — отвечал в кустах голос какого-то другого Васьки.

«Сколько же Васек на белом свете! — подумал Куролесов. — Никогда не пересчитать. Бывают Васьки хорошие, а бывают и плохие. Вот, скажем, я? Какой я есть такой Васька? Уж, пожалуй, не хуже этого, что в кустах лежит. Голос-то у меня понежнее будет. А у этого — насморк. Смешно: два Васьки в одних кустах лежат».

— Васьк, — послышалось снова. — А чего они несут?

— Узлы, Фомич, узлы.

— А чего у них в узлах-то? — допытывался надоедливый Фомич. — Хорошо бы колбаса. Я уж очень колбасу люблю.

— Ну ты, Фомич, неправ, буженина лучше.

— Мы уж сразу здесь, на месте, перекусим, а то Харьковский Пахан всё отнимет. Ему припасы нужны, уходить хочет вместе с Зинкой.

— Куда?

— В Глушково, наверно, к Хрипуну, там спокойней... тише, тише, доставай дуру.

В кустах послышался какой-то чёрный лязг, и Куролесов понял, что это лязг нагана, когда взводят курок.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РИДИКЮЛЬЧИК

По лесной дороге шли три человека: две бабы в чёрных платках, сильно и вправду смахивающие на ворон. С ними стучал костылём и размахивал авоськами одноногий инвалид, которого назвал Васька «Воруйновою». Все они тащили узлы и рюкзаки, разные сумки. Как видно, в Карманове они славно потрудились, походили по магазинам, потолкались в очередях и теперь возвращались домой, в деревню.

— Ты чего несёшь в узле-то, Натоллий Фёдорыч? — спрашивала одна ворона Райка у Воруйноги. — Колбасу, что ли?

— Ага, Райка, колбасу варёную. Я её уж очень люблю. А ты чего несёшь?

— И я варёную. Потом баранки, пряники. Я это всё тоже очень люблю.

Другая ворона, Симка, в разговор не встревала, но тоже несла в узле баранки и колбасу варёную и, похоже, тоже всё это любила. Ещё она несла, прошу заметить, сумку, в которой была бутылка постного масла. Эту сумку ворона Симка для чего-то называла «ридикюльчик». В ней, кроме постного масла и пряников, лежал остаток в двадцать рублей.

Так, любя колбасу варёную и баранки, они шли через лес и забот не знали. Как вдруг заботы дали о себе знать.

Из кабаньих еловых кустов на дорогу выскочили два человека, один с наганом, а другой с дубинкою в руках.

— Стой! Руки вверх!

— Ой, батюшки-радители! — заголосила ворона Райка.

— Не ори! — прикрикнул на неё Фомич и показал дубинку. — Чего в узлах? Колбаса?

— Колбаса, варёная, — испуганно пояснила Райка.

— А у тебя чего в портфеле? — сказал Фомич, щупая «ридикюльчик».

— Чего? — мрачно отвечала Симка. — Чего надо!

— А ну открой портфель, спекулянтка! Скорее открывай, а то сейчас пулю в лоб получишь.

И Васька с насморком погрозился наганом.

— Да на, смотри, грабитель, шелудивый пёс! Смотри!

И ворона Симка вынула бутылку постного масла, и Фомич сунул свой нос в «ридикюльчик». Он живо выхватил оттуда облитой пряник, сунул его в рот и принялся жевать, продолжая рыться в «ридикюльчике». Пряник был облеплен какими-то нитками и крошками. Фомичу приходилось отплёвываться:


— Тьфу-тьфу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БУТЫЛКА ПОСТНОГО МАСЛА

Куролесов по-прежнему таился в траве.

— Появишься в крайнем случае, — сказал ему капитан.

— А какой же случай будет крайним? — спросил тогда Вася.



— Сам соображай.

И вот теперь Вася лежал и соображал, какой сейчас происходит случай? Вроде бы два негодяя отнимают колбасу у честных тружеников — явный крайний случай. Ну а вдруг потом будет ещё и другой случай, ещё крайнее?! Очень может быть. Если так уж твёрдо рассуждать, то за всяким крайним случаем обязательно лежит другой, ещё крайнее, и к нему обязательно надо готовиться, а то, если первый крайний случай тебя не возьмёт, следующий доконает.

Вася ясно видел, как ворона Симка открыла свой «ридикюльчик», как Фомич сунул туда нос, как зажевал пряник. Этот случай пока ещё не был крайним, жевание пряника — дело житейское.

— Ого! — сказал Фомич. — Тут и денежки имеются! Двадчатки! — И он вынул двадчатку из «ридикюльчика» и сунул в карман.

В этот самый момент послышался железный голос, который прозвучал в специальный звукоусилитель — мегафон-двадцать четыре:

— Это что за безобразия???

Слово «безобразия» в исполнении усилителя прозвучало особенно страшно — «безо-зобо-баразии-рази-азие»!

На дороге возник капитан Болдырев в полной милицейской форме с большим и тугим револьвером в руке.

— Вооружённый грабёж?! — грозно сказал он, строго ступая по дороге. — Бросай оружие! Вы окружены!


— Руки вверх! Бросай оружие! — закричал и Тараканов, выбираясь на дорогу из сосняка.

Фомич и Васька заоглядывались, ничего, кажется, не соображая.

— Двое сбоку! — закричал Фомич. — наших нет!

И в этот момент Симка подняла в воздух бутылку постного масла и грянула Фомича по башке. Бутылка кокнулась, и Фомич пал на дорогу, безвольно дожжёвывая пряник.

Васька с наганом стал нажимать курок, да что-то заело, выстрел никак не раздавался. Он



явно забывал смазывать оружие. Ворунога звучно хрякнул и ударил по нагану костылём.

— Взяли нас! Взяли нас, Фомич! — закричал Васька, падая на колени.

И тут их вправду взяли, и Вася Куролесов видел, как их повели, и слышал, как ворона Райка говорит:

— У меня тоже есть постное масло, да я достать не успела.

— Ты уж мне отлей хоть с четвертинку, картошку не на чем жарить, — ворчала Симка. — Я своим постным маслом вашу жизнь защищала.

«Пожалуй, дело кончено, — думал Куролесов. — Крайнего случая больше не представится. Надо выходить».

В кустах позади него хрустнула веточка. Вася оглянулся.



ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПРИДИРКИ КАПИТАНА

— Запропастился! — сказал капитан. — Просто запропастился! Другого слова не подберёшь.

— Куда девался Вася? — тревожно шевелил усами Тараканов. — Куда запропастился?

Капитан нервничал, и в такие минуты его особенно начинали сердить усы Тараканова. Так и сейчас он прошёлся по кабинету и вдруг остановился возле усов.

— Пора, кстати, вернуться к разговору насчёт ваших усов, — сказал он. — Опять они были не к месту.

— Да как же так?

— А так. Мы с вами на дороге должны были появиться одновременно, а вы задержались на пять секунд.



— Да, наверно, часы...

— При чём здесь часы? Я сам видел, как вы зацепились усами за сосенку и выпутывали их пять секунд. Я нарочно засёк время. Да вон и сейчас в них ещё торчат сосновые иголки.

Усы старшины немного подёрнулись золотой смолой и смахивали издали на сосновую ветку, подсвеченную солнцем.

— Так это же нарочно, товарищ капитан, — оправдывался Тараканов. — Это же маскировка, военная хитрость...

— Сосновая ветвь в милицейской фуражке — дикое и тупое зрелище, — веско перебил его капитан.

Несколько секунд они молчали, и старшина виновато вынимал из усов иголки специальными щипчиками для колки сахара.

— Вы проверили, что курят задержанные?

— Проверил. «Памир» и «Астру». Папирос пятого класса нету.

— А ведь должны быть!

— Вы знаете, товарищ капитан, что я думаю? — спросил, наконец, старшина. — Что случился крайний случай.

— Какой же крайний случай?

— А такой, очень простой. В кустах был третий с папиросами пятого класса, и он Васю, возможно, топориком.

— Почему топориком? Каким топориком?

— Не знаю, но мне почему-то кажется... топориком.

ГЛАВА ПЯТАЯ. КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

Тень, какая-то тень скользила от сосны к сосне, доплыла до ёлочек, легко поползла к дороге.

Человек с квадратной головой, как потом подсчитали, прополз от Васи в двух шагах, дополз до пня и, прикрываясь обломком сосновой коры, выглянул на дорогу.

Медленно, неторопливо, обстоятельно он вынул из-за пазухи пистолет, положил его на пень и стал целиться в кого-то на дороге. С дороги между тем доносились слова:

— Всё постное масло об него изгадила.

«Какая башка квадратная! — думал Вася. — Пожалуй, это и есть тот Харьковский Пахан, про которого Фомич говорил. Вот он, крайний-то случай. Надо прыгать!»

И Вася сжался в тугую милицейскую пружину, и уже чуть-чуть разжался, и даже почти полетел по воздуху, чтоб рухнуть на плечи квадратной головы, но тут квадрат убрал пистолет, бесшумно плюнул и пополз обратно через лес. От сосны к сосне, от берёзы к берёзе он переполз весь перелесок, пересёк на четвереньках гороховое поле и очутился на окраине города Карманова на улице Сергеева-Ценского, дом 8. Через три минуты, как потом подсчитали, возле этого дома был и Вася Куролесов, а с ним молчаливая собака Матрос.

Дом номер 8 выглядел одноэтажно, с терраской. Откуда-то из форточки сильно пахло табаком, пожалуй что и пятого класса.

Матрос, который всё это время помалкивал, неожиданно заскулил, закрутился у Васиных ног, не желая, чтоб хозяин заходил в этот дом.

А занавесочка-то, занавесочка! Занавесочка с плюгавенькими рыжими цветочками на окошке дома вдруг шевельнулась, и какой-то сорочий глаз из-за этой выглянул занавесочки и вперился в Васю. И тут Вася шепнул потихоньку Матросу:

— Беги в отделение!

Ну что тут оставалось делать собаке? И Матрос побежал исполнять этот тихий приказ.

Конечно, любая другая собака на месте Матроса стала бы спрашивать, зачем да почему? Возникла бы перепалка хозяина с собакой, что нередко ещё бывает на улицах Карманова и других соседних городов. Это всегда выглядит как-то неприлично, стыдно становится и за хозяина, и за собаку.

А Матрос не стал спорить. Отбежав на другую сторону улицы, он, шмыгая носом, наблюдал за своим хозяином.

Вася пошёл к калитке, не зная и не соображая, что будет сейчас делать. А сорочий-то глаз тянул, притягивал, манил из-за этой поганенькой занавесочки.

Понимал, конечно, Василий Куролесов, что идёт он к дому напрасно и зря, что на самом-то деле надо бы ему, а не Матросу бежать в отделение и рассказать капитану про Зинку и Харьковского Пахана. Да ведь «они» могут за это время из дому уйти, а то, что в доме, от которого пахло папиросами пятого класса, были «они», Вася не сомневался.

И он стукнул в дверь. Подробно стукнул. Условным как бы стуком.

Дверь сразу открылась, и баба с вострым носом и сорочьим глазом сказала:

— Ну?

— Зинка? — так же прямо и грубо спросил Вася.

— Ну?

«Попал, — мелькнуло в голове. — В точку».

— Позови Пахана, — сказал он.

— Чего? Какого Пахана?

— Харьковского.

— А ну вали отсюда, пока цел, — проворчала Зинка.

Но тут огромная и ноздреватая объявилась за Зинкиной спиной квадратная будка с двумя отверстиями для глаз и кнопочным носом. Будка что-то жевала, во рту у неё гремял какой-то железный сухарь. Кроме грома сухаря, пылала в этом рту и папироса, в которой Вася сразу признал пятый класс — «Беломор».

— Пахан? — спросил Вася.

— Ну? — ответила Будка.

— Да что это вы всё «ну да ну». Баранки гну. Не хотите — не надо, я пошёл.

И тут же рука с лопатными ногтями ухватила его за шиворот, втащила в дверь и расставленно, с угрозой промычала:

— Ну?

Пора было что-то отвечать, и Вася помигал глазом, понизил голос и сказал:

— Я от Фомича. Его взяли.

— Где видел?

— В отделении. Так вот, велел передать, чтоб уходили послезавтра.

— Послезавтра? — удивился Пахан-Будка-Квадрат. — Почему послезавтра?

— Завтра-то он ещё будет держаться, а уж послезавтра расколется. Он сам сказал: «Продержусь сутки, а потом расколюсь».

— Ага-ага! — закивал башкою Пахан Харьковский. — Расколется, значит, гад. А ты по фене ботаешь?

— Чего?

— Ты по фене ботаешь?

— Я-то ботаю, — ответил Вася. — А ты-то как?

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОЛЁТ МИЛИЦЕЙСКОГО ПРЕСС-ПАПЬЕ

Известная нам двусторонняя оперативная машина недавно вернулась из ремонта. Она так и осталась двусторонней, только вместо слова «Изыскательская» написали теперь «Спецобслуживание», а вместо «Сантехники» — «Гостелерадио».

— Оставили бы «Сантехнику», — ворчал Тараканов. — На сантехника ещё более-менее похож, а на телекомментатора не слишком. Тут уж вы, пожалуй, товарищ капитан. У вас глаза цвета «маренго».

— Сбреете усы — сразу станете телезвездой, — обещал капитан.

Машина мчалась в кармановский ельничек, в барсучий соснячок на рыски пропавшего Куролесова. Но как потом подсчитали, ровно через три минуты после того, как она умчалась, в отделение милиции города Карманова вбежала рыжая собачонка с невзрачным колхозным хвостом. Если б хвост у неё был более городским или дежурный милиционер Загорулько более деревенским, дело могло кончиться иначе. Дежурный хотя бы задумался, где её хозяин? Он, конечно, прекрасно вспомнил, что это собака Васи Куролесова, но никакого уважения к ней не испытал, тем более что и сам-то Куролесов дежурному не нравился. Слишком уж нахваливал его старшина.

И Загорулько топнул на собаку сапогом, ударил по столу пухлой папкой протоколов, а потом схватил эдакое пресс-папье и метнул его в собачонку с криком: «Долой животных из отделения!»

Пресс-папье в полёте развалилось на составные части. Деревяшки и бумажки посыпались-полетели на пол, и перепуганный Матрос влетел в камеру предварительного заключения, из которой только что выпустили гражданина Сыроежку.

— Вот и посиди там, — сказал Загурулько. — Подожди хозяина. — И он защёлкнул камеру на ключ.

Матрос заметался по камере, вспрыгнул на нары и встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до решётки окна. Но и человек-то до неё не мог дотянуться, куда уж тут собаке с деревенским хвостом!

С десяток минут Матрос беспокойно метался по камере. Он не выл и не лаял, он — метался. Вдруг почувствовал что-то родное, знакомое, снова вспрыгнул на нары, прижался к потёртой стене и успокоился.

Не знаю уж, про что он думал, но скорее всего, что собаке срока не пришьют. Над ним на стене виднелась полустёртая надпись: «Вася и Батон тянули здесь...» Далее надпись совершенно стёрлась, и чего они здесь тянули и сколько вытянули, было никому не известно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА

В это время, задыхаясь, спотыкаясь и чертыхаясь, старшина Тараканов продирался по кармановскому ельнику. За ним неторопливо шагал капитан. Старшина шёл зигзагами или, как он говорил, «собачьим челноком», а капитан выдерживал прямую линию.

Прямая капитанская линия привела к носовому платку, который лежал на траве. В уголке платка был вышит маленький розовый поросёночек.

— Васькин фирменный знак, — заметил старшина.

— Кажется, дело чрезвычайно опасное, — задумчиво сказал капитан. — Платок — для нас.

— Платок платком, а больше ни следочка. Эх, сам ведь я научил его двигаться бесследно!



— Должен быть след, — уверенно сказал капитан, — Куролесов не дурак, он должен использовать подручные средства. Уж если он оставил носовой платок, он нам весь путь покажет.

— Не знаю, какие у него ещё остались подручные средства, — сказал старшина. — Брюки, что ль, снимет? Иль ботинки?

— Тебе-то было бы легче, — заметил капитан. — Протянул ус от дерева к дереву, на пару километров хватит.

Старшина закашлял, достал из кармана маленькую подзорную трубу и принялся осматривать местность. Он знал, конечно, в каких случаях капитан переходит на «ты». В нехороших.

— Вижу подручное средство, — доложил старшина. — Вон оно — на дереве висит.

Шагах в тридцати от них на сосне висел гриб-маслёнок, нахлобученный на сучок.

— Не белочка ли? — засомневался капитан Болдырев.

— Может, и белочка, а скорее Васькина лапа.

Они подошли к маслёнку и вдруг увидели впереди, на другой сосне, новый маслёнок. Старшина снял первый маслёнок с сучка и положил его в кепку, снял второй и тут же увидел третий. Скоро в кепке его было уже десятка два отборных маслят, потом пошли подосиновики и подберёзовики, два моховичка, пара хорошеньких белых.

— Вы что, солить их будете? — спросил капитан.

— Солить не солить, а на жарено тут наберётся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВАСЯ БОТАЕТ И ЧИРИКАЕТ

Рука с квадратными ногтями втащила Васю в сени, без всяких затруднений проволокла по коридорчику, спустила по крутой лестнице куда-то вниз, в район погреба.

— Пстой! Пстой! — тормозил Куролесов каблуками. — А в чём, собственно, дело? Не время шуток.

Квадратная Будка сопела, протаскивая его через ящики и бочки. Где-то наверху вспыхивал и возникал Зинкин сорочий глаз:

— Осторожно! Осторожно! Бутыль не разбей. Не опрокинь бак с огурцами!

Но бак, за который Вася зацепился карманом, всё-таки опрокинулся, полился из бака укроп с рассолом, а в укропе, в хреновом листу, как рыбы в водорослях, скрывались огурцы. Они попрыгали из бака, захлопали хвостами, разбежались по полу.

— Только не по огурцам! Только не по огурцам! — кричала сверху Зинка. — Огурцы перетопчете!

Но Вася чувствовал, что его тащат всё-таки по огурцам, они лопались под каблуками, как рыбы пузыри.

Тут вдруг выскочила откуда-то трёхлитровая стеклянная банка, блеснул в сумраке погреба бутылочный бок, кривая трещина перечеркнула стекло, бан-

ка развалилась и жутко, страшно таинственно в погребе запахло маринованным чесноком.

— Чеснок??? — орала теперь сверху Зинка. — Маринованный чеснок разбил?!

Наконец, Васю плюхнули на ящик. У ног его взвизгивал чеснок и подло ворчали уцелевшие огурцы. И Вася понял, что, если уж вокруг него опрокидывают огурцы и бьют чеснок, дела его плохи.

— Осторожно! Чеснок! Огурцы! Осторожно! — орала Зинка, заглядывая сверху в погреб. Её кудлатые космы свешивались в погреб, как абажур.

— Чё! — грозно прикрикнул Пахан, выталкивая абажур наверх.

— Не понимаю, — сказал Вася, отдышавшись. — За что ко мне такие применения? Я же всей душой и телом, а меня чесноком душат.

— Так ты по фене ботаешь?

— Ботаю. Изо всех сил ботаю.

— А по-рыбьи чирикаешь?

— Чирикаю.

— Врёшь, скворец! На бугая берёшь! Порожняк гоняешь! Лапшу на уши двигаешь!

— Не двигаю, не двигаю я лапшу! — закричал Вася, потому что увидел, что Пахан сунул руку в карман, в котором тяжело болтался пистолет.

«Ну, попал! Вот уж попал-то! — лихорадочно думал Вася. — Феня — ведь это бандитский язык, а я-то его не знаю, не ботаю и не чирикаю. Что ж делать-то? Гипноз! Скорее гипноз!»

И он сморщил переносицу, но гипноз, собака, никак не появлялся, затаился, напуганный запахом чеснока.

«Ну тогда разумом, тогда разумом, — думал Вася. — Возьму его разумом, неожиданной мыслью. Задавлю интеллектом».

— За что такие придирки? — высказал вдруг Вася эту неожиданную мысль. — Почему глубокое недоверие? — продолжал он давить интеллектом. — Я же предупредил, меня же и угнетают?!

— Феню не знаешь, — сказал Пахан и покачал квадратною будкой. — Ну скажи, что такое «бимбар»?

— Так вот же он, бимбар. Вот он!

И Вася вынул из кармана часы.

— А ну дай сюда.

Пахан схватил часы, щёлкнул крышкой, и часы взыграли:

«Здравствуй, моя Мурка,

Здравствуй, дорогая.

Здравствуй, а, быть может, и прощай...»

И здесь автор должен, конечно, отметить редкую способность знаменитых часов: приспособляемость к обстоятельствам.

— Мурку играют? Всё равно, твоё-то время истекло. — И Пахан сунул часы в собственный карман. — Не знаю, откуда ты, да только мне ты живой не нужен.

Он зевнул и достал пистолет. И самое страшное показалось Васе именно то, что он зевнул.

— Нет, нет, — сказал Вася. — Я ещё живой пригожусь.

— Только не мне, — сказал Пахан и сразу нажал курок.

Грянул выстрел — и пуля-дура полетела в открытую Васину грудь. И последнее, что слышал Куролесов, был глупый и неуместный сверху крик:

— Только не по огурцам!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. УХОДЯЩАЯ ГАЛОША

По маслятам да по моховикам капитан со старшиною добрались до улицы Сергеева-Ценского.

— Помню, брали тут двух самогонщиков, — сказал старшина. — Трудное было дело: они из самогонных пулемётов отстреливались, но мы их пустыми бутылками забросали...

— Ищите след, — прервал капитан неуместные воспоминания. — Грибов больше не видно.

— Как же не видно? Вон он гриб, висит на заборе. — На заборе висела свинуха, тот самый гриб, который называют дунькой и лошадиной губой.

— Из-за этого самого забора они нас сивухой поливали, — задумчиво вспоминал Тараканов. — Инспектор Нахабин в обморок упал, но мы...

— Хватит, — сказал капитан. — Ищите следующий гриб.

Но больше, сколько ни оглядывались, грибов они не нашли ни пустым глазом, ни подзорной трубою. Единственное, что бросалось в глаза, была рваная галоша, лежавшая посреди дороги.

— Прекрасно помню эту галошу, — сказал старшина. — Она как раз болталась на ноге у самогонщика, когда инспектор Нахабин достал пистолет, но полковник Двоекуров сказал: «Не стрелять», — и галоша от ужаса упала. Только раньше она валялась вон там, у забора. Так-так... Это Васькина лапа! Галоша как подручное средство! Талантливый паренёк! Нам надо идти в направлении галоши.

— Пошли, — сказал капитан, и они двинулись в ту сторону, в какую как бы шла эта галоша.

— Интересно, что будет дальше? Опять галоша?

— Ну нет, — сказал старшина, — вторая галоша осталась у самогонщика. Когда полковник Двоекуров приказал брать их живыми, мы с инспектором короткими перебежками...

— Хватит о самогонщиках! — приказал капитан. — Ищите след.

— Слушаюсь... так что второй галоши не будет... молчу, молчу... Итак, Куролесов хватает первое попавшееся под руку. Ему некогда, он торопится, надеясь на нашу смекалку. А уж смекалка-то у нас есть. У нас много смекалки. Вот глядите — консервная банка! Вот она где, смекалка-то!

— Не вижу здесь особенной смекалки, — заметил капитан. Он, кажется, немного ревновал к такой большой таракановской смекалке. Кроме того, ка-

питан чувствовал, что Тараканов своей неумеренной смекалкой защищает право на ношение рыжих усов.

— Баночка лежит ненатурально! Она лежит донцем к нам, а дыркою чуть правее. Надо и нам подаваться правее.

Они подали правее и скоро наткнулись на бутылку из-под «Нарзана», чьё горлышко забирало ещё правее.

— Так, — сказал старшина, — глянем по направлению бутылочного горлышка. Так, так. Улица Сергеева-Ценского, дом 8.

— Надо проверить, — сказал капитан.

Здесь автор должен на всякий случай отметить, что капитан и старшина были в штатском.

— Нехороший дом, — сказал капитан, принохиваясь, — от него чем-то пахнет.

— Не укроп ли?

— Да нет, чесноком и, кажется... порохом.

— Папиросы пятого класса... вон окурок валяется.

Долго и нудно капитан стучал в дверь. Профессиональный стук капитана растряс английский замок, в нём что-то пискнуло, и дверь отворилась.

Капитан осторожно ступил в дом. Усы Тараканова потянулись за ним. В сенях было пусто. Оцинкованные баки валялись в углу и разбитые умывальники, а в комнате капитан сразу увидел большой шкаф-гардероб.

В шкафу что-то слышалось и шевелилось.

«Там кто-то есть!» — знаками показал капитан Тараканову, который постепенно всасывался в комнату.

«Надо брать!» — ответил усам старшина.

«Валяйте!» — взглядом приказал капитан. Старшина подкрался к шкафу, распахнул дверь и просто крикнул:

— Вверх!

И тут же из шкафа — руки вверх! — выступил человечек с небритым подбородком.

— Меня сюда запрятали, — сказал он улыбаясь.

— Кто вы? — сбоку с револьвером в руке спросил капитан.

— Я — Носкорвач. Носки рву. Мне мама как купит носки, два дня поношу, глядишь — уже дырка на пятке. «Тебе, — говорит, — надо железные носки». Но я и железный разорву. Пойдёмте в шкаф, я покажу, сколько там рваных носков валяется. Даже неудобно.

Минуты через три, как потом подсчитали, капитан Болдырев и старшина Тараканов поняли, что перед ними круглый сумасшедший. Он совал им под нос рваные носки, зазывал их в шкаф, просил подобрать пару какому-то подозрительному носку в полосочку — в общем, валял большого дурака.

— Слушай, Носкорвач, — раздражённо сказал старшина, — кто тебя в шкаф запрятал?

— О! — напугался Носкорвач. — Это большая тайна!

Тут он принялся раскачиваться, читая стихи Редьярда Киплинга:

Это рассказывать надо
С наступлением темноты,
Когда обезьяны гуляют
И держат друг другу хвосты...

— А вы ведь не обезьяны, — неожиданно трезво заметил он. — Вы — оперативники, вам рассказать я никак не могу.

— Мы тебе новые носки подарим, — заманивал старшина. — С шерстяною пяткой.

— Правда? — обрадовался Носкорвач. — Ну, тогда скажу: «Пахан». Только мне носки сорок третьего размера.

— Для тебя хоть сорок четвёртого.

— Ну, тогда я всё расскажу. Пришёл человек. А Пахан чай пил. Вот они вдвоём и убежали, а меня в шкаф запрятали. Сиди, говорят, пока за тобой не придут. Нет ли у вас пирожка с печёнкой? А ещё я люблю жареные грибы, и вообще мне надо побольше снеди. У вас есть снесь?

— Снеди нету! — строго отвечал старшина.

— Как же так? Оперативные работники, а снеди не имеют! Странно!

— Куда же они убежали? — спросил капитан.

— Туда, где шарики катаются.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ВЗГЛЯДЫ В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ

Пуля-дура, как уже говорилось, вылетела из пистолета и полетела в открытую Васину грудь. Быстро, стремительно преодолевала она сантиметр за сантиметром и скоро должна была вонзиться в сердце.

Она летела и по дороге немножечко умнела. Не всякая же, чёрт возьми, пуля — дура! Я знаю, кстати, немало дур, но не все же они — пули!!!

Надо сказать, что эта пуля была умней других, интеллигентней. Она понимала, что вонзиться в грудь беззащитного Васи нехорошо, подло, безнравственно, в конце концов. Она хотела немного изменить направление, да сделать это было очень трудно.

«Пороховые газы толкают, чтоб им пусто было, — думала пуля, летя. — Вася, Васенька, увильни. Ну хоть на пару сантиметров».

И Вася почувствовал её немой призыв, дёрнулся в сторону и потерял сознание, а пуля пробила его пиджак и вонзилась в грудь брюквы. Как потом подсчитали, она пробила одну за одной 49 брюкв и два кило моркови.

Вася дёрнулся и затих.

— Этот готов, — сказал Пахан, схватил совковую лопату и завалил Васю брюквою.

Муть, великая муть навалилась на Васю. Брюква погребла его тело, великая муть окутала душу. И тяжело стало его душе. Она металась, раздваивалась и не знала, как дальше быть. И особенно отчего-то тяжело было этой душе, что перед нею в будущем только два пути: или работать трактористом, или

идти в милицию. Где же третий настоящий, истинный путь? Ну, не под этой же тяжёлой и грязной брюквой?!

И тут мы, конечно, должны отметить, что Васина душа была не права. Ну чего такого плохого работать в милиции? Ходи себе, да арестовывай, кого надо. Никакого особого напряжения, не дрова колоть. Или трактористом — сидишь да пашешь! Красота! Не права была душа, потрясённая выстрелом, вовсе не права.

Пока душа его металась и размышляла, сам Вася был совершенно без сознания. Он ничего не осознавал, кроме того, что его всё-таки убили.

«Неприятно-то как!» — думал он.

Наверху над ним кто-то топал, бухал, потом всё затихло.

Тьма и тишина погребца убаюкивала Куролесова, он лежал не шевелясь, пока не услышал какой-то шорох. Не мышка ли?

Вася отодвинул бровью брюковку со лба, высунул наружу живой глаз, но мышку не увидел.

Беспробудная тьма окружала Васю, и холод, тусклый холод пронизывал его насквозь, гнилой холод, нехороший. В холоде очень хотелось есть, и Вася стал грызть огурцы и отвратительно-сладкую брюкву.

«Капитан-то, конечно, найдёт меня, — думал он. — Найдёт, если будет от платка танцевать».



Этот возможный танец капитана и старшины слегка успокаивал душу, но холод проникал в грудь, и Вася замерзал, чувствуя, что превращается в брюкву.

«А Матрос? — думал Вася. — Где же Матрос? Он-то мог бы хоть подкоп сделать».

Конечно, Вася не знал, что Матросу надо было делать два подкопа. Сам он по-прежнему сидел в камере предварительного заключения и раздумывал на тему: можно ли собачьим носом прошибить бетонный пол?

«Как жалко, что человеческий глаз не видит ничего в темноте! — печалился Вася. — Сова видит, а я — нет. Надо бы научиться, натренироваться».

От нечего делать он яростно стал напрягать зрение, но не виделось ни зги.

«Начну с малого, — думал Вася. — Попробую увидеть собственную руку».

Он поднёс пальцы к носу, и долго-долго нахмурил брови, и вдруг разглядел что-то, не поймёшь что.

«Мираж! — подумал Вася. — Какой-то мираж!»

Но нет, это был не мираж, это был ноготь большого Васиного пальца. Тот самый знакомый ноготь, аккуратно постриженный в прошлом году садовыми ножницами, когда все трактористы обрабатывали колхозный сад.

«Боже мой! Неужели это он! — восклицал про себя Вася. — Неужели у меня появляется ночное подвальное зрение?»

Тут Вася покивал себе ногтем и стал напрягаться дальше. Скоро в поле напряжённого зрения появился указательный палец, за ним средний, безымянный. Только мизинец никак не поддавался.

«Тонковат», — думал Вася.

Примерно через час взгляд его добрался до мизинца, и Вася приказал зрению двинуться дальше, напрямик, к бочке с капустой. Зрение двинулось, рассекая темноту.

Бочка долго не объявлялась. Наконец, что-то задрожало, замаячило бочкообразное вдали, но виделось призрачно, зыбко и шатко. То и дело возникали какие-то продолговатые помехи.

«Тут уж не до чёткости изображения», — рассуждал Вася, обретающий ночное полутелевизионное зрение.

Вдруг он услышал какой-то шорох. Кто-то корябался внизу, под брюквой. Неужели Матрос? Неужели подкоп Матроса под погреб?!

Тут брюква зашевелилась, и из неё высунулось — о боже! — неужели такая огромная крыса?! Что это? Какой Матрос? Какой подкоп?

Ночным своим почти уже совсем телевизионным голубым зрением Вася увидел руку! Человеческую руку, которая, разбрасывая брюкву, тянулась к нему. На этой руке блистал серебряный перстень с бирюзой!

Ужас охватил Куролесова. Никогда прежде он не видел таких рук, торчащих во мраке погреба. А рука лезла всё дальше и дальше, потом появилась и вторая рука, и кудлатая голова подземного существа.



Существо вылезло из брюквы, отряхнулось и, шаря руками в темноте, сказала тоненьким голосом:

— Где же тут огурцы?

Жутко и жалко прозвучал этот вопрос в сырости погреба, и Куролесов ответил на него по-своему.

Он сжался в пружину и прыгнул. Пролетев по воздуху тридцать четыре, как потом подсчитали, сантиметра, он обрушился на подземное существо.

И тут раздался такой крик, какого ни я, ни Вася, ни вы, дорогие читатели, больше никогда в жизни не услышите.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАЗДВОЕНИЕ ОБЛАКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОИСКИ ПРАВДЫ

Криво, друзья мои, криво и неласково складывалась в этой жизни судьба полузабытого нами гражданина Лошакова.

Ну, во-первых, баранов и гусей он так и не продал, да ещё, вернувшись в родную деревню, сдуру принялся рассказывать о том, что вместо Курска попал в город Карманов.

— Какой ещё Карманов? Да такого города на свете нет!

— Эдак вы скажете, что и города Картошина нет?! — пытался защищаться Лошаков.

— И Картошина нет! — уверяли его на правлении колхоза и даже подсовывали карту области, на которой и вправду два таких мощных пункта, как Карманов и Картошин, были почему-то опущены.

— Дайте карту мира! — требовал Лошаков, но такой карты ему не дали и дружно исключили из заместителей председателя. И согласитесь: что это за заместитель, который бегаёт босиком по снегу в несуществующие города?

— Нам, председателям, такие заместители не нужны! — сказал председатель.

У Лошакова отобрали подведомственных гусей и баранов, увели кобылу Секунду, оставив только гусака Зобатыча.

— Нету, Зобатыч, правды на земле, — говорил гражданин Лошаков, глядя гусаку прямо в глаза, — нету.

Так с гусаком на коленях он просидел печально всю зиму, понимая, что правды нету. К весне, однако, стало ему казаться, что небольшое количество правды всё ещё находится в городе Курске, в руководящих местах. И он решил, как только подсохнут дороги, бросить на время гусака, сесть на велосипед и двинуть в Курск отыскивать правду.

И вот подсохли дороги. Лошаков выехал на просёлок, выбрался с просёлка на шоссе и сразу увидел табличку:

«ДО КУРСКА 100 км»

Он твёрдо нажал на педаль, закрутились-засверкали серебряные спицы, и под вечер Лошаков подобрался к другой табличке:

«ДО КУРСКА 1 км»

Здесь он передохнул, закусил редиской, причесался, оправил на груди галстук, чувствуя, что правдой попахивает всё сильнее и сильнее.

Так он проехал три километра, но никакого Курска нигде не встретил. Крайне обеспокоенный отсутствием Курска, Лошаков жал и жал на педали.

Наконец, вдаль показались новостройки, и велосипед рванулся к ним. Возле новостроек топтался у столба какой-то прохожий.

— Товарищ! — задыхаясь крикнул гражданин Лошаков. — Это что за город?

— Да это не город, — равнодушно ответил прохожий, продолжая топтаться у столба, — это пригороды города Карманова.

— Я это предчувствовал, — прошептал про себя Лошаков и пнул ботинком велосипед, который завёз его неведомо куда.

Возле «Пельменной» гражданин продал неверный свой велосипед каким-то тёмным личностям за тридцатку и зашёл в заведение.

«Нету правды, — нервно думал он, — нету!»

Пельмени между тем в городе Карманове оказались отличные — большие, сочные, ушастые.

Лошаков съел три порции, чувствуя, что какое-то количество правды появляется в его организме. Выйдя на улицу, он увидел надпись «Бутербродная», и, хотя после пельменей есть бутерброды казалось ему непростительной неправдой, он всё-таки зашёл и съел парочку с ветчиной и семужьим боком.

Когда же он вышел из «Бутербродной», ему бросилась в глаза совсем уж неправдивая вывеска — «Компотная». Но сухофрукты, из которых сварен был компот, оказались, однако, натуральными. Лошаков попил компотику и пошёл дальше по кармановским заведениям, чувствуя, что правды в его душе прибывает.

Побывал он:

в «Чайной» и в «Кисельной»,

в «Арбузной» и в «Фужерной»,

в «Бульонной» и в «Винегретной»,

в «Кильковой» и в «Тюльковой»,

в «Парикмахерской» и в «Прачечной» —

и, наконец, побритый и подстриженный, отстиранный и отглаженный, верящий в правду и совершенно, простите, обожравшийся, он оказался перед вывеской «Бильярдная».

И гражданину Лошакову захотелось сыграть.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЯГА К СОЛЁНЫМ ОГУРЦАМ

Царапалось и кусалось, отбиваясь от Васи, подземное существо.

— Отпусти, отпусти... я за огурцами... я за огурцами, — верещало оно.

— За огурцами? — удивился Вася и ослабил хватку.

Он пытался разглядеть, что же такое держит в руках, но его ночное подвальное, почти телевизионное зрение отчего-то закончилось, очевидно, от слишком крупных подземных переживаний.

— Как ты сюда попало?

— Да через дверь в подклети. За огурцами я... Шурочка я.

Да, друзья, ни Вася, ни автор, ни Квадратный Пахан не знали и не слышали, что в подвале имеется потайная дверь, заваленная брюквой. Знала об этом только Зинка, у которой и была дочка Шурочка, проживающая в городе Картошине. Эта Шурочка и получила в один прекрасный момент телеграмму:

«УЕХАЛА НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ ПОЛЬЗУЙСЯ
ОГУРЦАМИ ЧЕРЕЗ НИЗ ЦЕЛЮЮ МАМА»

И Шурочка пожелала маминых огурцов, которые славились посолом, и поехала в Карманов.

И здесь автор и читатель должны быть потрясены. Как же так? Мама даёт телеграмму об огурцах, совершенно забывая, что вместе с огурцами Шурочка найдёт убитое тело мёртвого человека. Автор не понимает, как это сделалось возможным. Очевидно, в голове у Зинки были только огурцы.

И вот теперь Шурочка сидела на полу погребца и плакала, а её держал за локти Василий Куролесов, который снова начинал обретать подземное зрение и угадывал в Шурочке девичьи приметы.

— Отпусти, не убегу, — сказала Шурочка. — Тебя как звать?

— Вася.

— Ты что? Тоже за огурцами?

— Да нет... я так... за брюквой... Выведи меня на свет.

Они вылезли на свет, и Вася был совершенно ослеплён тусклыми лучами солнца, которые еле пробивались через крапиву и бурьян. Взор его никак не прояснялся. Ночное зрение не хотело уступать дорогу дневному.

Вася долго махал у носа пальцами, и, наконец, что-то кривое стало вырисовываться перед ним, и он различил крайне неприятную блондинку, которая, кстати, не показалась ему такой уж неприятной, как кажется автору.

Наоборот, блондинка Шурочка показалась ему более-менее сносной в смысле взора.

— Так ты что ж это? — спросил Вася. — Огурцы любишь?

— Дико люблю! — воскликнула Шурочка. — Солёные, чтоб хрустели.

— А помидоры солёные любишь?

Шурочка задумалась, прикидывая что-то в уме, и, наконец, толкнула Васю кулаком в грудь:

— Уй, ну ты что! Конечно, люблю!

Нет, она определённо нравилась Васе всё больше и больше. Когда она говорила об огурцах, глаза у неё загорались. С помидорами такого не случилось, блеска не было, но всё равно мелькало в глазах что-то очень осмысленное.

— Да откуда же ты тут взялась? — воскликнул Вася.

— Уй, Васёк, да что же ты говоришь? Я ведь Зинкина дочка.

Вася вздохнул и гулко подумал: «Во как!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ

Тёплые жёлтые шары, вырезанные из мамонтовой кости, с номерами на слоновьих боках с грохотом сталкивались между собой, бились о тугие борта, мягко и тяжело катились по зелёному сукну. Изредка они падали в лузы, и вздрагивала тогда сеть, затягивающая лузу, вздувалась, поглощая шар.

Необыкновенно длинный, похожий на чёрного журавля человек держал в руках кий, тыркал им изредка в шары, приговаривая:

— По три рублика! По три рублика! Два шара форы!

Это разумное предложение не вызывало пока никакого отклика. Зрители жались к стенам. Они явно боялись играть с Журавлём.

— По три рублика! По три рублика! — приглашал Журавель, и, наконец, к бильярдному столу подошёл сутулый и синеносый человек, в котором читатель с интересом и любовью узнал бы гражданина Лошакова.

— По три рублика! — сказал ему Журавель.

— Это — неавторитетно! — парировал гражданин Лошаков.

— И два шара форы!

— Это кто тут кому даёт фору? — спросил Лошаков, глядя в потолок. — Это вы мне даёте фору, товарищ Журавлём? Так я её не принимаю. Я предлагаю вам сыграть не на три рубля, а на сто.

Здесь автор должен отметить, что скромный, в сущности, гражданин Лошаков, наевшись, делался нескромным и даже нагловатым. Но сто рублей он, действительно, в потайном кармане на всякий случай имел. На всякий случай, если отыщет правду. Ему отчего-то казалось, что, если правда вдруг найдётся, сто рублей никак не помешают.

Чёрный журавель, между тем, неуверенно вертел в воздухе кием. Он опешил. Он явно не ожидал от синеносого гражданина столь делового предложения.

— Моя фамилия Зябликов, — единственное, что он смог пока ответить гражданину Лошакову.

— Принимаешь вызов?

Журавель Зябликов смешался и замаялся. Он явно не знал, что делать. Длинными тонкими пальцами перебирал он кий, на котором было написано «Зябликову от Кудасова», — редчайший, доложу вам, кий, таких киев, подаренных великим бильярдистом Кудасовым, на свете почти нет.

Зрители у стен зашушукались. Журавлю надо было достойно ответить.

— Дайте мне мел! — торжественно сказал Зябликов, и Лошаков парировал:

— Бери!

Журавель Зябликов взял мел и ловко спиралью прокатился мелом по кию, а это означало на кармановском бильярдном языке, что вызов принят.

— Стольник! — сказал Лошаков, выхватил из кармана цельную сторублёвку, помахал ею перед носом партнёра и соперника и сунул деньги в среднюю лузу. — Остальные лузы пусты. Где ваши деньги, товарищ Журавлём?

— Моя фамилия Зябликов, — парировал Журавель и стал вынимать из кармана трёшки. С грехом пополам их набралось на тридцатку. Тут он полез в глубоко потайные карманы и наскрёб ещё пару рублей.

— Маловато, — отметил Лошаков.

— Остальное под честное слово.

— Ну это уж нет. Оценим ваши носильные вещи. К примеру, часы. Это будет авторитетно.

Общество, стоящее у стен, оценило часы в тридцатку.

— Недостача, — сказал Лошаков, — нужно ещё сорок рублей.

— Ставлю кий, — сказал Журавель, засовывая трёшки и часы в угловые лузы. — Надеюсь, кий от самого Кудасова что-нибудь стоит?

— Кий — это палка, — сказал Лошаков. — Для меня он ничего не стоит. Ладно, играй, длиннорукий, прощаю тебе сорок рублей. Итак, сто против шестидесяти, но с одним условием: на эти сорок рублей мне позволено хамство.

— Как так? — удивилось общество.

— Очень просто. Я ставлю сто, а он всего шестьдесят. И вот на эти сорок рублей я имею право ему хамить, а он должен разговаривать со мною на «вы» и называть меня «дорогой сэръ».

— Но в нашем советском обществе не принято таких слов!

— А мне наплевать, приняты они или не приняты. Сорок рублей недостача, а вы ещё толкуете? Сто против шестидесяти и хамство против «дорогого сэра»! Принимаешь вызов или нет?

Чёрный Зябликов побледнел, бильярдная гордость пронзила его, выпрямляя с хрустом позвоночник.

— Ладно, вызов принят. Но поскольку игра ещё не началась, я скажу, что вы хам, дорогой сэръ! Я разбиваю!

— Валяй, дубина, — равнодушно согласился Лошаков.

Пожалуй что как раз в этот момент, совершенно незамеченные, в бильярдную проникли капитан Болдырев и старшина Тараканов. Впереди них плёлся Носкович.

— Вот, — тревожно шептал он, — вот где шарики катаются.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. УТОМАЕНИЕ ХРУСТАЛИКОВ

Непонятно, что всё-таки случилось с Васиным зрением?!

Лично я полагаю, что хрусталики его глаз чудовищно переутомились, искривили свои кристаллы и разные сетчатки, пытаясь овладеть ночным подвальным зрением.

Он сидел сейчас в зарослях бурьяна, в дебрях пустыря и глядел на Шурочку как на исчадие некоторой красоты. Поверьте мне, опытному детскому писателю, никакой красоты в Шурочкиной внешности не обреталось. И в глазах ничего не было, кроме жажды огурцов. Но Васе она нравилась всё больше и больше.

Куролесов понимал, что сейчас настало время объяснений, и лихорадочно обдумывал, кем назваться: трактористом или милиционером? Пожалуй, всё-таки трактористом, а? Ей-богу, трактористом как-то проще, а?

— Ну, ты что сидишь? — сказал он, толкнув Шурочку локтем в бок. — Пришла за огурцами — валяй, набирай. Банка-то у тебя есть?

— Да они ведь в баке.

— Из бака они вывалились. Поняла? Во время рукопашной.

— Какой рукопашной?

— А ты что ж думала, в погреб падают просто так? Туда попадают после рукопашной.

— Да? — туповато протянула Шурочка. — А ты кто?

— Я-то? Да я — тракторист.

Тут Вася почувствовал, что разговор пошёл по идиотской дорожке, и решил свернуть на асфальтовый проспект разума.

— Иди за огурцами, — сказал он, ткнул Шурочку локтем, пожалуй так и не обнаружив пути на асфальт.

Шурочка послушно уползла в погреб, и Вася глянул ей вслед искривлённым кристаллом хрусталика. И тут он увидел лодыжки её ног. Они были необыкновенно прекрасны и тонки.

«Во лодыжки!» — гулко ахнул он про себя.

Пока Шурочка ползала, Вася обдумывал, как связно изложить присутствие тракториста в подвале после рукопашной, но голова и разум, заключённый в ней, отказывались помогать ему в этом деле.

Шурочка между тем выползла назад теми же лодыжками вперёд. Она волокла за собою бак.

— Полбака огурцов осталось, — сказала она, оборачиваясь к Васе.

И тут опять хрусталики, опять кристаллики Васины возмутились в хорошую сторону. Очень хороша показалась ему Шурочка, бесовски хороша. И тут автор должен всё-таки попытаться описать Шурочкину внешность, которую он охаял, не вдаваясь в подробности. Вдадимся же?

Итак, нос! Поверьте, маловато интересный. Ничего римского, ничего греческого. Ни на курочку, ни на уточку, ни хотя бы на свистульку он не был ни капельки похож. Такие носы, не похожие ни на что, произрастали только в городе Картошине. Впрочем, если читатель очень уж хочет, чтоб я с чем-то сравнил этот нос, — пожалуйста... Нет, не могу, стесняюсь. Перейду лучше к глазам, хотя и не тянет. Ой, не тянет! Ну ладно, глаза у Шурочки были цвета... Какого же? Ясно, что не морского и не бирюзового, они были цвета тряпочки, которая висела на заборе рядом с тем бурьяном, в котором они сидели... Тьфу! Сдаюсь! Чтоб я ещё раз взялся описывать женскую внешность!...

Ладно, перейду к описанию действий.

Действий, впрочем, никаких не было — Шурочка жевала огурец и глядела на Васю.

— Одного не пойму, — сказала она, — как же так? Ты тракторист и вдруг после рукопашной попал в подвал? Как? За что? Зачем?

Вася тревожно замер. Ответить на эти вопросы было, конечно, невозможно. Но тут в голове у него что-то сверкнуло, в глазах помутилось, и он ответил просто и гениально, снимая сразу все вопросы и размышления.

Он тронул Шуручку за лодыжку и сказал:

— Саша! Я вас люблю!

ГЛАВА ПЯТАЯ. БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ (продолжение)

Шары скатили в середину бильярда, накрыли их деревянным треугольником, выравнивая пирамиду.

Журавель наточил мелом кий, сложил из кисти левой руки какую-то немислимую дулю, сунул в дулю кий и тыркнул по шару. Стремительно покатился шар по зелёному сукну и врезался в пирамиду. Она развалилась от удара, и два шара сразу провалились в лузы, забитые мятыми трёхрублёвками.

— Неплохо начал, куриный крючок! — сгрубил гражданин Лошаков. — Я и не думал, что такой пачкун на что-то способен. Бей дальше, но прежде скажи мне «дорогой сэръ».

— Не скажу, — ответил Зябликов, сжав зубы.

— Тогда игра недействительна! Сейчас же выковыриваю из лузы сторублёвку и иду пешком в город Курск. Говори, свинья двухмордая!

— Дорогой сэръ, — скрипя сердцем и нервами, сказал Зябликов и снова ударил в шар.

На этот раз удар не получился. «Двухмордая свинья» сделала своё чёрное дело. Шары бестолково потолкались друг о друга и стали по местам. Для Лошакова образовалась самая настоящая подставка! Бильярдисты меня понимают!

— Какой мелкий таракан! — приговаривал Лошаков, намусоливая мелом кий. — Пельмень с камнем! Дуб! Не понимаю Кудасова! Как он мог подарить кий такому мракобесу?!



Наевшись, Лошаков всегда обнаглел до безумия.

— Смотри, свисток! — кричал он Зябliku с другой стороны бильярда. — Смотри, блокнот кооператора! Сейчас я ударю и с твоей, с позволения сказать, «головой» посыпется прах! Только попрошу над бильярдом не сорить. Отойди в угол, к урне и сыпь прах там.

Так разговаривал гражданин Лошаков, обходя бильярдный стол со всех сторон, а бить по шару он никак не собирался. Наконец, всё-таки приложился, прицелился основательно, вздохнул и сказал:

— Нет, не могу. Стыдно играть против такого млекопитающего настоящим кием. Дайте мне половую щётку.

И он схватил половую щётку, стоящую у стены, приложился и вмазал — и шар влетел в лузу.

Дикий рёв раздался в бильярдной, и под этот рёв Лошаков загнал щёткою в лузы ещё два шара.

Зябликов омертвел.

— Не знаю, чем дальше бить, — жаловался Лошаков ревушим и стонущим зрителям. — Даже играть щёткой против этого паразита — роскошь. Дайте мне стул и оторвите от него ножку. Буду играть ножкой стула. Впрочем, не отрывайте, я буду играть цельным стулом.

И он взял стул и стал прикладываться к шару стулом.

— Ножки уж больно кривые, — рассказывал он зрителям. — А ничего не поделаешь, против этого натюрморда надо играть кривым предметом. Сейчас ударю, только пускай он снова скажет «дорогой сэр».

— Не скажу, — сжав зубы, пробормотал Зябликов. — Игра аннулирована!

— Э, нет, нет! — заорало общество, из которого Зябликов повынимал в своё время немало трёхрублёвок. — Сдался! Сдался!



— Если сдался — деньги мои! — сказал Лошаков. — А если играешь, говори «сэра». У, какие глаза! Как помоями налиты! Говори!

— Я не сдался, дорогой сэра, — сказал Зябликов. — Бейте!

— Сейчас вдарю! Вдарю стулом по твоим трёхрублёвым нервам! У тебя ведь и вся душа стоит три рубля! Не больше, никак не больше! Бью по трём рублям! Играю свояка!

С огромным стулом на плече Лошаков прицеливался особенно тщательно, да и шар-то был трудный, свояк.

— Тишина в павильоне, — приказал Лошаков. — Я готов! Замрите! Мотор!

Все замерли, и Лошаков легко катнул стулом шары. Шар с номером на боку 13 повлёкся по зелёному сукну, стукнулся об шар с номером 8, отскочил от него и медленно провалился в лузу, где лежала лошаковская сторублёвка.

Обвал воплей рухнул в бильярдной. Шара, забитого стулом, кармановцы ещё не выдвигали. Они кинулись обнимать Лошакова, тискали его и целовали, требовали автограф, приглашали в театр. Многие просили подержаться за стул. Трогать понапрасну победный стул гражданин не позволил, сел на него, успокаивающе замахал ладонью:

— Должен передохнуть... нервное перенапряжение... Чем играть дальше — вот вопрос. Нет ли у кого зубной щётки?! Или урной попробовать? Дайте урну!

В этот момент триумфа и славы на плечо гражданина Лошакова легла тяжёлая и властная рука и послышался хриплый стальной голос:

— Урны не надо! Ваши документы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗВУКИ БАКА

— Когда же? — спросила Шурочка.

Она прижимала к груди эмалированный бак с огурцами и глядела на Васю.

— Чего когда?

— Когда полюбил?

— Да пока ты ползала взад-вперёд. Нахлынуло.

— Тогда ползём вон туда, — сказала Шурочка, и, толкая перед собой бак с огурцами, она поползла на четвереньках в ту сторону, где бурьян был погуще.

Вася тронулся за ней. Вставать на ноги, подниматься во весь рост было неловко. Влюблённые, казалось им, должны ползти. Забравшись в глубину бурьяна, девушка оглянулась.

— А я что тебе, понравилась, да? Хочешь огурца?

— Очень понравилась. Хочу.

— И ты мне понравился, — сказала Шурочка, выбирая огурец поукропстей. — Потом понравился, когда я выползла назад с баком. Ты так жутко на меня глядел.



Вася и сейчас глядел на неё самым неожиданным образом, и Шурочка глядела в ответ, а в воздухе над ними что-то происходило, что-то шевелилось, возникали какие-то запахи и дуновения, какая-то пыль, отблески и дрожь. Всё это, взятое вместе, постепенно складывалось в небольшое облако, которое всё расширялось, расширялось. Скоро это было уже совершенно круглое облако, которое имело полтора метра в диаметре. Это было облако взаимной любви, которое и колебалось над бурьяном.

Когда облако окончательно сформировалось, Шурочка достала из бака ещё один огурец, обдула его, обтёрла, кокетливо поцеловала этот огурец и, хихикнув, протянула Васе. Куролесов схватил огурец, бешено откусил с хрустом, прожевал, проглотил и, чувствуя, что становится круглым болваном, поцеловал огрызок огурца и передал через бак даме.

Прикрыв глаза, она многозначительно заглотила остатки поцелуев.

— А мама дала мне телеграмму: приезжай за огурцами. Ну я и поехала, а ты там, в погребе, вот уж не ожидала.

— Да и я-то сижу, зрение в темноте тренирую, вижу — рука! Ну, думаю — надо кидаться! Кинулся, а это — ты! Я и влюбился!

Тут Вася придвинулся к девушке поближе, хотел её обнять, да бак с огурцами мешался. Он отодвинул бак, но Шурочка вернула бак на место. Тогда Вася обеими руками обхватил и Шурочку и бак. Бака попало в его объятия побольше. Куролесов изловчился и через бак поцеловал девушку в щёку.

— Убери бак, — сказал он.

— Ни за что.

— Так и будем разговаривать? Через бак?

— Ага, — хитрила Шуручка.

— Ну ладно, согласен, — сказал Вася, а сам хитроумно пополз вокруг бака к ней, но она уползла на другую сторону.

— Давай ещё по огурчику, — сказала она.

Пыльные цветы бурьяна склоняли над ними свои буйные головы, и случайные прохожие никак не могли понять, что за звуки доносятся из придорожной канавы. А это был хруст огурцов и поцелуи. А уж редкие гулкие звуки — это были удары Васиной головы об бак.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ (окончание)

— Нет! Нет! Я требую урну! — кричал гражданин Лошаков, вырываясь из рук старшины Тараканова. — Я буду играть с ним урной.

Зрители в бильярдной в первую минуту не могли сообразить, что, собственно, происходит? Почему этот длиннорыжеусый схватил вдруг мастера ударить стулом по шару?

Первым сообразил дело Журавель Зябликов. Он вдруг нервно принялся выковыривать из луз свои часы с трёшками.

— Кажется, облава! — прошептал кто-то.

— Облава, облава! — шёпотом закричали зрители. — Берут всех подряд! — И зрители брызнули из бильярдной.

Зябликов кинулся к двери, но не смог пробиться сквозь человеческую пробку и, спотыкаясь об кий от Кудасова, выпрыгнул в окно.

— Стой! — орал вслед ему Лошаков. — Держи его! Да я его этажеркой обыграю! Умывальником!

— Спокойно, гражданин! Стоять! Руки! Руки! — Старшина быстро пробежал пальцами по пиджаку и другим карманам гражданина Лошакова. — Спокойно, гражданин, стоять!

— Стою, стою, — отвечал Лошаков. — Чего тебе надо?

Гражданин Лошаков совершенно ничего, что происходит, не понимал и сообразить не мог. И только тревожная мысль, что правды на свете нет, приходила ему в голову.

— Товарищи оперативники! — сказал Носкорвач, подойдя вплотную к Лошакову. — Это грабитель Пахан, я узнаю его.

— Молчи, цыц! — сказал капитан Болдырев, обходя и разглядывая Лошакова со всех сторон. Первым делом почему-то он оглядел его ботинки, вперился в глаза, и в них почудилось ему что-то родное.

— Так, — сказал капитан. — Дело об угоне кобылы и снятии сапогов. Гражданин Коровин?

— Лошаков, — сказал Лошаков — Отдайте стольник.

— Эх, Носкорвач, — сказал капитан, — обманул, значит? Невинного нам подсунул? Так?

— Конечно, подсунул, — радостно засмеялся Носкорвач, — обманул. Обязательно обманул. Как же мне вас не обмануть-то, таких доверчивых? Оперативников обманывать — моя гордость, моя радость.

— Со следа свёл? — вскричал Тараканов.

— Обязательно свёл! — веселился Носкорвач. — Я ведь камикадзе. Знаете, у японцев были такие камикадзе? Их сажали в торпеду, и они мчались на корабль. Они корабль взрывали, но и сами, конечно, отдавали концы. Вот и я в конце концов взорвусь. Правда, я кармановский камикадзе, торпеды у меня нету — шкаф с носками.

Носкорвач размахивал рукавами, но тут в бильярдную быстро влетели два милиционера и увели его под крики: «Осторожно, взрываюсь!»

Капитан со старшиною кинулись на улицу, прыгнули в двустороннюю машину и помчались на улицу Сергеева-Ценского. Они ворвались в дом, рухнули в погреб, разбросали брюкву, выскочили на улицу через потайную дверь и остановились около бурьяна.

Над бурьяном висело странное облако. Абсолютно круглое и мутное, оно имело в диаметре около трёх метров. Из-под облака, откуда-то снизу, доносились гулкие, как удар колокола, звуки.

— Кто-то бьётся головой в бак, — предположил Тараканов.

— Проверьте, — сказал капитан, — только осторожно.

Старшина вынул наган и двинулся к бурьяну...

А покинутый милицией гражданин Лошаков долго ещё стоял у бильярдного стола, глядел на стул, которым забил немислимого свояка, вспоминал минуты своей славы и триумфа.

Потом он покачал печально головой, прощаясь с бильярдной, вышел на улицу и отправился куда-то, вероятно, разыскивать всё-таки город Курск.

«Хорошо хоть стольник вернули, — думал он. — Да и на сорок рублей удалось, пожалуй, нахамить. Одна «свинья двухмордая» червонца стоит».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КАПИТАНСКИЙ КАШЕЛЬ

Облако, странное облако висело над бурьяном. То, казалось, в облаке этом мелькает радужная пыль, то вроде моль, то мыльные пузырьки или цветочки липы.

Но не было в облаке ни моли, ни пыли, в нём были только чувства. Это облако состояло из чистых человеческих чувств, прозрачных и нежных, в которых не было ничего мутного, ничего пыльного. Это было облако истинной и внезапной любви.

Обойдя облако слева, старшина Тараканов раздвинул бурьян и даже не понял поначалу, что он увидел. Он отпрянул и нервно взвёл курок, а после снова сунул в бурьян усы. Приглядевшись, он сообразил, что видит двух человек, которые обнимают большой оцинкованный бак. И один из них, в котором старшина с трудом узнал Куролесова, бьётся в бак головой, приговаривая:

— Но я же люблю, люблю!

Боком-боком старшина вывалился из бурьяна и обратился к старшему по званию.

— Разрешите доложить, — шёпотом сказал он, убирая оружие. — Там Куролесов бьётся головою в бак. С ним какая-то баба белого цвета.

— Что за белая баба? — вздрогнул капитан и решительно шагнул в бурьян.

Довольно скоро, впрочем, он вышагнул обратно, зацепив известное нам облако правым плечом.

— Мда... — сказал он, — непонятная история... неясно... неясно...

— Кажется, они борются за обладание баком, — предположил старшина. — Возможно, в баке находится что-то ценное, какая-нибудь важная улика. Вот Куролесов и вцепился в бак.

— Вряд ли, — сказал капитан. — Слышите? Они целуются!

— Фу, неловко-то как! — застыдился старшина. — Ой, как мне неудобно!

— Надо его оттуда как-то вызвать. Только поделикатней.

— Хотите, я его кашлем вызову?

— Как это?

— А вот так: кхе-кхе-кхе... — И старшина деликатненько закашлял.

Некоторое время они поджидали, какое впечатление произведёт таракановское «кхе-кхе-кхе». Никакого эффекта не последовало, только раздался особенно гулкий удар в бак, от которого облако любви подпрыгнуло повыше.

— Чего тянуть и кашлять? — раздосадованно сказал старшина. — Пойду сейчас и арестую обоих, а бак отберу как вещественное доказательство.

— Товарищ старшина, вы эти старые методы бросьте. Сейчас не те времена. Ладно, я сам кашляну, чёрт подери!

Капитан набрал в грудь воздуха и что есть силы кашлянул:

— Гррррхххммм!

Через две, как потом подсчитали, секунды из бурьяна выкатился всклокоченный Куролесов. Он растерянно озирался, дожёвывая очередной огурец.

— Товарищ капитан, — сразу, с ходу начал он, — нужно срочно в Глухово. Они ушли в Глухово к Хрипуну. Это ведь был сам Харьковский Пахан.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РАЗДВОЕНИЕ ОБЛАКА

Потягивая за собою бак, из бурьяна вскорости выбралась и Шурочка.

— Вась, это кто же? — изумлённо спросила она.

— А это наш председатель колхоза, — сразу нашёлся Куролесов, делая капитану бровями знаки-намёки, — а уж это бригадир — товарищ Тараканов.

— Уй, какие усы! — засмеялась Шурочка. — Вась, отрасти себе такие!

— А вас как звать-величать? — по-председательски строго спросил капитан.

— Шурочка я. Александра.

— Хорошее имя, — одобрил бригадир, довольный похвалою в адрес усов. — Бодрое имя! Как у Пушкина!

Шурочка потупилась в сторону бака.

— Где проживаете? — спросил председатель.

— В городе Картошине. Улица Сергеева-Ценского, 8.

— Позвольте, позвольте, это в Карманове улица Сергеева-Ценского.

— У нас тоже. Мы от Карманова не отстаём.

Старшине Тарakanову хотелось задать какой-нибудь вопрос, желательно колхозно-бригадирский.

— А как у вас в Картошине с картошкой? — деловито осведомился он.

— Хорошо, — обрадовалась Шурочка. — Из Кашина привозят. Синеглазку. Ну такую картошку с голубыми глазами.

— Вы любите синеглазку? — кокетничал старшина.

— Уй! Натурально!

— Да-да! — сказал капитан. — Синеглазка хороший сорт, но нам сейчас не до картошки. Мы ведь по срочному делу. — И тут капитан хлопнул Васю по плечу. — Надо налаживать механизацию. Понял? Поехал в Карманов, а технику не отремонтировал? Нехорошо, товарищ!

— Да как же товарищ ка... председатель. Редуктор перебрал и гусеницы откувалдил.

— Многое, очень многое нам ещё надо откувалдить, дорогой товарищ.

— Ты уж, Васёк, прости, — встрял и Тараканов, — но я, как бригадир, должен поддержать товарища ка... председателя. Кувалдить так кувалдить!

— Давай, давай, Вася, срочно прощайся с гражданкой... машина ждёт. Вы уж простите, Александра, Вася у нас мастер, без него как...

— Как без пассатигей! — подсказал старшина новую техническую мысль.

— Шура, — сказал Вася, — пойми... отойдём в бурьян.

Они отошли в сторону, и облако заколебалось, заволновалось.

— Ты, главное, не беспокойся, — говорил Вася. — Поезжай в Картошин и будь в Картошине. Я тебя найду. Только в Картошине будь. И оставь для меня в баке хоть пару огурцов.

— Обязательно, обязательно оставлю. Килограмма два, точно.

Вася оттолкнул бак, крепко обнял Шурочку и выбежал из бурьяна.

И облако немедленно разделилось на две части. Одна часть полетела за Куролесовым, а другая осталась на месте. Когда-нибудь они снова воссоединятся, найдут друг друга, сольются в одну большую грозовую тучу, и тогда разразится такая гроза, такой грохнет гром...

Отчего-то взгрустнулось Шурочке. Вася ведь ей и вправду понравился. Хороший всё-таки, чувствуется, парень. Конечно, он всё врёт, никакой он не тракторист и в подвал попал неизвестно почему. А эти, конечно, не колхозники, а скорей всего оперативники, да ведь не в этом дело. Дело в том, что парень хороший.

— Ладно, — решила она, — поеду в Картошин и буду ждать.

И она поехала в город Картошин с остатками облака над головою и с огурцами в баке и терпеливо ждала. Ждала и ждала. Долго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ХРИПУН

Шофёр Башилов, дремавший в двусторонней машине под газетой «Вечерний Карманов», был мигом разбужен.

— Глухово! — крикнул старшина ему в ухо.

— Спокойнее, — поморщился капитан. — Глухово — тихое слово.

— Там был третий в кустах, — скороговоркой докладывал Куролесов. — Я — за ним. Он — меня в погреб. Я — прошу слова! Он — пистолет! Выстрел! Смерть!

— Налево... направо... — командовал старшина, — проедем Спасское... вот и Глухово.

Машину повернули к деревне бортом «Спецобслуживание», а капитан и старшина стали переодеваться. Под задним сиденьем нашлись драные телогрейки, ржавый топор, пила. Переодевшись, помазав немного лбы свои машинным маслом, Болдырев и Тараканов превратились в людей совершенно неизвестной профессии. С такими лбами и инструментами они могли сойти за монтеров и за слесарей, за специалистов по устройству колодцев, за разжалованных трактористов, за строителей придорожных коровников.

— Будем просто пильщиками, — сказал капитан Болдырев.

— Кому дрова пилить-колоть? — вскричал старшина, вылезая из машины.

С таким призывом вошли они и в деревню Глухово. Призыв долго оставался без ответа.

— Эй, да что вы, радетели, — заметила бабуся, сидящая под рябиной, — у нас все дрова давно поколены.

— У меня самого пила «Дружба», — добавил кнутовидный какой-то человек, который вёз на тележке мешок с хлебом. — Очень вы нам нужны!

На это и делали свой тонкий расчёт старшина с капитаном. Они вовсе не собирались пилить дрова, пила и топор были маскировочным материалом.

— Извините, гражданин колхозник, — сказал старшина кнутовидному мужчине, — а нам один человек из вашей деревни, по прозвищу Хрипун, сказал, что наша работа нужна. Где он живёт, Хрипун-то этот?

Так разумненько и осторожно старшина выведывал адрес Хрипуна. Кнутовидный остановил тележку, внимательно оглядел пильщика.

— Ах, вон ты чего, милоч! Хрипуна ищешь? Так Хрипун-то — это я!

Капитан замер от ярости. Ему казалось, что старшина слишком уж прямо, слишком в лоб вёл свои расспросы, и вот — на тебе! Попал в десятку. Капитан отвернулся в сторону, дескать, теперь уж, товарищ старшина, выпутывайтесь сами.

Старшина между тем ни секунды не растерялся. Он заулыбался, закрутил усы, закричал радостно:

— Хрипун! Хрипунице! Золотой ты мой человечиче! Здорово! Как же я тебя раньше не признал? Да это всё твоя кепка проклятая! Под кепкой тебя и не признал! Хрипуша, золото моё! А я ведь приехал тебе дрова пилить, помнишь, ты прошлый год наказывал?

Тут старшина бросил пилу на землю и стал обнимать Хрипуна.

— Чего тебе надо? Чего надо? — отбивался Хрипун. — Первый раз вижу! Отойди, не целуй меня! Мне противно!

— Ах, вон ты как! — орал на всю деревню Тараканов. — Сам звал в гости, а теперь от ворот поворот?!

— Где? Где? Где? — отбивался Хрипун. — Где я тебя звал?

— В пивной. Хрипун-голуба, в пивной в Картошине!

На все эти крики и разговоры из соседних палисадников стали объявляться колхозники и чужие люди. Разинув рты, они издали слушали и шушукались.

— Я не хожу в пивные! Не хожу! — орал Хрипун.

— Не ври, не ври! Ещё креветок брали! Эх ты, а ещё Хрипун! Сам звал в гости дрова пилить. А я-то дурак с другом приехал с ка... с капи... с Капитоном! Вот, Капитоша, как Хрипун друзей встречает! Что же ты, Хрипун? Угостил бы хоть помидорчиками маринованными!

Капитан Болдырев понял, что пора поддерживать старшину, который обижался на Хрипуна всё сильнее. Он подошёл поближе к Хрипуну, обнял его и строго поцеловал в губы.

— Здорово, Хрипун, — сказал он, обтираясь рукавом телогрейки.

— И этот целуется! — отпихивал его Хрипун. — Что вам нужно? Дрова пилить? Ладно, идите за мной.

Он прокатил тележку по улице, свернул в проулок, отворотил ворота, завёл капитана со старшиною куда-то за сарай, за которым валялись два длинных и корявых берёзовых бревна.

— Дрова хотели пилить? — сказал он. — Вот вам дрова! Пилите, гады!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. «РАЗРЕШАЕМ ОТКРЫТЬ ЛЮК»

Не взяли Васю в деревню, не взяли.

— Да поймите же! — укорял капитана Куролесов. — Пахан меня увидит — с ума сойдёт от ужаса. Он ведь меня убил, а я как новенький.

— Убьёт во второй раз. И не дрогнет. Так что жди в машине. Надо будет — позовём.

Вася маялся на заднем сиденье. Басилов снова накрылся газетой и заснул. От его храпения газета приподнималась, и Вася тогда видел заголовок какой-то статьи: «Разрешаем открыть люк». Что это был за люк, прочитать не удалось.

Из машины виднелась деревня, и особенно крайний дом, над которым торчала такая длинная антенна, как будто хозяин принимал волны из Рио-де-Жанейро. Странно, что антенну до сих пор не сломал ветер.

Длина антенны нагоняла на Васю далёкие мысли. Он снова вспоминал выстрел и погреб, особенно Шурочку. Часть облака, которую он увёз с собой, маячила над машиной, но Вася облака не видел, он его только чувствовал.

«Какая хорошая девушка, — вспоминал Вася, — самостоятельная, огурцы солёные любит».

Вася долго ещё думал о Шурочке, и все его мысли как-то крутились около фразы: «Самостоятельная, огурцы любит».

Вася вспоминал бурьян и поцелуи, снова чувствовал в своих объятьях приятный холодок эмалированного бака. Он мечтал, а шофёр Басилов храпел, показывая время от времени крупные чёрные слова на газете: «Разрешаем открыть люк».

«Неизвестно, какой люк, — думал Вася, — но хорошо, что разрешают открыть. Но вообще-то жизнь — штука сложная, и куда тут открыть люк: в сторону милиции или тракторизма? Неясно».

Вася долго ещё думал про Люк личной жизни, потом хотел немного подумать, как Шурочка любит огурцы, но не стал, потому что при чём же здесь огурцы? Важно, чтоб была хорошая душа, а уж если хорошая душа — она огурцы солёные обязательно любит.

В машину залетела пчела. Басилов спал, а Вася ловил пчелу. Поймал, выпустил в форточку, и вдруг его неудержимо потянуло на улицу. Он даже не мог понять, что такое его тянет и куда. А это тянуло облако, которому надоело одиноко болтаться над брезентовой крышей автомобиля.

Вася приоткрыл дверцу, выбрался на улицу, и облако подпорхнуло к нему, окутало голову. И облаку и Васе полегчало.

Куролесов прошёлся, промялся, глянул на деревню и вздрогнул. Он увидел, что антенна у крайнего дома закачалась и вдруг рухнула на землю, переломившись пополам. Только после этого донёсся из деревни выстрел.

Облако заволновалось, потянуло Васю в сторону. Он прыгнул в придорожную канаву, заросшую бурьяном, и затаился.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПИЛЕНИЕ БЕРЁЗЫ

Приходилось пилить.

Они выкатили берёзу из-под навеса, приладились и начали.

Хрипун с минуту поглядел на них, взял топор, потрогал большим пальцем лезвие и сказал:

— Туповат. Пойду на бруске поточу.

Он завернул за угол сарая с топором и тележкой, слышно было, как в доме хлопнула дверь.

— Точно попали, — сказал старшина. — Пойдём за ним, вроде бы воды попить.

— Чтоб воды попить — надо попилить немного, вспотеть.

— Я уже вспотел, пока с этим дубом целовался.

— Тьфу! Что за пила? Не пилит.

— Да вы не дёргайте, товарищ капитан! А пила как пила — вещественное доказательство. Помните? Кража в хозмаге.

— Тупая! Неразведённая!

— Да вы не дёргайте! Пилите мягче!

Из-за сарая между тем вышла какая-то баба и остановилась, глядя на пильщиков.

— Баба какая-то, — шепнул старшина. — Пилите, пилите, товарищ капитан! Баба смотрит! Да вы не дёргайте!

— Сам не дёргай! — сквозь зубы прошипел капитан.

— Извините, товарищ капитан. Не ругайтесь. Баба смотрит. Наверно, хозяйка Хрипуна.

Постояв минутку, баба скрылась за углом.

— Ей понравилась, как мы пилим, — сказал старшина. — Я видел на её лице удовольствие. Ладно, хорош. Пошли воду пить. На месте сориентируемся. Главное — взять Пахана врасплох.

Однако ориентироваться им пришлось, не сходя с места. Из-за сарая снова вышла баба, на лице которой было написано удовольствие, а с нею другая. У другой на лице удовольствия не было. Увидев пиление берёзы, она вдруг закричала:

— А-а-а! Кто? Не дам!

Тут она подлетела к старшине Тараканову и схватила его за усы.

— Не дам! Не твоё! — как сумасшедшая орала она. — Не имеешь права! Ты её сажал? Ты её валил? Не твоё! Не дам берёзу пилить!

На этот крик из-за сарая повалили мужики и бабы.

— Позволь, хозяйка! — орал старшина. — Нам хозяин велел пилить. Хрипун. Пошёл топор точить.

— Не да-а-а-ам! Не твоё! Не тронь, усатая морда!

— Где Хрипун? Где Хрипун? — орал старшина, отбиваясь от наскоков.

— Ну я Хрипун, — сказал низкорослый с одним глазом дядя, выходя из толпы. — В чём дело?

— Ты Хрипун? — растерялся старшина. — А где другой Хрипун?

— Это какой другой? Лёшка, что ли?

— Ну я Лёшка Хрипун, — сказал новый Хрипун, вылезая из-за поломанной телеги.

— Да что вы, все, что ль, здесь Хрипуны? А где Хрипун, что хлеб на тележке вёз?

— Да это дядя Митяй! Третий дом по красному посаду.

Тут вся толпа, дёргая старшину и капитана за локти, повалила вдоль красного посада. Какие-то шавчонки гавкали и вертелись под ногами, галдели Хрипуны, и баба орала про берёзу:

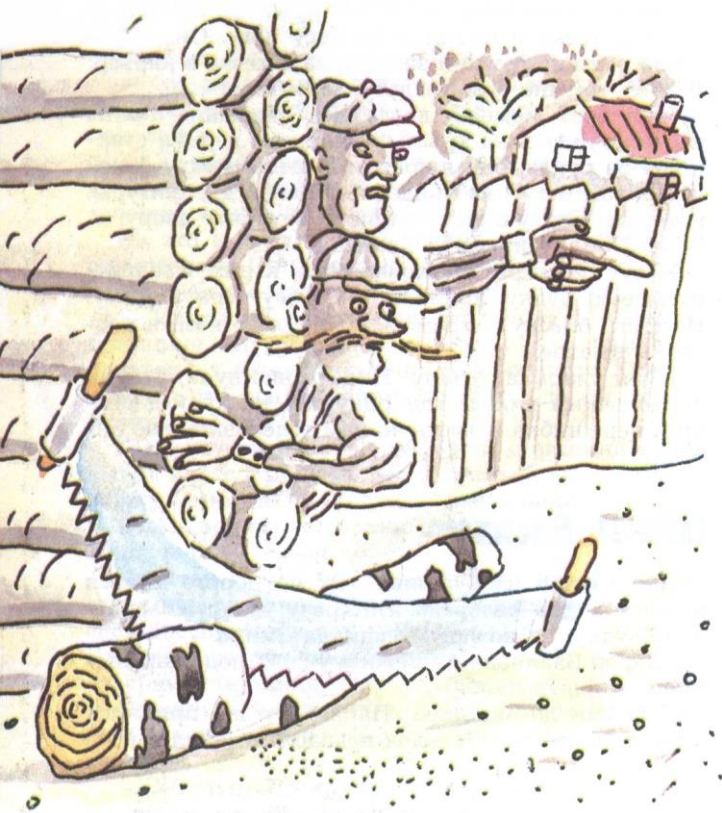
— Не имеешь права мою берёзу пилить! Не сажал!

Добежав до третьего дома, хозяйка берёзы взлетела на крыльцо и принялась колошматить в дверь.

— Выходи, Митяй! — колотилась она. — Выходи! Поговорим про берёзу!

Дверь распахнулась, и на крыльцо вылетела толстая тётка в галошах на босу ногу. Она скрестила руки на груди и закричала с места в карьер:

— А ты мне всю усадьбу истоптала!



И в этот момент, когда всё внимание толпы переключилось на крыльцо, капитан дёрнул старшину за рукав, они нырнули в щель между баней и забором и тут же увидели за баней две фигуры, которые крадучись бежали к скотному двору.

— Стой! — крикнул капитан.

И тут одна фигура повернула к ним квадратную свою будку, приложила к носу чёрную фигу. Из фиги блеснуло громом, грохнуло огнём, и раздался выстрел.

Пуля ударила в пилу. Пила взвизгнула, а пуля дьявольским рикошетом ринулась на край деревни и перешибла известную нам телевизионную антенну.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. БАСИЛОВ

Вася видел из бурьяна, как по дороге мчатся к машине два человека. Он сразу узнал Квадратную Будку, за которым скакала Зинка.

Шофёр Басилов по-прежнему спал под разрешением открыть люк. Добежав до машины, Пахан тут же принялся стучать в стекло. Басилов недовольно снял с носа газету:

— Чего такое?

— Подвези до парома! До парома подвези! Даю трёшку!

— Сколько?

— Пятёрку.

Басилов развернул газету и накрыл люком нос.

— Червонец даю, слышишь?

— А на бензин? — спросил Басилов из-под газеты.

— На бензин прибавим.

— Ну ладно, ладно, — сразу засуетился Басилов, скидывая газету. — Скорей, скорей, а то меня начальство заругает. Быстро! Ну!

Пахан, а за ним Зинка залезли, пихаясь, в машину. Басилов нажал на педаль, поддал газу, взревел, развернулся, и, вздымая пыль, двусторонняя машина рванула в сторону канала Москва — Клязьма.

Вася не знал, что и делать. В первый момент он хотел прыгать из бурьяна Пахану на загривок, но пока прицеливался, машина умчалась. Пыль, только пыль стелилась над дорогой. Впрочем, не успела пыль улечься, как поднялись новые клубы, и чудесная двусторонняя машина примчалась обратно. Басилов поставил её точно на то же место, достал газету, накрыл нос и сразу заснул.

Со стороны деревни тем временем послышался гул. На дороге показались два человека, которые стремглав неслись к машине. За ними валила толпа народа, доносились крики:

— Держи пильщиков!

Капитан подлетел к машине, стукнул в стекло.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — вскричал шофёр, роняя газету.

— Где Куролесов?

— Здесь я, здесь!

— Скорей в машину! Быстро! Быстро! Разворачивайся!

Пыльная толпа надвигалась. Впереди бежала низенькая старушонка, которая кричала:

— Не дам берёзу пилить!

— Гони! — крикнул старшина, и двусторонняя машина прянула от толпы.

Надоедливая старушонка всё-таки догнала машину, стукнула кулачком в заднее стекло.

— Ты её сажал? — кричала она.

— Плохи дела, Вася, — задыхаясь рассказывал капитан, пока Басилов с трудом отрывал машину от старушонки. — Упустили.

— Да я их видал, — сказал Вася.

— Где?

— Да тут неподалёку. Но не стал с ними связываться. Вы сами не велели.

— Куда же они делись?

— Куда-куда?? — зевнул Басилов. — Я их и подвёз. Попросились до парома, вон до канала Москва — Клязьма, три километра.

— На госбензине?! — вскричал Тараканов. — На госбензине бандитов возишь?



— А мне что? Время у меня было. Пассажир есть пассажир, а на бензин они мне дали.

— Под суд пойдёшь, — спокойно пояснил капитан Болдырев. — Гони! К парому!

— «Под суд, под суд...» — ворчал Басилов. — За что? У меня время свободное, почему бы и не подзаработать? Пассажир есть пассажир, лишь бы платил хорошо и на бензин добавлял. А чего мне, стреляться с ними? У меня и пистолета нет. У Васьки тоже.

— Гони! — кричал капитан.

— Пассажир есть пассажир, — бубнил Басилов. — Довёз до парома, там и ссадил. Ну, рассчитались, всё честь по чести, но и я лишнего не просил. Ну, на бензин добавили, стали парома ждать.

— Так они уже на другом берегу! — кричал Тараканов.

— Вряд ли, — сказал Басилов. — Я на всякий случай канат перегрыз.

— Какой канат?

— Паромный.

— Как перегрыз? Зубами, что ли?

— Зачем зубами? — обиделся Басилов. — Напильником.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ТЕЛО В КАНАЛЕ

Про этот канал рассказывали, что его решил построить ещё царь Пётр Первый, который затеял снабдить Москву водою из Клязьмы, а уж Клязьму — московскими товарами.

Но всё это было вранье и искажение исторической правды. Строил этот канал действительно Пётр, но не Первый, а Перлов — директор заготовительной конторы.

Строить его он начал собственными силами прямо от порога конторы. Налево — канал шёл к речке Клязьме, направо — к Москве.

К сожалению, канал не дотянулся ни до Москвы, ни до Клязьмы, Петра Перлова уволили, а кусок канала так и остался лежать на земле.

— Паромщик! Паромщик! — кричали два человека, бегая по бетонному берегу канала.

— Канат лопнул! — сварливо отвечал паромщик с того берега. — Ждите починки.

Когда зафырчал, заревел сзади «ГАЗон», Пахан и Зинка кинулись к машине, на которой приехали. Теперь только Басилов мог их выручить.

— Ложись! Все на дно! — приказал капитан. — Басилов, работай!

— Какая уж тут работа? — ворчал Басилов. — Сейчас кокнут — и вся работа. Зачем, дурак, канат перегрыз?

Машина стала, и Квадратная Будка подскакала к окошку.

— Четвертак! — задыхаясь крикнул Пахан. — Четвертак до Картошина.

— Мало, — зевнул Басилов и прикрыл нос газетой.

— На бензин прибавим.

— Да что вы там прибавите? — твердил Басилов, не высовывая из-под газеты носа. — Прибавят рубль и уже орут: мы прибавили, мы прибавили. Мало. Ясно?

— Червонец добавим! — закричал Пахан.

— Деньги вперёд, — сказал Басилов и откуда-то из-под газеты высунул стакан, который оказался почему-то у него под рукой. — Ложи в стакан.

Пахан полез в карман, достал какие-то рубли, стал пересчитывать, и тут капитан со старшиною выскочили из машины и навалились на него.

Вася замешкался. Ему надо было вывести из строя Зинку, но как это сделать? За руки, что ль, её хватать?! К тому же свербила мысль, что это мамаша Шурочки.

— Ложись, Зинка! — крикнул он. — Ложись! Мы с Шурочкой обо всём договорились!

— Чего? — крикнула Зинка. — Кто?! Ты?

— Ложись! Не лезь в это дело!

Но Зинка в дело влезла немедленно. Она ударила Васе под дых, кинулась к капитану и укусила его за коленку. Капитан ослабил хватку, и Пахан вырвался. Не раздумывая ни секунды, одним махом, прямо с бетонного берега он прыгнул в канал.

Его огромное чёрное тело упало в воду, как куб угля, и сразу пошло на дно.

Долетев до дна, Пахан коснулся его ногами и дико толкнулся вперёд и вверх, вынырнул, глотнул воздуха и снова углем рухнул на дно. Он, оказывается, совсем не умел плавать и так, огромными прыжками отталкиваясь ото дна, передвигался на другой берег.

Напрасно капитан и старшина пытались стрелять. Угадать, где в другой раз выпрыгнет он из воды, было невозможно. То там, то сям выныривала вдруг моржовая рожа, фыркала и ухала на дно.

И тут новое тело, не раздеваясь, плюхнулось в канал. Это было тело Васи Куролесова.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ВТОРОЕ УБИЙСТВО

Мокрый и дрожащий, в пиджаке, с которого текло, босиком — ботинки остались на том берегу — Вася сидел в ольховом кусту, поджидая Пахана.

Моржовая будка допрыгала тем временем до берега. Чертыхаясь, на четвереньках Пахан пополз по бетонной плите наверх, к лесу. Он полз, полз прямо к тому кусту, в котором таился Куролесов.

И Вася выступил навстречу, подняв к небу мокрые кулаки.

— У-у-у-у... — дрожал он. — У-у-у-убийца! Это ты убил меня и завалил брюквой? Ты? Отдай мои часики!

— Чего? — потрясённо спросил Пахан, протирая ладонью нефтяные очи. — Кто убил?

— Ты, Пахан-собака, ты убил и брюквой завалил. Отдай мои часики! О, как мне холодно под брюквой, холодно мне... Отдай часы с музыкой!

Вася синел и зеленел прямо на глазах, только нос его оставался по-прежнему белым и лиловым. А над головой Куролесова маячило облако, которое тоже синело, зеленело и дрожало, пугая Пахана.

— Зачем ты убил меня, Пахан? Ведь я же хороший. Я ведь был от Фоми-ча, а ты меня убил, и пуля попала в сердце. На, гляди, что ты наделал. — Тут Вася задрал рубаху и показал свой синий живот и совершенно целое сердце. — У-у-у-у! Убийца ты, Пахан! Каин, зачем ты убил брата своего, Авеля?

У Васи, кажется, начинался настоящий бред:

— А потом пришёл Мишка и сказал, что морковь слаще, а папа ударил Петю, потому что Басилов только думает на бензин, когда уже звёздочки взошли...

Облако совершенно возмутилось. Оно в первый раз слышало про убийство, потому что зародилось немного позднее. Услышав такое, оно отодвинулось подальше, заволновалось, забурлило и, разогнавшись, изо всей силы въехало Пахану в лоб.

Пахан зашатался.

Удар получился не такой сильный, вроде как диванной подушкой, но сам факт — облако, бьющее по лбу, — потряс Пахана. И действительно, видывали мы перистые облака, видывали кучевые. Облако дерущееся — это был первый случай в отечественном облаковедении.

— Облака на меня напускаешь? — прохрипел Пахан, признавая, наконец, Васю. — Я тебя убил один раз, но полагается дважды.

Он выхватил пистолет и... но пистолет не выхватился. Пахан шарил в мокром кармане.

— Где? Где пушка? — хватался он за пиджак. — Утопла? Пушка утопла!

Да, дорогие читатели, пушка утопла во время адских подводных прыжков, вывалилась из кармана и растворилась в солоноватых водах канала Москва — Клязьма.

— Холодно мне, Пахан, — говорил Вася, икая. — Дай мне горячей брюквы, согрей мне ноги шерстью барса. Спасибо, что ты меня убиваешь во второй раз, дай я обниму тебя.

И Вася пошёл к нему, жалобно улыбаясь и протягивая скрюченные пальцы.

Пахан попятился.

В этот самый момент облако разогналось посильнее и только хотело ударить пыльной подушкой, как из кустов выскочила рыжая собачонка маленького роста. Это был Матрос, который вырвался, наконец, из тюремного заключения. Не раздумывая ни секунды, Матрос вцепился Пахану в зад, а облако грохнуло по макушке.

Отбиваясь от облака, стряхивая со штанов Матроса, Пахан пятился назад, к каналу, из вод которого торчали, между прочим, ещё четыре руки, в которых жители деревни Глухово легко опознали бы руки, пилившие берёзу.

ЭПИЛОГ

До чего же надоел Куролесову преступный мир со всеми его засадами, погонями, выстрелами!

«Хватит, — думал Вася, отправляясь на электричке в деревню Сычи. — Останусь трактористом, женюсь на Шурочке, станем поросят держать».

Облако Васиного летело за ним над электричкой и радовалось, что Вася решил остаться трактористом. Особенно почему-то нравилось облаку, что Вася с Шурочкой станут держать поросят.

Пару недель поработал Вася в колхозе и стал просить отгул. Отгула ему не дали, и Вася, тоскуя, стал писать в Картошин письмо:

«Здравствуй, дорогая Саша!

Отгула мне не дали. А как дадут, я сразу приеду. А сейчас отгула никак не дают. Когда дадут отгул, я сразу приеду, а без отгула приехать не могу, потому что нельзя ехать, раз отгула нету. Не дадим, говорят, отгула, и вот я всё жду, а отгула всё нет и нет. Если б был отгул, разве же б я сидел? Плохо мне, Саша, без отгула...»

Здесь Вася приостановился, задумался, о чём бы ещё написать. Да чего писать, раз отгула нету? Надо кончать письмо и написать, что он ждёт ответа. Но как он ждёт? С какой силой? Он долго думал и так закончил:

«Жду ответа, как тёмное царство луча света».

Вася отправил письмо, и не успело оно ещё доехать до города Картошина, как ему дали отгул. Вася взял отгул, захватил ещё мешок картошки в подарок и поехал в город Картошин. За ним увязался Матрос и, конечно, облако. Вася легко разыскал улицу Сергеева-Ценского, дом 8, стукнул в дверь.

— Саша! Здравствуй! Вот и я, наконец! А это тебе мешок картошки в подарок!

— Вася! — обрадовалась Шурочка. — Заходи! Заходи! Помнишь, как мы с тобой целовались?



— Конечно, помню, — сурово отвечал Куролесов. — Как такое забыть? Огурцы-то ещё не все съела?

— Кажется, один огурец остался!

Вася прошёл в комнату, и облако шмыгнуло за ним, а Матрос остался на крыльце.

В комнате было уютно, а на диване сидел человек в синих носках, который хрумкал каким-то огурцом. Облако заволновалось.

— Познакомься, Вася, это мой муж Николай Иванович, тоже огурцы любит. Кажется, он и съел последний огурец. Коль, ты что, последний съел?

— Слушай, Шурк, — сказал Николай Иванович, — жрать охота, а, кроме огурцов, в доме нет ничего.

— Как это нет?! Вон Вася мешок картошки привёз!

— Неужто? — закричал Николай Иванович и подскочил от счастья на диване. — Давай сварим скорее в мундире! Вася, милый, садись на диван.

— Спасибо, спасибо, — солидно говорил Куролесов. — А я думаю: дай найду, погляжу, как Шурочка живёт, картошечки подброшу.

Пока Васю усаживали да варили картошку, облако поболталось по комнате, отыскивая свою вторую половину, но ничего не нашло и вылетело через форточку на улицу. Тут оно и улеглось на крыльце рядом с Матросом.

— Вася! Приезжай к нам ещё! — требовал Николай Иванович, поедая уже сваренную картошку. — Мы с Шурочкой гостей любим.

— Слушай, Саша, — сказал Вася, — а как насчёт облака? Ну, помнишь, которое раздвоилось?

— А я его засушила и положила в книгу. Вроде как цветок.

— В какую ещё книгу?

— «Приключения Васи Куролесова». Читал?

— Просматривал. А моё облако ещё дышит и летает.

— Ну, Васёк, ты тоже неправ. Я долго ждала, облако и засохло.

— Какое ещё облако? — требовал пояснений Николай Иванович. — Ешьте картошку, черти! Вкусная!

— Синеглазка, — отвечал Вася. — Ну, я пошёл, мне надо ещё в магазин «Канцтовары».

Шурочка вышла проводить его на крыльцо.

— А нашу улицу переименовывают, — сказала она. — Вместо Сергеева-Ценского будет просто Сергеева, тоже писатель такой есть. Леонид.

— И в Карманове переименовывают, — сказал Вася. — Там будет просто Ценского. Правда, такого писателя, кажется, ещё нету.

— Будет! — торжественно сказала Шурочка.

— А бак-то где? — спросил Вася. — Где бак из-под огурцов?

— А мы в нём теперь бельё мочим.

— Вот здорово! — сказал Вася и засмеялся. Так, смеясь над баком, он и расстался с Шурочкой и пошёл по городу Картошину. Хороший был, между прочим, город. Акации! Шиповник! Каланча! Ого! Здесь можно жить!

Так и шёл Вася по городу Картошину, а над ним плыло его облако, и бежал за пятками Матрос.

«А может, всё-таки в милицию? — думал Куролесов. — Пойти и отдать-ся в руки капитану! Ладно, дай хоть загляну ненадолго в Карманов».

Вася вышел на дорогу, по которой мчались машины и велосипеды, и зашагал по обочине к городу Карманову, но, к удивлению, он попал под вечер в город Курск.

Чего никак не скажешь про нашего любимого гражданина Лошакова.

Он-то как раз подходил к городу Карманову, только с другой стороны.



СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ КУРОЛЕСОВА..... 3

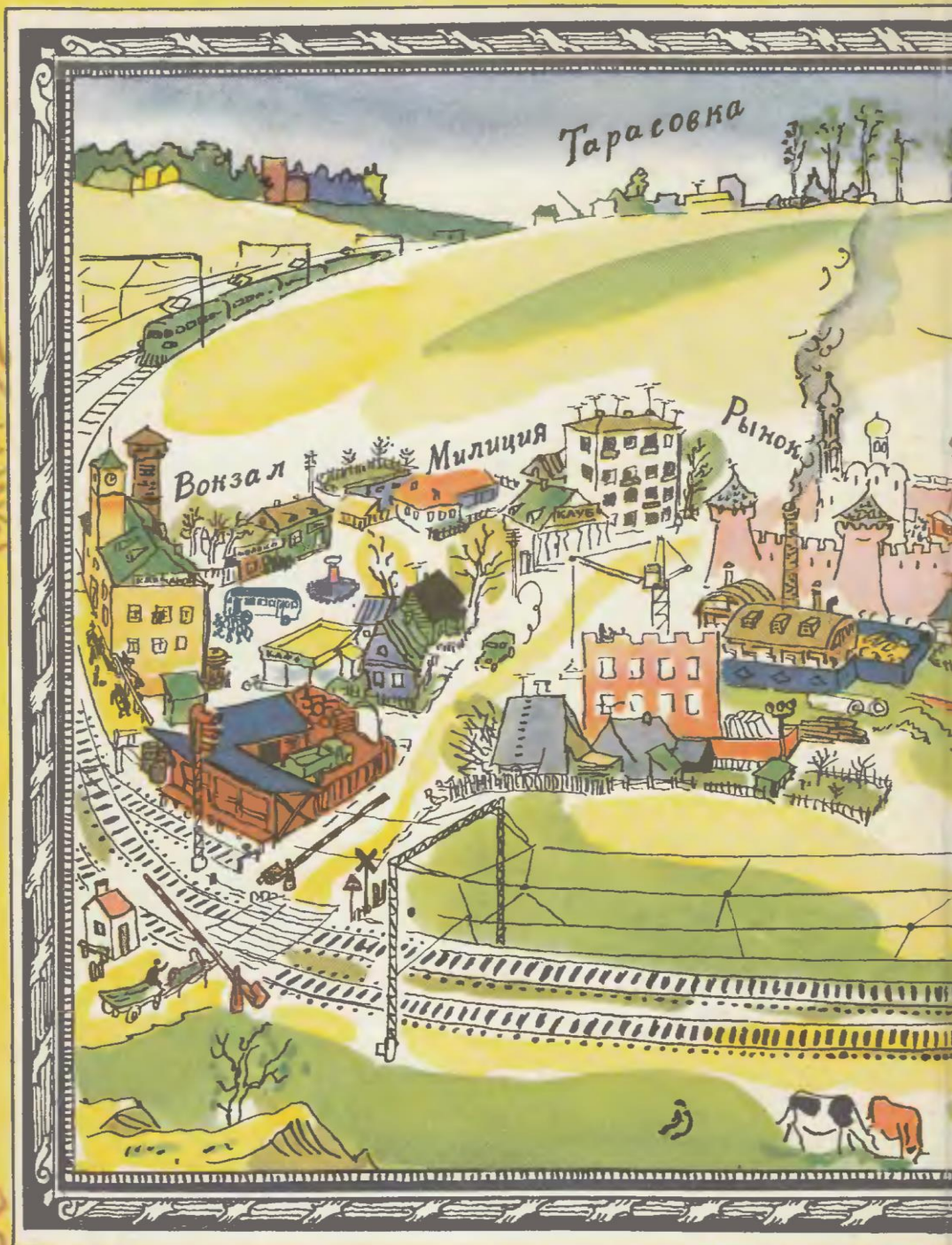
<i>Часть первая. УСЫ И ПОРОСЯТА.....</i>	<i>8</i>
Глава первая. В деревне Сычи	8
Глава вторая. Тёртый калач	8
Глава третья. Парочка поросят	12
Глава четвёртая. Тёмная ночь	13
Глава пятая. Рыжий	14
Глава шестая. Обыкновенный мешок.....	14
Глава седьмая. Вася бьёт черноусого	16
Глава восьмая. По следу	18
Глава девятая. Усы	19
Глава десятая. Появление гражданина Курочкина	20
Глава одиннадцатая. Искры из глаз.....	22
Глава двенадцатая. «Взгляни, взгляни в глаза мои суровые...»	25
<i>Часть вторая. ВОДОПРОВОДЧИКИ</i>	<i>27</i>
Глава первая. Нос уточкой.....	27
Глава вторая. Телеграмма	28
Глава третья. Допрос Матроса	30
Глава четвёртая. Матрос наводит на след	31
Глава пятая. Руки вверх!	33
Глава шестая. Три богатыря.....	35
Глава седьмая. Йод из Тарасовки	37
Глава восьмая. Рашпиль	38
Глава девятая. Каша в голове	40
Глава десятая. Засада.....	42
Глава одиннадцатая. Страшноватая ночь	44
Глава двенадцатая. Собачья жизнь	46
<i>Часть третья. ЗАПАХ МЁДА</i>	<i>48</i>
Глава первая. Цветочек без поливки	48
Глава вторая. Щепки летят	50
Глава третья. Вася хочет быть лошадю	52
Глава четвёртая. Тёмная лошадка	55
Глава пятая. Перо	58
Глава шестая. Свист.....	60
Глава седьмая. Погоня	62
Глава восьмая. Мусорная урна	63
Глава девятая. Деньги не пахнут.....	65
Глава десятая. Всё ясно!	66
Глава одиннадцатая. Пчелиный знаток Емельяныч.....	68
Глава двенадцатая. Грузовое такси	70
Краткий словарь, на всякий случай составленный автором.....	71

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ 73

<i>Часть первая. Пятница.....</i>	<i>75</i>
Дорогу новому.....	75
«Некому берёзку заломати».....	78
Бабушка Волк.....	79
О голубях.....	82
Ключ и молоточек.....	83
Вид на Зонтичный переулок.....	84
Тимоха-голубятник.....	85
Следы в подъезде.....	86
Сон Жильца.....	89
Четырнадцать подушек.....	91
Появление гражданина Никифорова.....	92
Бегство ис трах гражданина Никифорова.....	94
Телевизоры и монахи.....	95
<i>Часть вторая. Суббота.....</i>	<i>97</i>
Птичий рынок.....	97
Сто монахов.....	98
Карманов. Далее—езде.....	102
Кармановский колхозный рынок.....	105
Чтение мыслей на небольшом расстоянии.....	107
Кожаный.....	108
«Молоко» и «яблочко».....	110
«Волшебный стрелок».....	112
Стрельбы по-кармановски.....	115
Пять играющих монахов.....	118
Комната цвета какао.....	121
Операция.....	125
Ошибка старшины Тараканова.....	128
Взгляд с капитанского мостика.....	130
Погоня.....	133
Сны Похитителя.....	135
<i>Часть третья. Воскресенье.....</i>	<i>138</i>
Утро Похитителя.....	138
След на асфальте.....	140
Запахи Тетеринского переулка.....	142
Т. Б.	144
Пропажа брюк.....	148
Пора погреться!.....	150
Белый медведь.....	154
Крушение надежд.....	156
Покупатель-разгильдяй.....	157
Плач Похитителя.....	160
Одинокий голубь.....	161

Почта Похитителя	163
Турман и Тучерез.....	165
ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА.....	169
<i>Часть первая. Место преступления.....</i>	<i>171</i>
Глава первая. Заместитель председателя.....	171
Глава вторая. Человек и собака	171
Глава третья. Утро гражданина Лошакова	173
Глава четвёртая. Промах гражданина Лошакова	174
Глава пятая. Оперативное совещание	174
Глава шестая. Преступная чёрная точка	175
Глава седьмая. Варвары	177
Глава восьмая. Стрелять только в лоб и по делу.....	178
<i>Часть вторая. Папиросы пятого класса</i>	<i>179</i>
Глава первая. Секретный пост.....	179
Глава вторая. Ридикюльчик.....	181
Глава третья. Бутылка постного масла	181
Глава четвёртая. Придирки капитана	183
Глава пятая. Крайний случай.....	184
Глава шестая. Полёт милицейского пресс-папье.....	186
Глава седьмая. Подручные средства	187
Глава восьмая. Вася ботаёт и чирикаёт	188
Глава девятая. Уходящая галоша	190
Глава десятая. Взгляды в полной темноте	192
<i>Часть третья. Раздвоение облака</i>	<i>196</i>
Глава первая. Поиски правды	196
Глава вторая. Тяга к солёным огурцам	197
Глава третья. Бильярд по-кармановски.....	199
Глава четвёртая. Утомление хрусталиков	200
Глава пятая. Бильярд по-кармановски (продолжение)	202
Глава шестая. Звуки бака	204
Глава седьмая. Бильярд по-кармановски (окончание).....	206
Глава восьмая. Капитанский кашель	207
Глава девятая. Раздвоение облака	208
Глава десятая. Хрипун.....	210
Глава одиннадцатая. «Разрешаем открыть люк».....	211
Глава двенадцатая. Пиление берёзы	212
Глава тринадцатая. Басилов	214
Глава четырнадцатая. Тело в канале	216
Глава пятнадцатая. Второе убийство	217
Эпилог	219

ГОРОД КАРМАНОВ



И ОКРЕСТНОСТИ

